

Мартынов
Неделя Стюарда

Олег Соловейский

Я — Матвей Мартынов, стюард. Письма слать на адрес: МартиСтю@почта. риЛюбой дворянин может управлять энергией Яра, энергией всего живого. Любой, кроме меня. Ни военной карьеры, ни выгодной женитьбы без Яра не устроишь. Поэтому моя семья решила, что я буду подносить великим князьям шампанское во дворце, парящем над Средиземным морем. И вот, через год после моего возвращения из Японии, мне нужно объяснять личному агенту Его Императорского Величества, почему набросившийся на меня аристократ, который собирался прихлопнуть меня как букашку, теперь летит из окна мёртвым в прибрежные воды Константинополя. Только сначала нужно вырваться из объятий спасённой мной княжны...

Олег Соловейский
Мартынов. Неделя стюарда

Глава 1

хх. хх.1984

Понедельник

03:52

Горе в княжеском роду Гуриэли. Совсем юным погиб младший внук старого князя. Он отважно выпрыгнул из парящего над Средиземным морем летнего дворца Государя Императора, чтобы спасти рыбака, чью лодку перевернули волны, да так и потонул сам, несчастный.

Такова официальная версия, только кто же поверит, что княжичу, пусть даже и перебравшему алкоголя, не хватило бы Яра, чтобы из воды взлететь обратно до дворца? Роду Гуриэли, конечно, далеко до по-настоящему сильных князей, но даже у младшего, упокой Господь его душу, энергетический резервуар, вместительность мужской энергии Яра, был большим.

Поэтому и ежу понятно, что Гуриэли утонуть не мог. А лично я от себя мог бы добавить, что в воду княжич отправился уже мёртвым, и что умер он, убившись о собственную наглость.

Откуда я это знаю? Оттуда, что умер он на моих глазах, и я — тот человек, который сбросил его в прибрежные воды русского города Константинополя. Ровно через год и два дня после моего возвращения из Японии.

В отличие от погибшего, который был в Парящем дворце по приглашению одного из княжичей императорской крови, я, единственный сын младшего сына влиятельного князя Мартынова, находился там по долгу службы. Я — стюард летнего Парящего Его Императорского Величества дворца. Стюард Мартынов. С детства мой энергетический резервуар был огромен. И совершенно пуст. Но во время стычки с молодым Гуриэли всё заверте...

Вышло это так. Во дворце, где я несу свою почётную службу, прислуживая князьям императорской крови, а в перспективе и самим Императорским Высочествам, существуют соответствующие обустроенные комнаты на случай, если благородным гостям нужно будет побыть в одиночестве или, наоборот, срочно разделить с кем-то радость общения настолько тесного, что окружающие могут ему помешать. Это я про секс, если кто не понял.

В одну из своих смен мимо такой комнаты и шёл я с пустым подносом из-под шампанского, когда услышал приглушённые женские вскрики, натолкнувшие меня на мысль, что находящаяся там дама вовсе не планирует сейчас уединиться. В такую минуту я совсем позабыл о том, что последний раз использовал Яр в возрасте семи лет.

Тогда, на своей первой тренировке, я полностью опустошил свой резервуар, выполняя команду учителя ударить его волной силы. До этого обучавший моего кузена (о котором я расскажу в своё время) инструктор не ожидал, бедный, что у ребёнка Яра будет больше, чем у него, и отправился в кому. Я, впрочем, тоже, и мне ещё повезло: взрослого человека яровой шторм может убить.

Конечно, неразумно было врываться в комнату, защищая честь неизвестной мне дамы, зная, что никаких сил, кроме тех, что в руках и ногах, у меня нет, и что любой дворянин сомнёт меня как банку из-под газировки. Но аристократическое воспитание взяло верх, вытеснив все остальные мысли.

Я бросил поднос и открыл дверь своим отпечатком пальца, который обеспечивал мне, как придворному стюарду, доступ во многие помещения дворца.

— Извольте прекратить безобразия! — попытался гаркнуть я как можно более грозно.

Фигура, нависавшая над дамой, повернулась ко мне. Это был младший Гуриэли. Его чёрные глаза горели страшным огнём.

— Ты кто такой?! — зарычал он.

— Стюард Мартынов, — ответил я. — Возьмите себя руки, сударь. И обращайтесь ко мне уважительно, на брудершафт не пили.

Сомневаюсь, что он чётко расслышал мой ответ. Узнав мою фамилию, Гуриэли, очевидно, сразу вспомнил, что во дворце служит только один Мартынов в чине стюарда, и это тот самый Мартынов, у которого нет Яра.

— Пшёл вон, — презрительно прошипел он. И тут же получил от меня звонкую пощёчину, которую, сам не заметив как, я ему отвесил.

Я понял, что это конец. Оставалось малодушно надеяться, что дама, за которую я так безрассудно вступился, сможет хотя бы частично прикрыть меня своей женской силой, Ярой. В этом случае, может быть, я доживу до завтрашнего утра, когда мои секунданты будут безуспешно пытаться выбрать пригодный для меня, как лишённого Яра, способ дуэли.

Гуриэли ничего говорить про дуэль не стал. Рассвирепев от пощёчины, он решил прихлопнуть меня как комара, ударив с двух сторон своим Яром. Понял я это только тогда, когда обнаружил, что остановил его удар своими руками. Но человеческое тело слишком слабо против силы Яра, а это значит, что, инстинктивно выставив руки в стороны, я каким-то образом пустил через них свой Яр!

Действительно, я ощутил, что мой резервуар наполовину полон (в такую минуту не хотелось думать, что он наполовину пуст, знаете ли). Как это вышло, Бог его знает, но здесь и сейчас у меня была сила!

Гуриэли, увидев, что я каким-то образом остановил его удар, — хотя абсолютно каждому в высшем свете Константинополя известно, как минимум на уровне слухов, что мой резервуар пуст — яростно вскрикнул и обрушил на меня всю свою мощь.

И я её сдержал, представив перед собой большой щит и выставив руки вперёд. Я действовал инстинктивно, так как меня никто не тренировал с пор той первой и единственной тренировки, когда я чуть не зашиб учителя и чуть не убился сам.

Это-то и сыграло с Гуриэли злую шутку. Из-за того, что я пользовался защитой неуверенно, ему показалось, что нужно ещё чуть-чуть поднажать, чтобы сломить меня. И он поднажал. А потом ещё. А потом, не заметив из-за своей великой лютости, что выходит за свой предел, ещё чуть-чуть. И свалился замертво. Яровой шторм, будь он не ладен, прикончил забывшегося от алкоголя и злобы княжича. Не знаю как, но я сразу почувствовал, что он мёртв.

Яровой шторм случается тогда, когда человек использует много Яра за один раз. Выброс энергии настолько велик, что резко опустошившийся резервуар, подобно вакууму, засасывает в себя жизненные силы носителя. У мальчиков поначалу, как правило, Яра очень мало. Резервуар увеличивают тренировками, постепенно, поэтому к восемнадцати годам каждый молодой дворянин знает класс своего резервуара и умеет с ним обращаться.

Мой же резервуар с самого начала был огромен и, ничего не подозревая, я выполнил самое первое указание моего горе-учителя атаковать его, сразу попав под яровой шторм. Но куда страшнее, чем штормовая кома, из которой, в конце концов, попавшие в неё в возрасте

до пятнадцати лет почти всегда выходят без последствий, оказался тот факт, что мой, опустошённый однажды резервуар не восполняется со временем, как у любого дворянина. Выходило, что я истратил все, отпущенные мне в этой жизни, силы будучи семи лет от роду.

Но в этот раз у меня откуда-то взялся Яр! Правда, в тот момент я думал о другом.

— Сударыня, вы в порядке? — наклонился я над сидящей на полу совсем молодой девушкой. Одежда на ней была цела, так что, судя по всему, её девичья честь не пострадала.

— Да, благодарю вас, — слабым голосом ответила она. Я подал ей руку, помогая подняться.

— Фрейлина Елизавета Георгиевна Амагунí, — представилась она, слегка согнув ноги, обозначив книксен.

Её густые чёрные волосы растрепались, образуя роскошную копну, спадавшую на хрупкие голые плечи и красивыми завитками облекая тонкую шею. Её вечернее платье было слегка разорвано, что позволяло мне видеть значительную часть её красивой и, нужно отметить, довольно большой груди. Она заметила мой взгляд, глаза её распахнулись, полные губы приоткрылись...

— Стюард Матвей Михайлович Мартынов, — быстро, чтобы она не успела возмутиться, представился я, наклонив голову.

Она продолжала смотреть на меня большими влажными глазами. Я повернулся к Гуриэли. Что же делать?

— Он мёртв, — услышал я за спиной голос Елизаветы.

Я кивнул.

— Матвей Михайлович, — она обожгла меня прикосновением руки. — Выбросите его в окно. Сейчас ночь, никто ничего не узнает!

— Но как же? — воскликнул я. — Нужно рассказать всем, как всё было!

— Нет, мой друг. Вы же позволите мне называть вас своим другом? — произнесла Елизавета Георгиевна. — Если вы расскажете об этом случае, то для всего нашего общества я стану глупой фрейлиной, которую любой княжич может утащить в тёмный угол.

— Но... — попытался возразить я.

— Сегодня вы спасли меня, мой друг, и я навсегда запомню это, — сказала она. — Спасите мою честь ещё раз, прошу!

В растерянности я потянул мертвеца за руку. Был он большим и очень тяжёлым.

— Матвей Михайлович, что вы делаете? — удивилась фрейлина Амагунí. — Используйте же Яр.

Точно! Мне, прожившему всю жизнь пустышкой, и в голову не пришло воспользоваться силой Яра для поднятия чего-то тяжелого. Или кого-то. Скажем, мёртвого наглеца.

Делая пассы руками, я представил, что надеваю огромные перчатки и поднимаю ими тело Гуриэли. Труп действительно поднялся в воздух. Сделав взмах руками, я выбросил его в окно.

— Никогда раньше не видела, чтобы кто-то так размахивал руками, поднимая что-то, — задумчиво сказала фрейлина.

— Елизавета Георгиевна, если вы хотите, чтобы я называл вас другом, то никому не рассказывайте, что я использовал Яр. Это секрет, — спохватился я.

— Конечно, Матвей Михайлович, — кивнула она. — Прошу вас, если удобно, перейдём на «ты».

— Хорошо, Елизавета.

— Уведи меня отсюда, Матвей, тут есть другие комнаты? — попросила она.

Я кивнул. Кто-нибудь мог услышать всплеск от падения тела Гуриэли в воду и предположить, из какого именно окна выпало тело. Нужно было перейти на другую сторону дворца. Я посмотрел на часы, моя смена уже закончилась, сейчас заступят другие стюарды и фрейлины, а когда празднество закончится, обычные, неблагородные, слуги придут прибираться.

Я открыл дверь и осторожно выглянул, чтобы убедиться, что нас никто не увидит. Мы выскользнули в коридор и перешли на другую сторону парящего дворца. Там я открыл отпечатком пальца дверь в точно такую же комнату. Пропустив вперёд Елизавету, я вошёл сам и, оперевшись на дверь, вздохнул с облегчением.

— Сколько тебе лет, Матвей? — спросила фрейлина.

— Восемнадцать, — поднял глаза я. — А тебе?

— Тоже восемнадцать, — она посмотрела на меня, не моргая. Я почувствовал, что тону в чёрных озёрах её больших глаз.

— Я тебя раньше не видел... — начал было я, как вдруг она сделала шаг ко мне, прижавшись ко мне своей упругой грудью. У меня перехватило дыхание. Я почувствовал, как её сочные губы касаются моих, как её тонкая изящная ладошка начинает хозяйничать в моих форменных брюках.

— Матвей, — шептала она, продолжая осваиваться с содержимым моего нижнего белья, — поверь мне, я так в первый раз... и вообще в первый... я просто чувствую, что так правильно, что ты...

Я собрал все свои силы и отстранил от себя фрейлину.

— Елизавета, тебе нужно прийти в себя, поезжай домой, наша смена закончилась, — как можно строже сказал я.

Она продолжала что-то лепетать, затем как-то вдруг расплакалась. В комнате была небольшая душевая с раковиной и зеркалом, где я помог ей умыться и привести себя в относительный порядок. К счастью, от природы яркая Елизавета Георгиевна в силу молодости пренебрегла в этот вечер косметикой, так что никаких потёков туши её слёзы не вызвали.

Мы добрались до гостевого лифта, которым пользовался, как лишённый возможности летать, и я. Гости-мужчины без дам обычно прилетали самостоятельно, на лифте же поднимались те, кто приходил парами. Для слуг не-дворян и разных грузов использовался отдельный лифт.

Мы спустились на стоянку, держащуюся на воде на понтонах. Я проводил Елизавету Аматуні до ждущей её машины, кажется, что-то из Руссо-Балтов средней ценовой категории, видимо, встречал кто-то из дворни. Или это был её личный автомобиль, который Елизавета Георгиевна использовала для неофициальных визитов, так как на нём не было гербов. Посмотрев, как машина удаляется, двигаясь по понтонному мосту к берегу, я ещё раз вздохнул и направился к своему скутеру, глядя на яркую полосу утреннего зарева над морем.

Пустыми дорогами, я быстро добрался до квартиры, которую нанимал в старом городе. Она была небольшой и занимала половину двухэтажного дома с плоской крышей. Мои комнаты были на втором этаже, гостиная, спальня и ванная комната. Внизу были помещения, где властвовал Тарас, но о нём я расскажу чуть-чуть позже.

Скромность моего жилья компенсировалась тем, что оно находилось достаточно близко

к летнему дворцу, парящему над Мраморным морем в километре от берегов Константинополя. На службу и обратно я предпочитал добираться самостоятельно на скутере, а не на машине с водителем. Занималась заря, когда я вошёл к себе.

Моя бестолковая прислуга, дядька Тарас — дядька не в том смысле, что он, упаси Боже, брат моего отца или матери, а в том, что он был приставлен ко мне с самого моего рождения — спал. В нормальных случаях, мальчика забирают от дядьки в возрасте семи лет, когда начинают учить использовать Яр. Всё время ребёнка поделено между гувернёрами, учителями отдельных дисциплин и тренировками с Яром. В моём же случае махнули рукой, оставив дядьку при мне.

Конечно, я прошёл базовый курс наук, меня обучили манерам, я худо-бедно выучил фамилии аристократов, но у меня всё ещё оставалось много свободного времени, которое у других уходило на развитие и контроль резервуара. Предоставленный самому себе я читал, играл в видеоигры, купался, занимался сёрфингом, плебейским, таким, каким обычно занимаются люди незнатного происхождения, конечно. В настоящем сёрфинге без Яра делать нечего.

Я старался не унывать, но правда была в том, что дворянин без Яра в Российской империи — это инвалид. А инвалид в Российской Империи, означает, инвалид во всём мире, потому что зачем жить где-то ещё? А значит, в этой жизни мне ничего выдающегося не светило.

Но в тот вечер произошло что-то необыкновенное. У меня был Яр, его было много, так много, что бедный Гуриэли убился, пытаясь пробить мою защиту. С другой стороны, он убился, потому что не знал, что у меня вообще есть Яр, но это уже детали. В конце концов, я ведь и сам не знал.

Я прислушался к себе. Яр был на месте. Я потратил довольно значительную часть на схватку и немного на то, чтобы избавиться от тела. Потом, как будто, потраченная часть возвратилась, да ещё и с лихвой. То есть, сейчас у меня было даже чуть больше Яра, чем до схватки.

Пока я, стоя возле двери, анализировал свои ощущения, из своей комнаты на первом этаже высунулся заспанный Тарас.

— Нужно чего, барин? — спросил он, стараясь держать глаза открытыми.

— Нет, — быстро, чтобы не потерять ощущения Яра, ответил я, — ступай, спи дальше. Не беспокой меня.

Я поднялся на второй этаж, комнаты которого предназначались для меня.

Обычно после смены я ложился спать, но сейчас мне было не до сна. Слишком много событий произошло. Ещё неизвестно, сойдёт ли мне с рук смерть княжича Гуриэли. Можно ли считать её убийством?

Потом эта прекрасная фрейлина Елизавета Георгиевна Аматауні набросилась на меня как пантера. Раньше такого поведения княжон по отношению ко мне я не припомню. Да и не только княжон. Наверное, совсем от стресса разум потеряла, бедняжка.

Я вернулся к сканированию резервуара. Естественно, что резервуар Яра — понятие нефизическое, более того, визуализируют его люди по-разному. Я, как человек необученный, представлял его буквально как огромный прозрачный стеклянный пузырь, который всю мою жизнь был пуст. Но сейчас в нём плескалась приятная на вид жидкость насыщенного голубого цвета — Яр. Было её чуть больше половины.

Я решил попробовать то, чего попробовать никогда даже и не надеялся: взлететь. Но как

это сделать? Я попытался визуализировать крылья, как продолжения рук. Взмах, второй, третий...

— Матвей Михалыч, дак вам массаж, может? — услышал я голос Тараса.

— Какой массаж? — не понял я.

— Ну дак руками-то машете, устали руки-то, подносы держать во дворце, чтоб ему пусто было...

— Тарас! — окрикнул его я.

Ещё не хватало в моём доме крамольных речей в адрес императорского дворца.

— Простите, барин, виноват, дурак я старый, — притворно испугался Тарас. «Старому дураку» не было ещё и сорока. — Только не жалеют онé вас совсем.

— Сгинь! — шикнул я на него. Тарас, шаркая, направился к двери. — Стой. А ты чего пришёл-то, я же велел не беспокоить?

— А! — хлопнул себя по лбу дядька. — Дак эт. Хотел сказать, что давеча, когда вы отсутствовали, на крыше, то ли соседнего дома, то ли нашего, кто-то на дудке играл. Пилик-пилик. Так вот, если вам, барин, мешать будут, вы только знать дайте, я им быстро устрою, пусть они хоть даже самого знатного семейства будут...

— Ой, всё, иди! — махнул я рукой.

Вообще Тарас, судя по всему, был незаконнорождённым ребёнком, бастардом или, иначе говоря, ублюдком, кого-то из нашей семьи, нагулянным от дворовой девки, так как у него был небольшой резервуар Яра, и он даже умел им пользоваться.

Естественно, его желание меня защитить было продиктовано не только многолетней привязанностью, но и жалостью к тому, что у меня Яра нет, а значит, в его глазах я всегда буду больным несчастным ребёнком, которого обязательно нужно оберегать.

В том, что Тарас, если потребуется, отдаст за меня жизнь, я был уверен абсолютно. С другой стороны, если бы, например, для спасения моей жизни, нужно было бы каждый час нажимать какую-нибудь кнопку, то я не удивился бы, если уже на втором часу он бы задумался, замечтался, задремал и всё бы проспал, тем самым меня погубив.

Тарас скрылся за дверью, отправившись к себе на первый этаж. Там у него были свои комнаты. Там же находилась большая кухня, где он готовил нам еду. В подвале, кажется, была стиральная машина, какой-то генератор и кто знает, что ещё. В этих местах своей квартиры я бывал нечасто.

Я снова визуализировал крылья и начал махать руками. Втуне. Тогда я представил как огромная рука охватывает меня пальцами и сразу почувствовал на себе это прикосновение. Затем я представил, как эта рука поднимает меня в воздух...

...и ударился головой о потолок!

От удара в глазах засверкало, но я был счастлив: я смог взлететь!

Потирая макушку, я проверил резервуар и обнаружил, что количество Яра в нём слегка уменьшилось. Я попытался запомнить все состояния, связанные с Яром, которые я испытал сегодня, чтобы, проснувшись, их сверить. С этими мыслями я поднялся с пола на кровать и заснул.

Пробудился я неожиданно, обнаружив себя подскочившим как пружина. Видимо, даже во сне я подсознательно всё время думал о новоприобретённом Яре. Первым делом я провёл анализ резервуара, который дался мне на этот раз совсем легко. В прошлые разы мне требовалось некоторое усилие, чтобы картинку прозрачного пузыря с голубой жидкостью из головы совместить с реальным ощущением. Сейчас же это произошло моментально.

Количество Яра было тем же, что и перед сном, после полёта. Если таран головой потолка можно назвать полётом. Конечно, я расстроился: у меня была надежда, что количество Яра увеличится после сна, как у нормальных людей, которые максимум за двое суток заполняют резервуар полностью.

Причём, двое суток это у высшей аристократии, у тех, у кого огромные резервуары. Впрочем, насколько я понял, изучая истории княжеских и графских родов, резервуары у них такие же как у меня, в лучшем случае. Только вот они свои восстанавливают, а я свой — нет. Интересно, почему он подзарядился вчера?

Если бы мне кто-то предложил решить подобную загадку со стороны, то я бы, естественно, предположил, что дело в смертельной опасности, которая что-то в моём организме активировала. Но, во-первых, история не знает случаев, чтобы пустой резервуар наполнялся до половины в одно мгновение, а во-вторых, меня, как минимум, два раза в жизни без предупреждения подвергали смертельной опасности, как раз в надежде активировать Яр. И ещё один раз меня подвергли стрессу иного рода, с той же целью. Но с тем же результатом.

Всю жизнь склонный к одиночеству, десятилетним ребёнком я имел привычку гулять по нашим землям по несколько часов. Однажды, я пришёл в место, в котором никогда раньше не бывал. Я засмотрелся на величаво текущую в полуденном свете реку внизу, стоя на краю высокого обрыва.

Вдруг край, на котором я стоял, сам собой откололся, и я стремительно полетел вниз, прямо на торчащие из реки скалы. От резкого падения у меня перехватило дух, я не успел даже закричать. Коротких мгновений полёта мне хватило, чтобы принять неизбежность гибели, однако перед самыми скалами меня поймал непонятно откуда взявшийся отец.

Только через несколько лет я осознал, что произошло на самом деле. Мой отец, Михаил Юрьевич Мартынов, проследил за мной и осознанно, силой своего Яра, отколол кусок скалы, на котором я стоял, чтобы, испугавшись, я разбудил спящий во мне Яр. Так думали мои родители, ошибочно полагавшие, что у меня не развит резервуар, в то время как на самом деле, он был развит чрезвычайно, но совершенно пуст.

После моего спасения отец вернул меня наверх, где меня ждал Тарас. Они снова усадили меня на край скалы, чтобы избежать развития у меня боязни высоты, и принялись расспрашивать о том, не почувствовал ли я чего-нибудь необычного. Увы, в ту секунду,

кроме выброса адреналина и осознания неминуемой гибели, я ничего не почувствовал.

После этого отец потерял интерес к разговору и, взмыв в небо, вернулся в поместье. Тарас, на тот момент малый лет тридцати, остался со мной. Его Яра хватило нам, чтобы спуститься к реке, где мы провели остаток дня, купаясь и кувыркаясь на песке так, что к вечеру страшное падение стало казаться чем-то далёким и нереальным.

Следующий раз произошёл через год. Так же, на прогулке в лесу, я встретил незнакомого человека, которого я никогда до этого не видел.

Без лишних предисловий, он сообщил мне:

— Княжич, я тебя убью.

Его простота поразила меня. Человек знал о моём высоком происхождении, и тем не менее, не боялся возмездия со стороны моего отца.

Пока я обмозговывал эту информацию, человек распахнул свой дорожный плащ, внутри которого висело множество ножей. Он достал один из них, показал мне и метнул в мою сторону.

Нож вонзился в дерево по правую руку от меня. Я закричал и побежал в сторону поместья. Человек внезапно оказался метрах в семи впереди. И снова метнул нож, который чиркнул мне по руке, порвав рукав.

Я побежал обратно, вырвал первый нож из дерева и повернулся к человеку, намереваясь дорого продать свою жизнь. Тот улыбнулся, медленно достал очередной нож, и направился ко мне.

— Глупый княжич, — сказал он. — Где же твой Яр? Без него тебе не победить.

Я молчал, выставив вперёд нож. Человек подошёл и начал размахивать передо мной ножом, как бы пытаясь ударить меня. Я, в свою очередь, отмахивался своим ножом, стараясь зацепить человека.

Вдруг я почувствовал, как невидимая сила поднимает меня в воздух, разводя мои руки в стороны.

— Последний шанс, княжич, — с той же страшной улыбкой сказал человек. — Я разорву тебя как листок бумаги.

Я почувствовал, как та же невидимая сила тянет меня в противоположные стороны. От боли я вскрикнул. Но я не мог даже попытаться применить Яр, потому что нельзя применить то, чего нет. Так же, как, например, можно напрягать зрение, тщаь увидеть что-то даже в кромешной темноте, но нельзя даже попытаться что-то увидеть, если у тебя совсем нет глаз.

Из леса послышались голоса. Человек прислушался, отпустил меня и взлетел, скрываясь за верхушками деревьев. Через мгновение показались мой отец и Тарас.

— Ты кричал, что случилось? — услышал я голос отца.

— Папа, — заплакал я, — на меня напали, он полетел туда.

Пальцем я указал направление. Отец сразу взлетел.

— Не бойтесь, Матвей Михайлович, — сказал Тарас, — Михаил Юрьевич его найдут.

Тарас доставил меня домой, где меня ждал новый мощный компьютер, за которым я и провёл следующие несколько недель, играя во все игровые новинки тех лет. Через час отец вернулся и сказал, что убил напавшего на меня сумасшедшего и что бояться мне нечего. За этим, вновь последовали расспросы о моих ощущениях, на которые я ничего нового ответить им не смог.

Сейчас смешно вспоминать, что такое нелепое представление могло меня напугать, но нужно понимать, что оно было рассчитано на одиннадцатилетнего мальчика. Человек,

который якобы собирался меня убить, так много болтал о том, какой он страшный, так много показывал свои ножи и так старательно направлял их куда угодно, только не в меня, что это не могло быть ничем иным, как попыткой пробудить во мне Яр. А точнее, пытались заставить лучше чувствовать мой резервуар.

Новый компьютер был способом родителей отвлечь меня от возможных страхов и дурных воспоминаний после этого мнимого нападения на меня. Заместить дурные воспоминания хорошими.

Будучи ребёнком, к тому же, робея перед родителями, я затруднялся внятно объяснить, что я чувствую свой резервуар прекрасно, может быть даже лучше, чем они, каждую стенку резервуара могу «ощупать» как раз потому, что он совершенно, отчаянно пуст. Родители же тогда полагали, что Яр у меня есть, только его, как у многих мальчишек, мало, и что я просто плохо чувствую его вместилище.

Это недопонимание, в данном случае, вещь абсолютно объяснимая: даже взрослому человеку затруднительно объяснить врачу, где именно у него что-то болит и какой именно болью. Что же тогда говорить о ребёнке, который пытается объяснить то, чего у него нет, взрослым, которые уверены, что не быть этого не может.

Третий же случай абсолютно нелепый и даже, как говорят простолюдины, «кринжовый». Убедившись, что угроза смерти никак не помогает моему развитию, мой отец решил зайти с другой стороны.

Мне было уже пятнадцать лет, и в тот день я занимался сёрфингом в месте, где обычно занимались не-дворяне. Там были неплохие волны, и можно было не стесняться отсутствия Яра, необходимого для сёрфинга настоящего.

Таким образом, пляж был общественным, самым обыкновенным, и народу там было много. Всплывая на поверхность, после очередного падения в воду, я вдруг почувствовал, что мои завязки на моих пляжных шортах ослабли и, намокшие, они идут ко дну со скоростью необыкновенной.

Всё произошло очень быстро, и я понял, что я, молодой княжич Мартынов, нахожусь у берегов общественного пляжа совершенно голым. Если бы у меня был Яр, то я бы просто взлетел, прикрывшись доской, и долетел бы до раздевалок, где у меня была одежда в закрытом шкафчике. На деле же мне оставалось лишь пытаться докричаться до Тараса.

Тараса, однако, не было. Наверное, зная, что я хороший пловец, ушёл перекусить. В принципе, вполне в моём характере было бы выйти голым, по возможности, прикрываясь доской, но можно было бы и без неё, и спокойно дойти до раздевалки. Проблема заключалась в том, что я — княжич, и подобные выходки нашли бы отклик в светской хронике, что создало бы репутационные проблемы для моей семьи.

Второй причиной, почему я так не поступил, даже если бы я смирился с тем, что кадры меня, разгуливающего голым по заполненному людьми пляжу, станут достоянием общественности, являлось то, что вода была довольно прохладной. И выйти из холодной воды, которая, как известно, вызывает некоторое сжатие во всём организме, на весь честной народ, держа в руках свою достаточно приметную доску, означало бы ещё бóльшие репутационные проблемы для нашего рода.

В общем, я стоял по грудь в воде, ожидая возвращения Тараса, которого всё не было. Вдруг, прямо напротив меня появилась компания каких-то молодых девушек в купальниках, которые, зашли в воду и непринуждённо начали со мной разговор.

В этот момент мне было не до знакомств, поэтому я отвечал односложно, но девушки не

отставали. Они стали плескаться и пригласили меня присоединиться. Я вежливо отказался.

— Да что с тобой, — вдруг бесцеремонно спросила одна из них, — трусы, что ли, потерял?

Они захохотали.

— Да нет, почему это?.. — пробормотал я.

— А ну-ка, давайте проверим! — вдруг воскликнула одна из них. Окружив меня, они приблизились и стали меня шупать в том месте, где должны были быть шорты.

Я изо всех сил старался убрать их руки из этой области, но этих рук было слишком много.

— Точно, без трусов! — хихикали они.

В другой обстановке ситуация была бы для меня интересной, но не тогда. Наконец, я увидел Тараса. Он шёл с хотдогом в одной руке и с полотенцем на плече.

— Полотенце мне, быстро! — крикнул я ему, специально не назвав по имени, чтобы девушкам сложнее было меня идентифицировать. Тарас без лишних вопросов кинул мне полотенце, подкорректировав траекторию Яром. Я выскочил из воды, обмотав полотенце вокруг бёдер, и под хихиканье девчонок быстрым шагом направился к раздевалке,

— Доску заberi, ни с кем не разговаривай, бегом к машине, — бросил я Тарасу, проходя мимо.

К счастью, машина наша была неприметная, обычная «ЗИЛ», да, мощная, с кожаным салоном и электроникой, но без гербов отличить её от тысячи таких же в городе очень непросто.

Нужно ли говорить, что девушки были проплаченными, может быть даже из какого-нибудь борделя, вряд ли даже простолюдинки бы согласились на такое, а вся ситуация, включая то, как сгинули в морской пучине мои шорты, срежиссирована моим отцом, в надежде, что, убоявшись позора, я воспользуюсь Яром.

После этого случая, родители отчаялись и попытки пробудить во мне Яр прекратились. То есть, меня по-прежнему каждый день по часам поили особыми препаратами, которые должны были развить чувство резервуара. Из моего питания исключались некоторые продукты, которые, по данным некоторых исследований, могут помешать росту резервуара.

Не знаю, помогали ли эти препараты и диета, но резервуар я действительно чувствовал на отлично. Другой разговор, что я его так же хорошо чувствовал и в семь лет, с того момента, как он опустошился. Но я допускаю, что вещества, которыми меня пичкали, позволили мне научиться его чувствовать экстраординарно.

Правы ли были мои родители, подвергая меня этим испытаниям? С одной стороны, они хотели как лучше, с другой же доставляли мне только неприятности. По большому счёту, я думаю, им следовало оставить меня в покое, ведь я сын младшего сына князя, то есть титул не наследую.

Денег у нас достаточно, поэтому я мог бы всю жизнь провести, играя в видеоигры, занимаясь сёрфингом морских волн и Всемирной Паутины да крутя сальто на золотых песках пляжей нашей любимой родины.

Так бы, вероятно, и было, будь мы простыми дворянами с тем же уровнем достатка. Или вовсе незнатными мещанами. Но у князей ответственность перед Богом, Их Императорским Величеством и обществом гораздо выше.

И мой отец должен растить из меня потенциального наследника титула на случай, если, по каким-то причинам, что-то нехорошее случится с другими наследниками, то есть, в

порядке очереди, с моим дядей Николаем Юрьевичем, с моим отцом Михаилом Юрьевичем и моим кузеном Валерием Николаевичем (сыном дяди и старшим внуком князя).

В этом смысле, даже если бы мои родители изначально и хотели дать мне спокойно и бесполезно жить, они не могли бы себе этого позволить, являясь заложниками своего высокого положения. Собственно, чтобы я мог иметь хоть какое-то отношение к высшему свету и желательно завести хоть какие-нибудь связи, я и принял в возрасте семнадцати лет чин стюарда во Втором Его Императорского Величества Парящем дворце.

Если бы дворец был обычным, наземным, мой чин назывался бы камер-юнкерским. В парящих дворцах же вместо камер-юнкеров служили стюарды, выполняя, по сути, те же самые обязанности. Любопытно, но подобное изменение названия чина коснулось только камер-юнкеров, все остальные придворные чины сохранили свои прежние название. По крайней мере, на данный момент.

Из этих размышлений меня вывел Тарас, который за годы со мной начал чувствовать, когда я сплю, а когда бодрствую.

— Барин, завтракать сервирую, — полуспросил он.

Я махнул рукой, мол, давай, сервируй. На часах было тринадцать часов.

Дальнейшие эксперименты с Яром я хотел отложить до темноты, чтобы полетать, не опасаясь чужих глаз. Я решил скрывать свои проснувшиеся способности, по крайней мере, до тех пор, пока не выясню, навсегда они вернулись или нет.

Новости сообщали, что молодой княжич Гуриели был найден в море, утонувшим во время спасения рыбака. Ни о каком расследовании ничего не упоминалось, меня это успокоило, но только отчасти. Я не вчера родился и понимаю, что на публику никто сор из избы выносить не будет и что вполне возможно проведение внутреннего расследования. Хотя бы даже только для того, чтобы род Гуриели спал спокойно.

Погружённый в эти мысли, я пил кофе, к которому я пристрастился здесь и который Тарас варит по Константинопольскому рецепту. Как вдруг новая идея посетила мою голову. Я подошёл к лестнице на первый этаж и крикнул вниз:

— Тарас, брось мою доску в пикап: поеду на море!

— Щас, Матвей Михайлович, сразу плавки захвачу! — послышался ответ дядьки.

— Нет, я хочу поехать один! — снова крикнул я.

Через несколько минут я уже спускался к производимому в Сибири пикапу. В такую жару сибирская свежесть его прекрасного кондиционера была как раз кстати. Моя калифорнийская доска с изображением солнца уже ждала меня в кузове.

Усевшись за руль, я подстроил машину под себя после Тараса, который был ниже меня ростом. Путь мой лежал в укромное место за городом, которое я заметил ещё давно.

Через полтора часа я был на месте. Потраченного на дорогу времени было жалко, но, раз я решил скрывать свой внезапно вернувшийся Яр, нужно было использовать его вдали от лишних глаз.

Я решил попробовать один приём из сёрфинга, который доступен только тем, кто владеет Яром или Ярой, если это девушка. Технику выполнения я, как интересующийся темой, в теории знал, поэтому оставалось только подключить резервуар.

Волны были небольшими, но под мою задачу подходили. Поначалу у меня ничего не получалось, но в какой-то момент я почувствовал некий внутренний баланс и исполнил приём почти в совершенстве!

От радости, я позабыл о планах полетать ночью и катался несколько часов, опомнившись только тогда, когда израсходовал весь свой Яр. Я понимал, что он скорее всего не вернётся. Но моё мнение было таково, что нет никакого смысла всю оставшуюся жизнь беречь половинку резервуара, которую нормальный человек восстанавливает за сутки. Лучше уж с удовольствием её потратить.

На обратном пути я поразмыслил над тем, нужно ли рассказывать отцу о том, что произошло с Гуриели и о том, что ко мне возвращался Яр, в частности. Для меня это означало конец спокойной жизни, таскание по обследованиям и, возможно, новые угрозы моей безопасности с целью вызвать во мне ещё один прилив Яра.

Учтя эти факторы, я сделал вывод, что отцу звонить не буду, а буду молчать до последнего. Дальнейшие события показали, что это было верным решением.

Когда я приехал домой, меня встретил взволнованный Тарас. Он вырос в доме моего отца, Михаила Мартынова, а потому побаивался его по старой памяти. Перед самим же князем Юрием Мартыновым, моим дедом, он просто впадал в транс, как мышь перед удавом.

На самом деле, змеи не гипнотизируют свою добычу, но эта расхожая фраза хорошо иллюстрирует отношение Тараса к моим отцу и деду. Причём, оба они к прислуге всегда относились хорошо, дело было, вероятно, в самой ауре их властности и силы.

— Матвей Михайлович, батюшка ваш здесь. Наверху ждут, — прошептал он.

Я кивнул и отправился по лестнице наверх.

Это было нетипично для моего отца, вечно занятого то политикой, то деловыми переговорами, связанными с принадлежащими нам предприятиями, а чаще всего всем вместе.

— Здравствуй, отец, — сказал я, входя в комнату.

— И ты здравствуй, Матвей, — ответил отец. В комнате он был один. — У нас мало времени, присядь.

Я сел.

— Ты знаешь о том, что вчера, во время твоей смены во дворце, утонул княжич Гуриели? — не то спросил, не то сказал Михаил Мартынов.

— Я видел в новостях, — кивнул я.

— Сейчас люди Его Императорского Величества опрашивают всех, кто там был. Неофициально, разумеется, — сказал отец, — ты знаешь, что-нибудь об этом?

— Нет, — ответил я.

— Не смей мне лгать! — хлопнул по столу отец. — На камерах видно, как тыходишь в ту же комнату, где были Гуриели и эта...

Он замолчал на секунду, вспоминая.

— Фрейлина Амадуни!

Я молчал.

— Мы сейчас поедem к князю Мартынову, там будет человек императора, тебе придётся отвечать на его вопросы. Ты понимаешь это? — спросил отец. — Только влияние твоего деда, и то, что ты Мартынов, позволяет нам неофициально беседовать с этим человеком, а не тратить десятки тысяч рублей на адвокатов, чтобы отмазать тебя от тюрьмы где-нибудь под Новониколаевском.

— Как будто вы не рады были бы избавиться от меня таким образом, — не удержался я от ядовитого замечания.

— Молчать! — гаркнул отец. — Несмотря ни на что, ты мой сын, Матвей. Тебе есть, что мне рассказать?

— Ну, что я могу рассказать, отец? Ты думаешь, я убил его? — горько усмехнулся я. — Я, пустьшка Матвей? Княжича?

— Нет, конечно, Матвей, — понурился отец, — конечно, ты не мог...

— Признайся, отец, а ведь ты был бы рад, если бы у меня вдруг обнаружилась сила, и выяснилось, что я убил его в стычке? Не пожалели бы со старым князем денег и обещаний, чтобы я легко отделался, выставили бы как дуэль чести? В конце концов, кто такие Гуриели против Мартыновых в глазах Его Императорского Величества и всего высшего света...

Отец задумчиво посмотрел на меня.

— А пожалуй, что и так, сын, — протянул он. И спросил с надеждой: — А что, обнаружилась?

— Нет, — покачал я головой, — конечно, нет. Я пуст, как всегда.

— Я знаю, что у покойного нет никаких внешних повреждений, кроме полученных от удара об воду уже после смерти. Вскрывать его князь Гуриели запретил, а после внешнего осмотра патологоанатомы заявили, что, скорее всего, он умер от ярового шторма, — сказал отец. — Значит, он умер, выпустив больше Яра, чем мог себе позволить.

— Ну так не я же ему сопротивлялся и не фрейлина Амадуни, — поднял я бровь, как бы приглашая отца вместе посмеяться над глупостью подобного предположения.

— Да, это верно, — пожал плечами отец, — так что же там случилось?

— Я не знаю, — начал врать я, — я услышал какие-то вскрики, мне показалось, что нужно вмешаться, я вошёл и увидел княжича возле окна. В следующее мгновение он уже летел вниз.

— Это правда? — подозрительно произнёс отец.

— Да, — кивнул я, — ну, подумай сам, какие ещё варианты.

— А что, если я тебе скажу, что фрейлина Амадуни, заявила, что ты убил его? — резко спросил отец. Меня бросило сначала в жар, потом в холод. Он продолжил: — Характер княжича Гуриели был всем известен, ему ничего не стоило начать ссору, особенно, если ему помешали добиваться взаимности от юной фрейлины.

Конечно, я знал Елизавету Георгиевну меньше одной ночи, но я не мог поверить, чтобы она такое заявила, даже под давлением, особенно после вчерашнего. С другой стороны, что я тогда знал о давлении? Вечер этого дня открыл мне глаза на многое в вопросе получения информации от людей, попавших под подозрение.

— И как же я это сделал? Щит выставил такой, что Гуриели, силясь его пробить, погиб от ярового шторма? — со всей возможной иронией спросил я.

— Конечно, нет, Матвей, — вздохнул отец, — я просто проверял тебя. Как сообщили

твоему деду по негласным каналам, фрейлина только плакала и говорила, что Гуриели что-то показывал у окна с помощью Яра и вдруг свалился вниз. Потом она испугалась и попросила тебя проводить её до машины.

Я промолчал.

— Непонятно только, что вы делали в другой комнате, — закончил отец.

— Да ничего, там она расплакалась, попросила никому не рассказывать, чтобы сберечь её честь, которая, кстати, не пострадала. Потом я помог ей привести себя в порядок и проводил к машине.

— То есть, ты молчал, потому что она тебя попросила? — в голосе отца звучало облегчение.

— Ну естественно, — протянул я, даже слегка присев для достоверности.

— Хорошо, Матвей, сейчас мы поедem к деду, где ты всё расскажешь агенту Его Величества.

Я кивнул.

— И ещё, — очень серьёзно сказал отец, — это может оказаться очень неприятным.

Тарас отвёз нас на ближайшую многоэтажную парковку, на крыше которой была площадка для вертолётa. Там нас уже ждал вертолёт с нашим гербом, который и доставил меня, отца и Тараса в поместье моего деда, князя Юрия Мартынова.

Тарас отправился на кухню, а нас с отцом проводили в сад. На ходу я достал «ладошку» — плоский телефон без кнопок с экраном во весь размер корпуса — чтобы посмотреть время. Не трудно догадаться, что размером «ладошки» обычно примерно с ладонь с выпрямленными пальцами. Мою, кстати, производят у нас в княжестве Финляндском, на заводе «Нокиа». Нужно сказать, что доля в производстве есть и у моего деда.

Мы подошли к роскошной беседке, где сидели сам князь Мартынов и какой-то неприметный господин, имя которого осталось неназванным.

Поздоровавшись, мой отец сел напротив князя и неприметного господина. Я же остался стоять. Отец подробно передал суть разговора со мной, не забыв упомянуть, что умолчал я о несчастном случае, постигшем княжича Гуриели, дабы сберечь честь фрейлины Аматуни.

Невзрачный господин внимательно выслушал и что-то быстро записал на «ладошке».

— Это правда? — спросил он, глядя прямо внутрь меня своими тусклыми глазами.

— Да, сударь, — кивнул я.

— Что ж, — он поднялся и одёрнул пиджак, — тогда говорить больше не о чем. А впрочем...

Я почувствовал, как невидимая сила бросает меня на свободное пространство перед беседкой. Как прижимает к земле, как сдавливают все суставы нестерпимой болью. Я сжал зубы. В глазах потемнело.

Вдруг сила пропала так же внезапно, как появилась. Я посмотрел в сторону беседки, князь Мартынов, мой отец и неприметный господин, смотрели в мою сторону.

— Что?.. — хотел спросить я, как пытка началась снова для того, чтобы прекратиться в следующее мгновение.

Я понял, что происходит. Неприметный человек атакует меня волнообразной пыткой, настолько болезненной, настолько нестерпимой, что любой, у кого есть Яр, воспользуется им, только чтобы это прекратить.

Снова волна боли. Снова перерыв. Я перестал понимать, сколько это продолжается, перестал понимать, кто я такой и где нахожусь, остались только мгновения прорыва и

вспышки боли. В какой-то момент я осознал, что инстинктивно выставляю перед собой руки, пытаясь сделать щит, как за день до этого с Гуриели. Но мой резервуар был пуст после сегодняшнего катания на сёрфе.

В тот момент, я бы, наверное, предпочёл, чтобы у меня был Яр, чтобы выставить щит, а ещё лучше ударить в ответ. По зрелом размышлении, тем не менее, очевидно, что мне повезло, что я опустошил свой резервуар заранее и тем самым не смог выдать себя, защищаясь от атак неприметного господина.

Наконец, пытка прекратилась. Боль ушла сразу, как будто её и не было.

— На этом всё, — бесцветно сказал тусклый господин, — Ваше Сиятельство, Ваше Сиятельство, Ваше Сиятельство, — кивнул он нам троем по очереди и удалился.

Я поднялся с земли.

— Матвей, ты в порядке? — спросил дед.

— А как вы думаете, Ваше Сиятельство? — криво улыбнулся я. — Почему ему позволено пытаться княжичей? Почему вы не вступились за сына и внука?

Отец промолчал. Ответил князь:

— Потому что это человек, который выполняет особые поручения Его Величества.

— И что, ему позволено пытаться внуков князя Мартынова? — спросил я, уже догадываясь о том, какой ответ меня ждёт. — Император как никто другой понимает, что его власть держится только на верности ему князей.

— Само собой, Его Величество помнит об этом каждую секунду своей жизни. Но здесь ситуация уникальная. Во-первых, предположительно, имел место поединок в императорском дворце. Наказание за это полагается весьма суровое для обоих участников, а тут один из этих возможных участников мёртв. Значит, нужно доскональное разбирательство. Пытал он тебя, пытаясь спровоцировать на применение Яра, чтобы убедиться, что ты никаким образом не мог сражаться с Гуриели. — Ответил дед.

И добавил то, чего я и ожидал:

— А, во-вторых, Матвей, ты должен понимать, что существует разница, кого из внуков князя пытаться: наследника или сына моего младшего сына, обладателя Яра или...

— Пустышку, — закончил за старого князя я. Отец тяжело выдохнул.

— Именно, — кивнул дед. — Но есть и хорошая новость. За годы своей службы этот человек так обращался не только с тобой, и его власть длится ровно столько, сколько он будет полезен Его Величеству. И даже Его Величеству иногда приходится идти на компромиссы...

— Ты намекаешь, что в какой-то момент император может отдать этого человека на расправу князьям, которые имеют на него зуб? — уточнил я.

— Я не намекаю, а прямо говорю. Всё, как писал Макиавелли, — дед мечтательно улыбнулся: — Вполне может быть, что это случится ещё на моём веку. Как бы там ни было, ты — мой внук, Матвей.

«Которого ты стыдишься» — подумал я. Вслух же я задал вопрос, который меня по-настоящему волновал в данный момент:

— А фрейлину он тоже будет пытаться?

— Конечно нет, Господь с тобой, — князь даже удивился. — Всем известно, что женская сила не предназначена для боя.

Это действительно было так. Щит мужчины можно сравнить с деревянной доской для того, чтобы разбить которую, нужно приложить резкое однократное усилие. Защита

женщины же, это скорее мягкая подушка, которую нужно долго продавливать, чтобы порвать.

Сильный удар по доске в случае неудачи сломает вам руку, сильный удар по подушке просто потратит ваше усилие напрасно. Поэтому, удары по щиту мужчины могут вызвать у нападающего яровой штурм от сильного напряжения, удары же по щиту женщины для нападающего безопасны.

— Что у тебя с ней? — спросил молчавший дотолле отец.

— С кем? — я притворился, что не понимаю.

— С фрейлиной Амадуни, — нахмурился отец.

— Да ничего, — пожал я плечами, — я помог даме в трудной ситуации, проводил до машины, вот и всё. Вы сами так меня воспитали.

— Это-то понятно и естественно, — ответил отец. — Но важно, чтобы ты понимал: княжна Амадуни — не девка какая-нибудь простая, с ней нельзя будет просто расстаться. Если дойдёт до постели, ты будешь обязан на ней жениться, и князь Амадуни использует это как повод, чтобы породниться с нами.

Отец замолчал, задумавшись, как будто эта гипотетическая ситуация требовала разрешения прямо сейчас. Дед продолжил за него:

— Амадуни, конечно, не последний род в Российской Империи, но мы — это мы. Если они хотят с нами породниться, они должны дать нам, мне, как князю Мартынову, в первую очередь, что-то большее, чем просто подложить дочку под одного из Мартыновых. Даже под такого, как ты.

— Вы же знаете, что это невозможно по самой природе вещей, — ответил я. — Из-за моего пустого резервуара ни одна женщина не захочет со мной уединяться... в этом смысле.

— Знаем, — кивнул отец, — но также мы знаем, что вы, держась за руки, уединились в комнате, которая как раз для этого и существует, и провели там какое-то время вдвоём. Поэтому предупреждаю. Возможно, она действует по указке князя Амадуни, который решил с нами породниться, зная, что на такого жениха, как ты, спроса среди влиятельных родов не будет.

«Что ж, на сегодня я получил достаточно пыток и унижений» — решил я.

— Ваше Сиятельство, — намеренно официально обратился я к деду, — разрешите откланяться?

Князь махнул рукой. Я обозначил поклон деду, затем отцу. С облегчением направился к вертолёту, посмотрел на время. Цифры на часах меня натурально огорошили: оказалось, что с момента нашего прилёта не прошло и двадцати минут. Мне же казалось, что только одна пытка продлилась часа полтора.

— Барин, барин, — ко мне со стороны княжеского дома подбежал, дожёвывая что-то, Тарас и принялся меня оттряхивать от земли и травы, которые успели налипнуть на мою одежду, пока меня пытал неприметный господин. — Что же это такое?

— Да так, Тарас, не важно, — я махнул рукой.

Вертолёт доставил нас обратно к нашей машине. Тарас сел за руль, и мы отправились домой. У самого здания я увидел припаркованный автомобиль, показавшийся мне знакомым. Мы с Тарасом уже направлялись к двери в нашу квартиру, на первый этаж которой можно было зайти прямо с улицы, когда из припаркованной машины вышел водитель и обратился ко мне:

— Добрый вечер, Матвей Михайлович Мартынов?

— Добрый вечер, — кивнул я.

Водитель протянул руку со сложенным конвертиком. Тарас взял его и передал мне.

Водитель вернулся в машину. Вот содержание конвертика:

"Здравствуй, Матвей,

Не удивляйся, что пишу тебе. Меня сегодня опрашивали на тему несчастья, постигшего нашего общего знакомого. Я рассказала, как всё было, а именно, что он, рисуясь перед нами, выпал из окна. Больше я ничего сказать не смогла, расплакавшись. Пришли ответ с водителем, а лучше приезжай вместе с ним и отведи меня на ужин.

Елизавета"

— Тарас, передай водителю, что я приведу себя в порядок и поеду с ним, — сказал я, складывая записку в карман. — И приготовь мне костюм. Нет, лучше фрак.

Я поднялся к себе и молниеносно принял душ. Когда я вышел, фрак ждал меня на стуле. Тарас быстро посушил мне волосы феном. К сожалению, он не умел сделать даже минимальной укладки, поэтому я предпочитал стричься достаточно коротко. В противном случае, мне приходилось бы постоянно посещать цирюльника, чего мне совершенно не хотелось.

Одевшись с помощью Тараса, я спустился и сел в машину. На пути к Константинопольскому дому князя Амадуни я проверил свой резервуар. Он был пуст. Что ж, жил всю жизнь без Яра, нечего и начинать. Я погрузился в мысли о фрейлине и о предстоящей встрече. По моим прогнозам, при встрече со мной фрейлину должно было ждать очень неприятное удивление.

Поскольку все наши высокородные знакомые знали, что я пустышка, в моём детстве и отрочестве отсутствовала обычная для нашего круга практика раннего знакомства с потенциальными невестами. Конечно, родители бы были рады, просто на всякий случай, познакомить меня с какой-нибудь княжной, но проблема заключалась в том, что никто из князей своих дочек и внучек ко мне играть не отправлял.

Любой аристократ обеспокоен своим наследием, и никто не хотел, чтобы его внуки или правнуки родились пустышками, как я. И что с того, что я родился у нормальных родителей с очень развитыми резервуарами? Рисковать тем, что мой недуг может передаться моим детям или внукам, не собирался никто.

Как будто этого мало, настоящая проблема с потенциальным браком была ещё серьёзнее. Даже если бы случилось так, что я с детства был бы окружён княжнами и молодыми графинями, добровольно ни одна из них не захотела бы связать свою судьбу со мной. Причина всё та же: пустой резервуар.

Дело в том, что Яр является жизненной энергией, которая пропитывает собой всё живое. Чем больше в тебе Яра, тем больше в тебе жизни (по крайней мере, так кажется женщинам), тем сильнее женщину влечёт к тебе, как к потенциальному отцу её детей. Конечно, она может думать совсем не о семье и детях, а о вкусе твоего, кхм, тела, но природа притяжения работает именно так.

Особенно это касается девушек благородного происхождения. Женская энергия называется «Яра». У мужчин — Яр, у женщин — Яра. Женскую энергию внутри каждой аристократки притягивает Яр, мужская энергия. Каждая княжна и графиня безошибочно понимает, достаточно ли Яра у кавалера, чтобы её тянуло к нему или нет. Ведь чем больше жизненной силы у отца, тем, как кажется дворянкам, больше её передастся детям. Для аристократки мужчина без Яра — всё равно, что полено с глазами.

Резервуары есть только у дворян. У плебеев, то есть, у простого люда, никаких вместимостей энергии нет, кроме случаев, когда в родню затесался дворянин. У не-дворянок-женщин, например, нет резервуара Яры, и только это позволяет им хотя бы как-то воспринимать мужчину-простолюдина как партнёра. Но это союзы по расчёту. Чтобы родить детей, чтобы иметь свой очаг, чтобы иметь мужчину, который будет обеспечивать её и её детей.

Однако, и без резервуаров, простолюдинки чувствуют энергию жизни даже в самом захудалом дворяншке. Яр манит их, и они с радостью забудут о самом честном, заботливом и любящем отце семейства скромного происхождения, если их поманит пальчиком человек, у которого в резервуаре есть хотя бы капелька Яра.

Этим объясняется некоторое количество незаконнорождённых детей в каждом крупном доме. Служанка беременеет от кого-нибудь из семейства, и у неё затем рождается ребёнок, у которого есть резервуар Яра. Таких детей примечают и с годами делают особо доверенными слугами семейства. Я всегда подозревал, что таким слугой являлся мой Тарас.

Этим же я объяснял успех Тараса у женской прислуги любого дома, где нам приходилось ночевать: глупышки слетались на него как пчёлы на виноград.

Моё же собственное положение дел было таково, что я, будучи пустышкой, был для любой дворянки просто говорящим предметом обстановки. Поэтому ничего романтического

от ужина с Елизаветой я не ждал и, поэтому же, меня так удивило её поведение, когда тем вечером она начала меня целовать и шупать за разные места.

Отказать ей в ужине я не мог, так как нам нужно было обсудить сложившуюся ситуацию. К тому же, мы могли быть просто друзьями, особенно после того, что произошло в Парящем дворце. Она — слабая девушка, пережившая травмирующий опыт, о котором знаю только я. Поддержать её — мой долг.

Вымотанный после тяжёлого дня, наполненного катанием на сёрфе с использованием Яра, отцовским допросом и пыткой тусклого господина, я задремал на заднем сидении «Руссо-Балта», который вёз меня к дому Амагуни. Сказывалось и то, что после долгой ночной смены на приёме Их Высочеств и схватки с Гуриели я проспал не более пяти часов.

Очнулся я, почувствовав, что автомобиль остановился. Пока я вертел головой, потирая глаза, водитель открыл заднюю дверь. Всё ещё сонный, я воспринял это как предложение выйти из машины. Как выяснилось, я ошибался.

— Привет, Матвей! — услышал я приятный юный голос Елизаветы. Она резво запрыгнула в машину и, воспользовавшись тем, что водитель закрыл за ней дверь, скрыв нас от чужих глаз, быстро чмокнула меня в щеку.

Я сразу почувствовал прилив бодрости, сон как рукой сняло.

— Привет, Елизавета. Как ты себя... — я было начал интересоваться её состоянием.

— Матвей, ты же умеешь водить? — перебила юная Амагуни.

— Ну, да, — ответил я, — а что?

— Давай отпустим водителя, — сказала она, — нам нужно поговорить, да и вообще, родители постоянно его спрашивают, куда, мол, я просила меня отвезти, да что делала. Надоело!

— Ну, давай, — я пожал плечами и вышел из машины.

Елизавета поставила шофёра в известность, что на сегодня в его услугах не нуждается, и он, открыв для меня водительскую дверь, удалился. Фрейлина пересела на переднее пассажирское сиденье.

— Сейчас, — пробормотала она, вбивая в навигатор название ресторана, — ага, езжай по этому маршруту.

Я завёл двигатель и начал движение.

— Тебя тоже допрашивал этот страшный человек? — спросила Елизавета.

— Можно и так сказать, — ответил я, — но, если точнее, то меня допросил сначала мой отец, а тот человек, о котором ты говоришь, только немного попытал.

— Что?! — воскликнула Елизавета Георгиевна. — Скотина, как он посмел!

Я покосился на неё. Её тонкие длинные пальцы сжались в крохотные милые кулачки. Чёрные глаза сверкали, красивые брови грозно нахмурились. Мне очень захотелось, чтобы мои руки не были заняты рулём, а глаза — дорогой, захотелось схватить её, такую хрупкую, такую яростную, и покрыть поцелуями. Жаль, что в её глазах я не большой мужчина, чем, скажем, комод.

— Ему нужно было убедиться, что у меня нет Яра, — объяснил я, — он пытал меня, давая мне возможность защититься Яром. И, если бы у меня был Яр, я бы это сделал. Такую боль не потерпишь.

— Ничего не понимаю, ты же Мартынов, внук князя Мартынова, — растерянс произнесла Елизавета Амагуни, — как у тебя может не быть Яра? Да я же и сама видела вчера.

— То, что ты видела вчера — отдельная история, а вообще, я был уверен, что вся высшая знать Константинополя в курсе, что у стюарда Мартынова нет Яра, — ответил я. — Неужели тебе забыли сообщить?

— Я приехала сюда совсем недавно, — ответила Елизавета, — а родилась и получила воспитание у нас в родовом гнезде в Грузинской Губернии. Поэтому местные сплетни мне неизвестны.

— Елизавета, дорогая, — ласково сказал я, — для кого-то это сплетни, а для молодой девицы на выданье, это информация критически важная. Нельзя же княжне выходить замуж за пустышку.

— Да я и не собираюсь! Кому ты нужен-то! — фыркнула фрейлина.

— Так ведь и я тебе о том же, — вздохнул я.

— Матвей, прости меня, я сказала глупость, я не хотела тебя обидеть, — затараторила она, осознав, что её фразу можно расценить как намёк на мою неполноценность из-за отсутствия Яра.

— Да проехали, — ответил я и продолжил рассказ: — как только этот господин понял, что Яра у меня нет, он сразу исчез. Я так понимаю, ты им тоже ничего толком не рассказала.

Елизавета кивнула. Я почувствовал на себе её долгий взгляд.

— Тогда, вероятно, к нам вопросов больше нет. Может быть, только если сами Гуриели захотят что-то выяснить, но, по факту, сильно докучать Мартыновым они не станут: влияния не хватит, — рассудил я. — Кстати, твою записку я получил уже после встречи с этим дознавателем...

Елизавета продолжала смотреть на меня своими глазищами. Я уже собрался вежливо поинтересоваться, какого это чёрта она на меня так уставилась, когда навигатор сообщил голосом известной певицы: «Вы на месте».

Мы остановились у входа в ресторан «Воробьяниновъ». Предупредительный валет или, по-другому, лакей, подбежал к тонированной задней двери нашего «Руссо-Балта» и распахнул её, чтобы мы могли выйти. Поскольку мы сидели спереди, нас там, естественно, не оказалось. Пока малый соображал, что делать, мы со смехом самостоятельно вышли из машины.

— Приветствуем вас, хорошего вам вечера! — валет заученно улыбнулся, поймав брошенные мной ключи от машины.

Я обошёл автомобиль и приблизился к Елизавете. Она взяла меня под руку и довольно крепко прижалась ко мне.

Метрдотель, одетый в визитку и полосатые брюки, расплылся в счастливой улыбке, будто не стюард-пустышка пожаловал, а бабушка с гостинцами, и, семеня рядом, что-то говорил про столик.

Когда мы с Елизаветой Георгиевной проходили через зал, я поймал на себе взгляды нескольких дам. Это меня приятно удивило, и я снова почувствовал прилив сил. Я пропустил Елизавету вперёд, что дало мне возможность полюбоваться её видом сзади. Этому способствовало и её обтягивающее платье, и та часть её тела, которая под платьем находилась. Я про попу, простите за уточнение. Я помог сесть даме, затем уселся сам. Фрейлина что-то заказала нам, и мы снова остались наедине.

— Так что же, — вернулась к разговору она, — этот человек пытал тебя, а твой отец и сам князь, и кто там ещё был, просто смотрели?

— Да, — сказал я, — всё именно так и было. Этот человек под личной защитой Его

Императорского Величества, так сказал мой дед. А ещё он сказал, что многие князья не прочь выторговать у Его Величества право на расправу с этим господином, в том числе и мой дед. В том числе и за то, что произошло сегодня.

— Понятно, — протянула Елизавета, — а если бы он пытал меня?

— Тогда ему негде было бы спрятаться от моего гнева, — ответил я. А что я ещё мог сказать? — На самом деле, я сразу спросил деда об этом, и он ответил, что ты изначально была вне подозрения, потому что никак не могла вызвать яровой шторм у нашего невезучего знакомого.

— Ага, ну, в общем, да, он ушёл, и отец сказал, что всё нормально. Конечно, я не рассказала, как всё было на самом деле, — подняла брови Елизавета, — Папа сначала даже пытался кричать на меня, но за меня вступилась мама, и мы дали ему отпор.

— А мама ничего не пыталась выведать? — спросил я, — разыграли, небось тебя по схеме «хороший полицейский-плохой полицейский»? Один сначала пугает, а второй лаской выведывает всё, что нужно.

— Ха-ха, — развеселилась фрейлина Аматуни, — такая схема срабатывала у них последний раз лет пять назад. Нет, Матвей, наш секрет — это только наш с тобой секрет.

— Ну вот и отлично, — сказал я.

— Правда, папа сказал, что у нас могут быть проблемы с князем Гуриели, — посерьёзнала Елизавета, — с другой стороны, у нас и так с ними давние проблемы, которые начались ещё у нас в губернии.

— А что ты с ним делала в комнате, если мне позволено будет спросить? — задал я вопрос, который мог бы меня занимать со вчерашнего вечера, если бы у меня было меньше ярких событий за последние сутки.

Елизавета вспыхнула.

— Как вы смеете, Матвей Михайлович! — нешуточно возмутилась она.

— Прости, Елизавета, — я намеренно продолжил обращаться к ней на «ты», — но несмотря на то, что я знаю тебя один день, нас многое связывает, и я подумал, что могу спросить у тебя, как дошло до той ситуации, в которой я тебя застал, когда вошёл в комнату.

Я бы мог сказать: «когда пришёл к тебе на помощь», но посчитал неблагородным напоминать даме об её беспомощности.

— Да, Матвей, ты прав, это ты меня прости, — фрейлина остыла так же быстро, как и вспыхнула, — это была глупая ситуация, связанная с конфликтом между нашими князьями. Князь Гуриели, хоть и признает власть Его Величества, но нехотя, и он считает, что князья Грузинской Губернии должны женить своих детей только на детях других грузинских князей.

Она помолчала, вспоминая что-то.

— Взаимных претензий у наших родов много, и одной из них является то, что Аматуни много раз выдавали своих дочерей за русских князей. Князьям Гуриели давно это очень не нравится, и они постоянно пытались и пытаются склонить других князей на свою позицию. Получается это плохо, но род Гуриели всё ещё уважаем и влиятелен там, у нас.

— Что ж, Гуриели гораздо менее влиятельны в остальных частях нашей империи, — ободрил я её, — ну а вчера-то что произошло?

— Вчера я впервые была в Парящем Его Величества дворце. Совсем недавно приехала в Константинополь, чтобы поступить на должность фрейлины княжны императорской крови. Вчера, во время приёма, я пошла прогуляться по дворцу и наткнулась на княжича Гуриели.

— Совершенно случайно, конечно же, — саркастично сказал я.

— Я думаю, что он сразу меня узнал и подстроил встречу, — кивнула Елизавета, — в общем, он начал говорить о том, что нам за пределами нашей губернии нужно поддерживать друг друга, ещё что-то в этом духе. Я не слишком слушала.

— Так, что же было дальше? — я продолжал вникать в сюжет.

— Дальше он открыл комнату и пригласил посидеть, поболтать. Я из вежливости согласилась, думая, что посижу минут десять и скажу, что мне нужно вернуться к обязанностям фрейлины. Но, как только за нами закрылась дверь, он набросился на меня, а когда я стала отбиваться, он прохрипел, что все женщины Амагуни — проститутки, и что он имеет право сделать со мной всё, что захочет. А потом ворвался ты, — закончила она.

— Да уж, — только и успел сказать я, когда появился официант с нашими блюдами.

Мы выпили по глотку вина и некоторое время молча ели.

— Матвей, — сказала наконец Елизавета, — объясни мне про Яр. Когда ты вчера сказал, что никто не должен знать, что ты его использовал, я подумала, что ты имеешь в виду, что никто не должен знать, что ты его использовал в бою с Гуриели. Но ты говоришь, что все считают тебя пустышкой?

— А я пустышка и есть, — спокойно ответил я. — Я родился с огромным резервуаром, истратил его весь на первой же тренировке, впал в яровую кому и с тех пор жил без Яра, который никогда не восстановился.

— Не восстановился, в смысле, что у тебя пустой резервуар? — уточнила Елизавета.

— Ну да.

— Но вчера ты использовал Яр, — заявила она не терпящим возражений тоном, — я знаю, что я видела.

— Да, вчера произошло что-то непонятное, но у меня вдруг заполнилось сразу полбака, так сказать. Почему это вышло, я не понимаю, но дело точно не в опасности, потому что опасностям меня подвергали мои родители и всегда столь же неожиданно, сколь и безрезультатно.

— И ты весь его потратил на схватку? — спросила Елизавета.

— Нет, — стал вспоминать я, — проводив тебя, я вернулся домой и попробовал взлететь, получилось. Когда проснулся, поехал на море попробовать сёрфить с Яром и там потратил его весь. Что, кстати, и помогло мне отвести от себя подозрения дознавателя, который меня пытал.

— То есть, ты потратил весь Яр на сёрфинг, — с лёгким недоверием произнесла фрейлина, — и как? Стоило оно того?

— Конечно, — кивнул я, — на всю жизнь всё равно не хватит, даже если экономить. Лучше получить всё удовольствие сразу.

— Получить удовольствие сразу, говоришь, — протянула она, слегка прикусив верхнюю губу.

Ответить я не успел. По ресторану пронеслась серия удивлённых, а где-то и возмущённых вздохов. Причиной этих вздохов послужило появление дворянина лет тридцати пяти, в сопровождении двух молодых куртизанок, на прекрасных телах которых из одежды были только декоративные ошейники. Поводки этих ошейников дворянин держал в руке.

— Ваше высокоблагородие, — бормотал идущий за ним мелкими шажками полицейский в должности околоточного надзирателя. — Не губите... По долгу службы... Не позволяют правила! — неожиданно твёрдо закончил он.

— Што-с? Кто вы такой? — притворно удивился господин, ведущий куртизанок. Рисуюсь перед публикой, он сделал вид, будто не только не понимает, что перед ним представитель власти, но и будто только что его заметил. Девушки с обезоруживающей наивностью устали на полицейского.

— Околоточный надзиратель, Молотов, жетон номер... — чётко затараторил полицейский.

— Выписывайте мне свой штраф и доложите начальству, что вы мне докучали, — перебил дворянин. И громко крикнул: — метрдотель, отдельный кабинет мне!

Это уже ни в какие ворота не лезло. Я спокойно поднялся из-за стола и подошёл к господину, полицейскому и куртизанкам.

— Что вы себе позволяете? — жёстко спросил я.

Конечно, глупо было сейчас привлекать внимание, когда с меня только что сняли подозрения. Могло дойти до вызова на поединок, который, скорее всего, проходил бы с использованием Яра, что означало бы для меня, пустышки, как минимум попадание в больницу.

С другой стороны, кто знает, может быть, Яр бы снова появился сам собой, и мне удалось бы его использовать на дуэли, которая является поединком чести и отказаться от которой немислимо. В этом случае опять всплыли бы вопросы о том, что случилось в Парящем дворце с княжичем Гуриели, мною бы снова заинтересовался тусклый господин и так далее.

Тем не менее, всему есть предел. Моё воспитание не позволяло потакать подобному хамству по отношению к приличному обществу и представителям власти Его Величества. Поэтому я продолжил:

— Забирайте своих спутниц и уходите, — сказал я дворянину, держащему поводки. Затем я повернулся к околоточному: — А вы? Как вы смеее позволить так разговаривать с вами? Вы позорите мундир!

— Виноват! — быстро ответил околоточный надзиратель, вытянувшись, руки по швам.

Я снова повернулся к господину с девушками на поводках:

— Надеюсь, мне не нужно повторять? Не забудьте взять квитанцию на штраф.

Я был готов к тому, что он попытается дать мне пощёчину, чтобы обозначить вызов на дуэль или скажет какую-нибудь грубость, нарываясь на вызов с моей стороны, но дворянин просто как будто поник, стушевался и, обойдя меня, направился к выходу со своими спутницами. Околоточный, постояв передо мной ещё несколько секунд по стойке «смирно», отправился следом.

Возвращаясь за столик, я заметил, что посетители и посетительницы ресторана смотрят на меня с благодарностью.

— Тебя каждый вечер на подвиги тянет? — иронично спросила Елизавета Аматуни. Но её взгляд, полный восхищения, значил гораздо больше, чем её тон.

— Слушай, ну согласиись, подобное поведение просто оскорбительно по отношению ко всем нам, — сказал я. — Неважно, зачем он это затеял, какое-нибудь глупое пари или что-то ещё.

— Пожалуй, — повела хрупкими плечиками Елизавета, — скажи лучше, Матвей, вот что. Ты сказал, истратил весь Яр на сёрфинг? И сейчас у тебя Яра нет?

— Ага, — весело ответил я, — всё истратил до последней капли. Да ты сама разве не чувствуешь?

— Матвей, — её ярко блестящие глаза загипнотизировали меня, — в том-то и дело, что чувствую. Очень хорошо чувствую. Настолько хорошо, что мне хочется сделать так.

Я услышал, как её тфелька слетела с ноги.

— Как? — не в силах оторваться от её глаз, хрипло спросил я.

— Вот так, — ответила она, и я почувствовал, как её ножка под столом начинает слегка массировать меня между ног. — Не знаю, что там в твоём детстве было, но прямо сейчас, Матвей, у тебя есть Яр, и он просто вынуждает меня делать то, чего мне раньше и в голову прийти не могло.

Щёки фрейлины были пунцового цвета, её поведение стало сюрпризом в первую очередь для неё самой. Наконец, она перестала безобразничать своей ступнёй у меня в паху, и я смог присмотреться к своему резервуару. К моему удивлению, там действительно был Яр. Поменьше, чем вчера, но учитывая размеры моего резервуара, всё же довольно много.

— Поехали, покатаемся, — отвлекла меня фрейлина Аматауни.

— Нужно расплатиться, — я протянул руку, чтобы нажать кнопку для вызова официанта, но Елизавета остановила меня.

— Я уже расплатилась, за тобой должок.

— Елизавета, — возмутился я, — куда это годится, чтобы дама платила за кавалера? В каком свете ты меня выставляешь?

— Шучу-шучу, — хихикнула она, я только велела принести счёт.

Расплатившись, мы вышли к машине, которую уже подогнал валет. Забирая у него ключи, я всунул ему в руку небольшую купюру в качестве чаевых. Сев за руль, я услышал слова фрейлины Аматауни:

— Отвези меня на пляж, Матвей.

Я прислушался к своим ощущениям.

— Елизавета, я очень устал. У меня были тяжёлые и насыщенные сутки. Мне очень приятно твоё общество, но мне нужно отдохнуть.

Фрейлина надула свои красивые губки.

— Тогда вези меня домой, — недовольно произнесла она.

Я вздохнул, позвонил Тарасу, чтобы он забрал меня от дома Аматауни, и выехал с парковки. Минут семь мы ехали в полном молчании. Вдруг Елизавета сказала, вытянув изящный пальчик:

— Останови здесь, пожалуйста.

Я припарковался и повернулся к ней. Она была очень близко. В следующее мгновение она впиалась в меня страстным поцелуем. Я быстро отодвинул сидение подальше от руля, и она села мне на колени. Не знаю, сколько времени я её целовал и покусывал, щупая за то место, вид которого оценил ещё в ресторане. Усилием воли, я напомнил себе, что нужно знать меру, и оторвал фрейлину от себя.

— Елизавета, нам нужно держать себя в руках. Ты княжна, тебе ещё замуж выходить.

— Матвей, замолчи, — она снова потянулась ко мне, чтобы поцеловать. — ты на меня так действуешь... Я как будто пьяная.

Я отстранился.

— Нет, Елизавета, нужно остановиться. Я отвезу тебя домой.

Я легко снял её изящное тело со своих колен и вернул на пассажирское сиденье.

— Бессердечный ты человек, Матвей, — произнесла она.

Я молча завёл двигатель.

— Так откуда у тебя Яр? — спросила фрейлина, — ты меня с умаводишь.

— Поверь мне, я сам ничего не понимаю, — ответил я, сказав чистую правду. — Когда у тебя следующая смена во дворце?

— Я пока не знаю, Её Высочество разрешили мне отдыхать столько, сколько я захочу, — сказала Елизавета Георгиевна. — А у тебя?

— У меня через шесть дней, — сказал я.

— Значит, на днях ещё увидимся, и не раз, — сделала вывод Елизавета.

— Ну, если я найду на тебя время в своём плотном графике, — пошутил я.

— Нет, вы на него посмотрите! — воскликнула фрейлина Амагуни, — молодая княжна к нему всем своим юным невинным сердечком, а он так холодно отвечает.

— Видел я сегодня какая ты невинная, Елизавета, — продолжил я и понял, что перегнул палку.

— Ты что, думаешь, я уже так с кем-то делала? Ты меня очень обидел, Матвей, — возмутилась фрейлина.

— Нет, Елизавета, что ты, я не имел ничего такого в виду, прости меня, — я попытался загладить свою ошибку.

— Я подумаю, — кивнула она. — Долгий сладкий поцелуй очень бы помог мне принять верное решение.

Что ж, выбора у меня не было. Я остановил машину, не доехав до её дома пятисот метров, и поцеловал её. Затем я довёз её до места назначения, помог выйти из машины и подчёркнуто церемонно попрощался, зная, что из окон могут смотреть её родственники.

Я чинно направился к нашему "ЗИЛу", дверь которого уже открыл передо мной кто-то из слуг дома Амагуни, сделав это вместо вечно всё забывающего Тараса. Сев в машину как можно изящнее, я дождался, пока слуга закроет дверь и облегчённо развязал галстук-бабочку.

— Ты почему дверь не отворил, Тарас? — спросил я, расстёгивая верхнюю пуговицу, когда автомобиль тронулся.

— Так я же знаю, что слуги у дома отворят, зачем мне беспокоиться? — ответил тот.

— Затем, что это твоя обязанность, Тарас. Что обо мне подумают? — внушал я.

— Понял, барин, в следующий раз в лучшем виде исполню, — сдался Тарас.

— В лучшем виде не надо: сделай просто так, как следует сделать, — возразил я. — А то знаю я тебя, придумываешь какое-нибудь улучшение этикета, такое, что весь Константинополь потом ещё долго вспоминать будет. Ухохатываться будут над стюардом Мартыновым, да слёзы от смеха утирать.

Тарас недовольно посмотрел на меня, не поворачивая головы, как птица, и обиженно засопел. Я же сосредоточился на своём резервуаре Яра. К моему удивлению, там не только было то количество Яра, которое я видел у себя в ресторане, но даже ещё немного больше.

Я попытался проанализировать происходящее. Яр появился вчера ночью, когда я помог фрейлине Амагуни отделаться от княжича Гуриели с плачевным для того результатом. Сегодня перед самым рестораном меня испытывал тусклый господин, и тогда я бы применил Яр для защиты, если бы у меня он был. Значит, я тогда был ещё без Яра, и он появился уже в ресторане.

Что же было в ресторане? В ресторане я поставил на место господина с голыми девушками. После этого Яр уже точно был, так как Елизавета Георгиевна изволила устроить шалости под столом с помощью своей ножки, чего бы никогда не сделала, будь я пустышкой.

Господин мог вызвать меня на дуэль, что было бы опасно для моего здоровья. Получается, опасность призывает Яр? Но мы это уже проходили в моём детстве, этот подход оказался безрезультатным. Ничего не понимаю.

Пока я размышлял, «ЗИЛ» приблизился к дому. Я вышел из машины и, велев Тарасу меня не беспокоить, поднялся к себе. Быстро переодевшись в домашнюю одежду, то есть в самые обычные штаны и майку, я решил, что раз уж у меня опять есть Яр, нужно вернуться к первоначальному плану и полетать ночью в темноте, пока меня никто не видит.

В моём доме было два этажа и плоская крыша, на которой Тарас иногда сушил бельё. Я

поднялся туда и огляделся по сторонам. В пределах видимости никого не было. Я снова визуализировал огромную руку, которая поднимает меня в воздух. Я не беспокоился о слишком резком подъёме, потому что на этот раз надо мной вместо потолка было открытое небо. Врезаться можно не бояться.

Я взмыл в воздух, у меня захватило дух. Но не успел я впервые в жизни насладиться полётом, как снова влетел во что-то головой! На этот раз, что-то мягкое. Из-за темноты я увидел только мелькнувший неясный силуэт. Воображаемая мной рука продолжала тащить меня наверх силой моего Яра. Я взлетал всё выше и выше, пока всё-таки не сообразил, что нужно представить, что рука остановилась.

Я завис на довольно большой высоте и окинул ночной Константинополь взглядом сверху. Он был прекрасен, особенно меня впечатлил вид большого парка имени генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова. Парк имел форму двуглавого имперского орла. Я видел в Паутине его фотографии и при дневном свете, и в ночной иллюминации, то есть подсветке, но увидеть подобное в живую — наслаждение совсем другого уровня, другого порядка.

Я обратил свой внутренний взор на резервуар, Яра немного поубавилось. Я решил спуститься и полетать на меньшей высоте некоторое время. Конечно, видом я уже наслаждаться не мог, зато у меня получилось быстро ускоряться в горизонтальной плоскости и тормозить. Я попробовал пикирование: быстрый спуск, а затем, у самой земли, подъём вверх.

Отрабатывая этот приём над своим домом, я заметил какую-то фигуру на крыше. Зависнув над ней, я понял, что это незнакомая мне девушка с густыми вьющимися волосами. Она уже увидела меня, поэтому прятаться не было смысла.

— Ну-ка, иди сюда! — бесцеремонно поманила она меня пальцем.

Я растеряно приземлился на крышу, представив, что огромная рука аккуратно ставит меня.

— Во-первых, ты в меня врезался! — она подскочила и толкнула меня. Это была девушка примерно моего возраста или чуть старше, с каштановыми, насколько я мог судить в свете фонарей, волосами, совсем невысокого роста. Она пыталась изобразить гнев, но лицо её имело выражение скорее весёлого озорства.

— Простите, — смущённо склонил голову я, поражённый, однако, её «тыканьем» и прочими нарушениями базовых понятий этикета.

— «Простите», — передразнила она, кривляясь. — Во-вторых, ты разве не знаешь, что полёты в ночное время запрещены всем не-дворянам?

Я не нашёлся, что ответить. В теории я помнил об этом запрете. На практике же, он меня не касался: во-первых, по причине столбового дворянства нашего рода, во-вторых, до вчерашнего дня я летать был просто неспособен. И неизвестно, останусь ли способен завтра.

— Ну, что ты молчишь, как воды в рот набрал? — расхохоталась она. — Я никому не скажу. Как тебя зовут-то, чудо?

— Матвей Михайл...

— Да зачем мне твоё отчество-то? — развеселилась она. — В каком доме ты служишь, Матвей?

Теперь всё встало на свои места. Она приняла меня за прислугу, которая, благодаря капле благородной крови, имеет скромное количество Яра и пытается летать по ночам, пока никто не видит.

— Я из этого дома, — честно ответил я и показал на крышу под своими ногами.

— А я служу в особняке через несколько домов отсюда, — сверкая улыбкой сказала она, — меня зовут Лена. Елена Бенесова, если по документам.

— Очень приятно, — кивнул я, в последнее мгновение осознав, что протянутую крохотную ладошку нужно пожать, а не поцеловать, — а что вы... ты...

— Что ты там мямлишь? Говори нормально, — она снова толкнула меня, но уже слабее, можно сказать, по-дружески, с симпатией.

В нормальной ситуации, когда я нахожусь у родителей и у деда, я спокойно обращаюсь к прислуге на ты. Но сейчас, когда Елена не является моей прислугой и, более того, меня самого принимает за прислугу, когда мы общаемся так... неформально, что ли, мои внутренние системы самоидентификации в обществе дали сбой. Не говоря уже о том, что в наши дни все незнакомые люди друг к другу обращаются на «вы».

— Что ты тут делаешь? — спросил я, пересиливая своё отторжение того факта, что я вынужден «тыкать» женщине, с которой едва знаком.

— Я прихожу сюда играть на флейте. Тут уютно и никого нет. Обычно, — весело и дружелюбно ответила девушка. Моё «тыканье», которое мне казалось грубостью, она приняла как самую естественную вещь на свете.

«Так вот, о ком вчера упоминал Тарас, когда говорил, что кто-то на «дудке играет» — понял я.

— А как я в тебя врезался, если я был в воздухе, а не-дворянам летать запрещено? — любопытствовал я.

Она секунду смотрела на меня, будто прикидывая, действительно ли я такой глупый или просто для смеха притворяюсь.

— Затем, что я взлетала на крышу, Матвей, — наконец ответила она, — мне тоже кое-что досталось от благородных предков, которые путались с прислугой. Моей Яры хватает на большие прыжки, например, чтобы запрыгнуть на крышу этого дома.

— То есть, я врезался в тебя, когда ты была в прыжке? — уточнил я.

— Ага, вот, посмотри, синяк небось огромный? — она молниеносно задрала кофточку чуть ли не до самой груди. Никакого синяка я не увидел, зато увидел тонкую талию и красивый плоский животик с вертикальной полосочкой пресса посерединке.

— Да нет, вроде бы всё хорошо, — ответил я как можно беспечнее, будто передо мной каждый день незнакомые девушки одежду задирают. — А что ты играешь?

— Просто нахожу в Паутине разные мелодии и разучиваю те, которые нравятся. Из видеоигр или фильмов или классику. Хочешь послушать? — сказала она, возвращая одежду на место.

Я понял, что она скорее утверждает, чем спрашивает. Вообще, Лена создавала впечатление девушки, с которой лучше не спорить.

— С удовольствием, — сказал я из вежливости.

Минут с десять она играла разные мелодии, в целом неплохо, но я привык к другому уровню исполнения. Когда она закончила, я слегка похлопал.

— Тебе правда понравилось? — спросила она.

— Да, конечно, — ответил я. Не объяснять же девушке, что исполнение дилетантское.

Она положила флейту и стала приближаться ко мне.

— Хоть ты и мямля, Матвей, но что-то мне в тебе нравится, — прошептали её влажные губы.

«Я даже знаю, что» — подумал я. — «Мой Яр. Человек с таким количеством Яра обычно если и разговаривает с ней, то только как с прислугой. А тут она думает, что мы ровня, но Яра у меня в резервуаре сейчас как у мелкого дворянина, то есть, намного больше, чем у всех, с кем она может иметь свободный разговор».

Она приблизилась ко мне. Её макушка не доставала мне и до подбородка.

«Какого чёрта» — решил я, — «она сама этого хочет, и жениться мне не придётся. В конце концов, возможно, это мой последний шанс познать близость с женщиной. Яр ведь может не вернуться.»

Я наклонился и поцеловал её. Она охотно ответила. Я понял, что нужно делать: взяв её за руку и приложив палец к её губам, я сказал: «Тс-с!». Мы прокрались в мою собственную спальню, где я прошептал, притворяясь, что нам нельзя тут находиться:

— Сегодня хозяина нет, только внизу спит Тарас.

— Значит, нам повезло! — хихикнула Лена, толкая меня на кровать.

Я немного сомневался в своих способностях к этому занятию — сексу — из-за отсутствия личного опыта, но принцип я понимал из видео, которого в Паутине полно, а в остальном я быстро разобрался, учитывая, что Лена была очень активна и явно делала это уже не в первый раз. Да уж, за последние сутки каждое удивительное событие влечёт за собой целый ворох других.

Когда мы закончили, я предложил принять ванну. Ванная комната у меня именно что комната, размером с мою спальню, и в самой ванне можно не только вдвоём, но и втроём поместиться, если найдётся нужное количество человек, у которых будет желание забираться голыми в ванну вместе.

— А кто тут живёт? — спросила Лена, лежа на мне в ванне и прижимаясь ко мне своим небольшим, но очень притягательным телом.

— Не хочу говорить о работе, — отговорился я.

— А я в Парящем дворце бываю! — похвасталась вдруг Лена.

— Что, тебя прямо Их Высочества на приёмы приглашают? — поднял бровь я.

— Да ну тебя, балбес! — Лена плеснула в меня водой. — Моя тётка там после приёмов убирать приходит и меня с собой берёт. Платят там неплохо, только обыскивают при входе и выходе.

Она провела пальцами у меня по груди, и я понял, что готов ко второму туру. Поскольку она лежала на мне сверху, она сразу почувствовала, как моё тело наполняется энергией.

— Ого! Ты чего это? — сказала она со своей озорной улыбкой, просовывая руку мне между ног. Нужно сказать, что в её маленькой ладошке некоторые части моего тела выглядели очень большими и внушительными.

После того, как мы предались усладам в ванне, Лена посмотрела на часы на плазменном экране, который висел на стене у меня в ванной комнате, охнула и поставила меня в известность, что у неё завтра с утра много работы по дому и что ей нужно идти. Она быстро оделась, и я открыл дверь, ведущую на лестницу.

— А ты что, одеваться не будешь? — удивилась Лена.

— Не, Тарас спит, а наша крыша, как ты сама отметила, место уединённое, — махнул рукой я.

На крыше мы, поцеловавшись, распрощались. Я вернулся в свои комнаты и теперь, свободный от необходимости притворяться прислугой, подошёл к холодильнику, чтобы быстро чем-нибудь перекусить.

Я с сомнением посмотрел на тонко нарезанную вяленую свинину, называемую капиколой, которую Тарас покупает у итальянского мясника на большом рынке возле порта, и решил, что есть на ночь — дурная привычка. Я свалился на кровать и, несмотря на лёгкий голод, уснул как убитый.

Когда у меня было несколько смен подряд в Парящем дворце, я спал довольно мало. Просто закрывал глаза после работы и открывал, когда звонил будильник. Но сейчас у меня было впереди ещё шесть дней выходных, поэтому я собирался спать столько, сколько это вообще возможно.

Я спал так долго, что мне даже приснился сон — вещь немыслимая, когда спишь не больше, чем достаточно для восстановления сил. Сон был непонятным, но интересным своей

атмосферой. Снилось мне поначалу какая-то драка, затем больничная палата и разговор с неким очень влиятельным молодым мужчиной, но, при этом, не аристократом. Он вроде бы давал мне какое-то задание.

Далее, в рамках этого данного мне задания, красивая, фигуристая девушка катала меня на кабриолете по незнакомому мне прибрежному городу, покупая мне одежду и сеансы в спа-салонах. Во сне это внимание было приятно. Далее сон принял детективную направленность, что выразалось в допросе какого-то уголовника в тюрьме.

Проснувшись, пока воспоминание было свежим, я попытался проанализировать сон. Во-первых, с чего бы это не-аристократ давал задание внуку князя, да не какого-нибудь, а князя Мартынова, чей род был благородным ещё до Петра Великого? Странно, но во сне такого вопроса не возникло.

Во-вторых, почему это меня возила по магазинам и спа какая-то девушка, явно всё оплачивая? У меня, слава Богу, есть своя машина, есть машина Тараса, которую я могу брать, есть скутер и, наконец, я могу взять машину с нашими гербами у кузена Валерия, у моего отца, у моего дяди Николая или даже у самого князя Мартынова, если обосную, зачем она мне понадобилась. Такую ерунду, как пошив костюма или массаж в спа, я тоже могу себе позволить.

Видимо, по сюжету сна я был совсем другим человеком и находился в какой-то другой жизненной ситуации. Я решил вернуться к своим насущным делам и визуализировал резервуар с Яром. Удивительное дело: Яра было чуть-чуть больше, чем до полётов, хотя я чётко помнил, что, когда я проверял резервуар в воздухе, то видел, что потратил на полёт заметное количество.

После полёта я общался с Леной, которую так манил мой Яр, что мы перенесли общение в горизонтальную плоскость. Дальше я спал. Логичным предположением было бы то, что у меня увеличилось количество Яра вследствие ночных утех с Леной, но ведь до этого у меня никаких утех ни с кем не было, а Яр появлялся сам собой.

Озадаченный, я прошёл к холодильнику, достал капиколу, от которой таким усилием воли отказался ночью, и стал задумчиво её жевать.

— Тарас! — позвал я дядьку, приоткрыв дверь.

— Звали, барин? — зашёл в комнату тот и тут же возмущился: — Матвей Михайлович, это что же такое? Я вам завтрак нормальный приготовил, а вы тут всухомятку жуёте! Разве так можно?

Возразить на это было нечего.

— Ты прав, Тарас! — покорился я. — Неси свой завтрак!

Тарас отправился вниз.

— Но капиколу тоже оставь! — проявил я всё же и хозяйскую волю.

Через пять минут я сидел за столом и раздумывал о том, стоит ли рассказывать Тарасу о том, что у меня периодически появляется Яр или нет. Я решил прощупать почву.

— Тарас, — обратился я к дядьке, которого обычно во время еды отпускал, чтобы не заставлять зря стоять его у меня за спиной, — присядь.

Тарас с облегчением сел. Стоять во время трапезы хозяев или, скажем, на приёмах, когда мы ещё жили в поместье, он не любил и не умел, постоянно переваливаясь с одной ноги на другую, теребя пальцами штанину или и вовсе ковыряя стену.

— Вот, смотри, Тарас, у тебя же есть Яр, — начал я.

Тарас кивнул и со скрываемой жалостью посмотрел на меня, которого всю жизнь знал пустьшкой.

— Он тебе достался от кого-то из моих предков, верно? — продолжал я.

— Точно так, барин, — снова кивнул Тарас.

«Ну допустим, всё-таки не точно», — подумал я.

— И, соответственно, ты пользуешься популярностью у прислуги женского пола во всех домах? — спросил я.

Тарас крякнул.

— Есть такое, врать не буду, Матвей Михайлович, — подтвердил он.

— Смотри, Тарас, а что, если такая прислуга от тебя забеременеет? — спросил я. — Этому ребёнку тоже передастся какая-то часть Яра?

— Пожалуй, что и передастся, — подумав, ответил Тарас, — а только...

— погоди, — подняв руку, остановил его я, — а давай представим, что такая прислуга женского пола, тоже имеет кого-то благородного в предках, то есть, у неё есть немного Яры.

Тарас молча слушал.

Я развил мысль:

— Тогда, если она забеременеет, то вашему ребёнку передастся часть Яра от тебя и часть Яры от матери, так?

— Такое барин никак невозможно, потому как такие дворовые люди, у кого есть Яр или Яра, мы всегда у хозяев на особом контроле, и такое нам насторого запрещено, как вы говорите. — Тарас замахал руками. — То есть, нельзя чтобы девка, если сказать, с Ярой, чтобы с мужиком, у которого Яр есть, если он из незнатных, путалась! Никак невозможно!

— Отчего же? — спросил я.

— Так ведь, эдак вся прислуга, у кого Яр или Яра есть, начнёт только с такими же размножаться, с позволения сказать. Эдак новая прислуга с Яром нарождаться будет, и оттого смущение в обществе возникнет, господам беспокойство, — разволновался Тарас. — Мне с обычными бабами это сколько угодно разрешается, и девкам, у кого Яра есть, с обычными мужиками, это сколько угодно тоже, правда они сами не захотят.

Эта информация требовала обдумывания. Напрямую она к моему положению не относилась, разве что, тьфу-тьфу, Лена от меня забеременеет. Но эта информация касалась необычных ситуаций, связанных с передачей силы потомству. А моя ситуация — ох, какая необычная.

— Хорошо, Тарас, спасибо, — сказал я, — можешь идти.

Когда он вышел, я потянулся за «ладошкой» и позвонил старому князю Юрию Мартынову, моему деду.

— Говори, Матвей, — услышал я его густой властный голос.

— Такой вопрос, Ваше Сиятельство. Я тут у Тараса спросил, что будет, если от него забеременеет прислуга, которой Яра по наследству досталась, он толком ничего не объяснил, кроме того, что подобное запрещено.

— Так и есть, Матвей, дальше что? — дед, когда было нужно, мог рассыпаться в комплиментах и плести сложные витиеватые фразы, необходимые для соблюдения формальностей и этикета, но по своему характеру, как и большинство влиятельных и занятых людей, он предпочитал короткие, конкретные вопросы и ответы.

— Хочу поподробнее узнать эту тему, — сказал я, — ведь такой гипотетический ребёнок будет, по сути, иметь дворянскую кровь с двух сторон, а это значит...

— Понял твой вопрос, Матвей, вечером увидимся, обсудим, — резко ответил князь Мартынов и отключился.

Что ж, вечером, так вечером. Я оделся в шорты и майку, намазался солнцезащитным кремом, взял небольшой рюкзак, куда бросил панаму, солнцезащитные очки и бутылку воды.

— Тарас, я на прогулку, — крикнул я, спускаясь по лестнице. На улице я положил свой рюкзак в багажник, находящийся под сиденьем скутера, надел шлем с тонированным забралом и поехал, куда глаза глядят.

Я любил кататься по Константинополю, изучая его закоулки. Вот и тогда, я приехал в какой-то малоизученный район, припарковал скутер и, взяв рюкзак, отправился исследовать новые территории. Мы, русские, по натуре, народ-исследователь, оттого так велика, богата и прекрасна наша Российская Империя, оттого есть у нас и Дарданеллы, и Берингов пролив.

В голове было много мыслей, я не успевал анализировать события, которые со мной происходили в последние пару дней. Я мерил шагами отличные дороги своего города, вспоминая подробности того, что испытал за недавнее время.

Вот полный ярости княжич Гуриели, обрушивающий на меня всю силу своего Яра. Вот он же бесформенным мешком летит в воды Мраморного моря. Вот целует меня прекрасная фрейлина Амадуни, вот я взлетаю в первый раз в жизни, вот меня пытается невзрачный агент Его Величества, вот господин с голыми куртизанками, пристыжённый мной, покидает ресторан, вот снова фрейлина, на этот раз в машине, мои руки сжимают её прекрасные ягодицы. Вот я снова летаю, знакомство с Леной, всё это на фоне, то появляющегося, то исчезающего Яра...

От моих воспоминаний меня отвлекли три окруживших меня человека. Задумавшись, я забрел в совсем уже неприличный район города, где ещё существовал мелкий уличный криминал.

— Котлы, лопатник, тэху, — по-русски, но с акцентом сказал один из них непонятные слова. Все трое были не то греками, не то итальянцами, не то турками, а скорее всего, и тем, и другим, и третьим, в разных степенях.

— Не понял? — спросил я.

— Часы, кошелёк, мобильник, — сказал он же, но уже по-человечески.

Не успел я ответить, как другой выпалил:

— Да он же благородный, небось!

Заводила посмотрел на меня. На его лице ясно читалась дилемма: с одной стороны, хорошо одетого, восемнадцатилетнего гостя их района им, молодым, но уже взрослым мужчинам, было бы очень здорово ограбить, с другой, даже самый слабый дворянин может их покалечить силой своего Яра.

— Ты благородный? — спросил он, наконец.

— Ну да, — я пожал плечами, примериваясь, смогу ли я скрутить всех троих, используя Яр, не покалечив, чтобы сдать околоточному.

Грабители переглянулись и, разойдясь в разные стороны, скрылись в каких-то закоулках, не успел я и глазом моргнуть. Я покачал головой и продолжил свой путь, планируя вечерний разговор с дедом о тонкостях наследования Яра. Я достал свою «Нокиа», чтобы посмотреть, где я нахожусь. На карте было написано: «район Пиратского, улица Карла Пиратского».

Шёл я ещё минут десять такими же глухими закоулками, как те, в которых скрылись несостоявшиеся грабители, как вдруг передо мной встал какой-то мужчина лет тридцати пяти-сорока. На вид он был таким же, как и предыдущие аборигены этого района. Но если те были просто небритыми, то у этого были густые чёрные усы.

Был он одет с каким-то примитивным шиком. Например, я заметил на нём сразу две толстые, уродливые золотые цепочки, а на его пальцах несколько огромных перстней. На

нём была красная шёлковая рубашка навывпуск и короткие светлые брюки. На волосатом запястье красовались нелепые золотые часы. Завершали картину туфли из змеиной кожи на босу ногу.

Оглянувшись, я увидел давешнюю троицу, которая преграждала мне путь к отступлению. Всё понятно, сбегали за подмогой. Интересно, что этот усач скажет?

— Слушаю вас, — сказал я.

— Ваш благородь, — ёрничая, сказал усатый мужчина, — отдай моему другу телефон, рюкзак и наличку. И ступай себе дальше.

Я рассмеялся и, не глядя, визуализировал огромный кулак, впечатав стоящую у меня за спиной троицу в стену переулка. За спиной раздался хруст. Я собрался было переключиться на усача, но в этот момент почувствовал, что ко мне тянется невидимая глазу петля, чтобы обхватить мою ногу. Усатый грабитель обладал Яром и применял его ко мне.

Необученный боевым техникам, я действовал интуитивно. Даже то чувство, которым я ощущал яровые атаки, было для меня новым: оно явно было вызвано появлением у меня Яра. Поэтому я дёрнул за петлю, надеясь лишить противника равновесия. Тот, видимо, ждал чего-то подобного, поэтому отпустил конец своей невидимой петли раньше, чем я успел дёрнуть, так что я только зря потратил энергию на это усилие.

Я почувствовал приближающуюся сверху опасность, и вытянув перед собой левую руку, выставил щит как тогда, с Гуриели. Я понимал, что грабитель, в отличие от княжича, нападает на меня не из-за глупого и злого характера, а с целью преступного дохода, поэтому он не свалится замертво от ярового шторма, пытаюсь пробить мою защиту.

— Вашблагородь, я вижу, ты силён, моя вина, — сказал усач, почувствовав, что я выставил щит, — дай мне уйти.

Я вспомнил о том, что читал о старых временах, когда Россия только пробивала себе дорогу к Константинополю. Тогда грабившие в горах имперские обозы и караваны банды, попав в окружение, тоже просили их отпустить.

«Эх, ничто не ново под луной», — сокрушённо подумал я.

Вместо ответа, я решил действовать так, как действовали наши предки, а именно — переговоров с разбойниками не вести. Попытавшись сделать из Яра что-то вроде паутины, которая бы спеленала усача в кокон, тем самым обездвижив его до появления околоточного, я бросил паутину на усача.

Тот легко разрезал её своим Яром, как бритвой.

— Вашбродь, — сказал он, — я все эти трюки давно знаю, сил у меня ещё много, я просто не хочу тратить их на сложный поединок. Зашибу ещё тебя ненароком, тогда тут облавы будут, много моих друзей хороших пострадает.

— Ну это вряд ли, — улыбнулся я, — ты же чей-то бастард, откуда у тебя силы «зашибить» дворянина? Да, собственно, и откуда у бандита друзья?

— А это смотря чей бастард, — подмигнул усач, — у моей мамы была оочень знатная клиентура, пока она не потеряла товарный вид и не сдохла в нищете в этой дыре. А насчёт друзей, это верно, доверять никому нельзя.

Пока мы обменивались этими фразами, я принял решение напасть на него в открытую, сбросил щит и направил на него дождь из мелких частиц силы. Усач, будучи начеку, не растерялся и сформировал огромный кулак, который разбил основную массу частиц из моей атаки и прикрыл его. Всё это заняло меньше секунды. Этим же самым кулаком он ударил меня, вложив, видимо, всю доступную ему мощь.

Я снова успел выставить щит, но удар был такой силы, что меня отбросило метра на три. В полёте я интуитивно сформировал что-то вроде капсулы вокруг своего тела, которая защитила меня от порезов и царапин об асфальт и всякий острый мусор, валяющийся тут в изобилии.

Слегка оглушённый, я вскочил и увидел, что усач скрывается в переулке. В ярости, я взлетел и отправился в тот же переулок на высоте около пяти метров. Усач бежал бегом, оглядываясь и не подозревая, что я сверху, а не позади.

Дело было в том, что класс резервуара усатого предводителя грабителей относился к малым. Насколько я понимал, те, у кого мало Яра, учатся заканчивать бой одной мощной атакой, тратя весь или почти весь ресурс силы сразу. Из-за малой ёмкости их резервуара и специальных тренировок, они способны выбросить за один раз больше энергии без риска столкнуться с явлением ярового шторма, чем владельцы больших резервуаров.

Иными словами, высшая аристократия, которая, в основном, обладает большими резервуарами, учится экономить Яр и использовать разнообразные защиты и атаки, тогда как обладатели малых резервуаров, то есть всё остальное дворянство, учится ждать точного момента и бить со всей своей силой наверняка, заканчивая бой одним ударом и полностью опустошая свой резервуар.

Конечно, в знатных родах также иногда рождаются дети с малыми резервуарами. Их тренируют лучшие инструкторы, и в поединке один на один такие аристократы иной раз могут победить и противника с большим резервуаром. Но для этого нужно серьёзное мастерство и упорство в тренировках, всё зависит от личных качеств противников.

Разозлённый атакой усача, я летел над ним чуть позади и, примерившись, пустил тонкую, но прочную иглу Яра ему в колено. Закричав, он упал. Я приземлился и опутал его паутиной Яра. Он не сопротивлялся, ослабевший после той, самой сильной своей атаки и занятый покалеченной ногой. Он со страхом и болью смотрел на меня своими выпуклыми глазами.

Я оказался в неловкой ситуации. Мне бы очень хотелось сдать бандита полиции, в конце концов, так поступил бы любой дворянин, оказавшись в моем положении. Но, раз уж я решил пока скрывать свою силу, появление которой остаётся для меня загадкой, тогда я не могу рассказать полиции, кто я такой и как мне удалось задержать грабителя. К тому же, неизвестно, что с остальными тремя, живы ли. Если нет, вопросов будет ещё больше.

Из всех людей на свете о том, что у меня есть Яр, знала только прекрасная белокожая и черноокая фрейлина Елизавета Георгиевна Амадуни. К сожалению, я не мог позвонить ей и предложить сдать бандита в полицию, как будто его задержала она.

В первую очередь, это просто неблагородно: перекладывать ответственность с себя на даму. Далее, как уже она бы стала объяснять, что привело её в этот неблагополучный район?

И наконец, если бы в новостях всплыло, что княжна Амадуни способна раскидать и покалечить четырёх бандитов с помощью Яры, женской силы, — это вновь подняло бы вопросы о смерти княжича Гуриели. Если может победить бандитов, то в теории и княжича может убить, особенно, если тот не ожидает атаки. А о вражде Амадуни и Гуриели многие знают, насколько я понимаю.

Конечно, можно было бы оставить грабителя и уйти, но это означало бы то, что он

останется безнаказанным с точки зрения закона. И, выздоровев, скорее всего вернётся к своему занятию. Он ведь наверняка, используя свой экстраординарный для бастарда Яр, достиг всех доступных ему вершин криминальной иерархии в этом районе. А ограбить меня нужно было для поддержания авторитета в глазах шестёрок, которые платят ему дань и прибежали сообщить, что по району гуляет дворянин.

То есть, оставив его здесь, я позволю существовать организованной преступности в этом районе, которая в данный момент наверняка держится на этом человеке. Что же важнее, моя тайна или долг гражданина и дворянина?

Я снова подумал, живы ли те трое, которых я приложил о стену. Нужно было пойти и проверить. Усач застонал.

— Так, тихо ты. Никуда не уходи, — велел я ему и снял с него паутину: сил у него нет, и деваться ему некуда, зачем на него тратить энергию? Экономя Яр, я не стал взлетать. В четыре огромных прыжка, используя Яр как батут для каждого шага, я вернулся в переулок, где началась битва.

Двое из нападавших лежали не шевелясь, третий слабо шевелился. Я приблизился к нему.

— Живой? — спросил я.

— Ага, — прохрипел он. — Ребра сломаны, кажись.

Я пожал плечами и сказал:

— Ну, назвался груздём — полезай в короб. Назвался преступником — получай отпор.

Он промолчал.

— Ты как вообще, жить-то дальше настроен? — спросил я.

Он испуганно зыркнул на меня из-под сросшихся бровей и кивнул.

— Усатый товарищ твой с раздробленным коленом за углом лежит, — поделился я с ним последними новостями, — пойдём, прогуляемся до него, и я подумаю, что с вами делать.

Держа его за шиворот, я подвёл его к лежащему на земле у стены усачу.

— Ну, как ты тут? — весело спросил я. Тот не ответил.

Присмотревшись повнимательнее, я понял почему: за ту минуту, что меня с ним не было, кто-то воткнул длинный и тонкий нож ему в сердце, да так там и оставил. Видимо, у него было много врагов среди местного криминалитета. Золотые украшения с него, однако, не сняли. Убийство, очевидно, было мстью, а не грабежом.

Что ж, значит, его не нужно будет сдавать околоточному надзирателю. Жаль, конечно: он бы многое мог рассказать о преступных схемах, что очень помогло бы полиции в наведении порядка в этих местах. Я повернулся к горе-грабителю.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Экин, — ответил тот, морщась от боли в сломанных, предположительно, рёбрах.

— Экин, — сказал я, — сегодня ты родился второй раз. Начни честную жизнь. В портах много работы, везде открыты бесплатные курсы повышения квалификации. Найди себя. Ты меня понял?

Экин кивнул.

— Это тебе, Экин, на память о моих словах, — я сформировал из Яра тонкое лезвие и рассёк ему тонкую кожу на брови, вырезав на ней три полоски. — Пусть эти три полоски напоминают тебе о твоём новом дне рождения. Забери его золото, — я указал на мёртвого усача, — его тебе хватит на первое время. Впредь же живи честно. Иначе я приду за тобой.

Понял?

— Понял, — сказал Экин.

Кровь из рассечённой брови текла по его лицу.

— Я пометил тебя, Экин, и найду тебя, если ты будешь плохо себя вести, — присовокупил я напоследок. Не то, чтобы я знал, как его найти, если он останется преступником, но я надеялся, что произошедшее с ним и его поделщиками напугает его достаточно, чтобы свернуть с криминальной дорожки.

Большими прыжками я отправился к моему скутеру. На весь путь мне не хватило Яра, но мне нужно было как можно скорее удалиться от места происшествия, и, когда он закончился, дойти до скутера мне оставалось всего ничего.

Вот и снова мой резервуар пуст. Посмотрим, восстановится ли он и на этот раз. О произошедшей стычке сейчас думать не хотелось, я решил проветриться и поехал на пляж. На этот раз я, для разнообразия, отправился на Чёрное море, ведь Константинополь выходит одной стороной на Мраморное море, а другой на Чёрное. Там я долго булькался в воде, кувыркаясь и фыркая, стараясь освободить голову ото всех мыслей и просто насладиться.

Накупавшись, я зарылся в песок и стал любоваться то и дело проходящими мимо меня девушками. Мой свежеприобретённый опыт по части женского тела позволял мне теперь осматривать их загоревшие упругие фигуры более предметно. Яра у меня сейчас не было, и девушки, естественно, ни моего существования, ни, тем более, моих взглядов не замечали.

В какой-то момент я засмотрелся на идущие вдали корабли. Традиционно Мартыновы служили в гвардии либо носили придворные чины, служа во дворце. Однако дядя моего деда служил во флоте и принимал участие в самом ожесточённом сражении на Чёрном море в тысяча девятьсот семнадцатом году.

Дяде моего деда было двадцать два года, он служил на боевом корабле «Орлов» в ранге лейтенанта Императорского Черноморского флота, когда наши корабли столкнулись с противником почти в упор к Константинополю.

— Ну вот я и говорю, — бухтел над моим ухом какой-то немолодой мужчина с тележкой. Задумавшись, я не заметил, что он находится подле меня уже некоторое время и что-то мне рассказывает. — Юсуф, мой дед, служил во флоте и воевал против ваших моряков...

— Что ты такое говоришь? — не понял я.

— Да я ж рассказываю, ваше благородие, — посмотрел на меня старик. — Мой дед Юсуф служил во флоте, а бабка вот с этого самого берега, может быть с этого самого места, наблюдала за сражением в бинокль, который ей дал мой дед перед отходом в море.

— Так, а что, у твоего деда Яр был? — спросил я, заинтересовавшись.

— Какое там, барин! — воскликнул словоохотливый старик, обрадованный моим вниманием. — Простым моряком был мой дед Юсуф.

— А тебя-то как звать? — спросил я.

— Юсуф, — ответил он.

— А меня зовут Матвей Михайлович, — сказал я. — Погоди, разве ты не говорил, что твоего деда зовут Юсуф?

— Говорил, — подтвердил Юсуф. — И меня зовут Юсуф.

Я вытер пот со лба. Константинопольская ли жара на меня так действовала, путанные ли рассказы старика, понять было невозможно.

— Жарко, барин? — сочувствующе спросил старый Юсуф. — Лимонадику, может?

Холодненький!

Он открыл свою тележку, которая оказалась холодильником на колёсах и действительно достал бутылку мятного лимонада.

— Давай, Юсуф, — я протянул руку.

— Тридцать копеечек с вас, Матвей Михайлович, — елеиным голосом протянул старик.

— Безналичным расчётом можно? — спросил я.

— Само собой! — воскликнул он. — Вот, Бэ-эР кодик извольте сосканировать.

Он показал мне листок. Я отсканировал камерой «ладошки» код быстрого реагирования, представляющий собой бессмысленный на первый взгляд чёрно-белый узор, заключённый в квадрат. «Нокиа» пиликнула, давая понять, что с моего счёта списалось тридцать копеек.

— Дороговато, однако, — сказал я. — В лавках лимонад по пятнадцать копеек.

— Ваше благородие! — воскликнул старик с тележкой. — Так ведь в лавку вам идти надо, а здесь вам прямо в руки преподносят. К тому же, мы сами лимонад делаем, это нес завода!

Пожалуй, что в его словах был смысл. Я сделал глоток лимонада и спросил:

— Так что твой дед, Юсуф?

— Был, говорю, матросом, заряжал пушку на корабле, — тут же, будто ждал вопроса, ответил Юсуф. — Он рассказывал, что море кипело во время сражения. А на небе были густые чёрные тучи! Гром и молния!

Можно было бы принять эти слова за стариковскую фантазию, но мои скромные познания в физике, позволяли предположить, что интенсивном сражении, в котором, кроме артиллерии использовался и Яр, горячий воздух, выделяемый взрывами, мог спровоцировать появления грозных туч. Впрочем, я мог ошибаться.

— Заряжал пушку, а потом один русский корабль поравнялся с кораблём деда так близко, что началась абордажная схватка. Да! — размахивал руками старый Юсуф. — Мой дед вынул кортик и прыгнул в самую гущу сражения! Колол направо и налево, враги падали, пока у его ног не образовалась куча мертвецов!

Я с любопытством слушал старика. Я точно знал, что в том сражении не было абордажных схваток. Было лишь несколько случаев, когда русские офицеры с помощью Яра долетали до вражеских кораблей, убивая наводчиков артиллерии и офицеров, сея ужас и панику. Иными словами, старый Юсуф либо врал сам, либо пересказывал чью-то ложь. Скорее всего, всё вместе.

— Поразительно! Ничего себе, какой отпор дал нашим морякам твой дед! — почти не скрывая смех сказал я. — Что же было дальше?

— В его корабль попал снаряд! — охотно ответил старик. — Взрывная волна отбросила моего деда прямо на палубу вашего корабля.

— А как назывался корабль? — спросил я.

— Не помню я, как назывался! — отмахнулся Юсуф.

— Не «Орлов» ли? — пряча улыбку, спросил я.

— Да, вот! «Орлов» и есть! — сразу ухватился за эту ниточку старик. — На «Орлове» он продолжил сражаться в рукопашную и убил многих, но всё же попал в плен.

— Так что же он живым-то в руки дался? — расхохотался я. — Сражался бы до последней капли крови!

— Не знаю, барин, — пожал плечами Юсуф.

— И что было потом с твоим дедом? — спросил я.

— Вскоре после этой битвы война закончилась, он принял подданство русского Императора и жил здесь, в Константинополе, торгуя лимонадом и мороженым, как это сейчас делаю я.

«Это уже больше походит на правду» — подумал я, до этого не поверивший ни единому слову в рассказе старика.

— И что, хорошо наторговал? — спросил я.

— Конечно! — ответил старый Юсуф. — У нас с братьями три дома рядом за городом. С садами! Сами выращиваем фрукты, сами лимонад делаем! Машина у меня вон какая!

Старый Юсуф достал и показал мне ключи с эмблемой «Руссо-Балта». Что ж, неплохо для мороженщика.

— Это наше семейное дело такое, торговать на пляже, — гордо сказал Юсуф.

— Никто тебе тут не мешает? — спросил я.

— Нет, Матвей Михайлович, — энергично замотал головой старик. — Городовой, если мимо идёт, всегда поздоровается. Я ему предложу то мороженого, то лимонада, так он ни за что бесплатно не возьмёт! Дочка у меня за врача выходит, Сергеев его фамилия. У братьев тоже все дочери замужем уже.

— Хорошо тебе, Юсуф, живётся? — спросил я.

— Очень хорошо, барин! — радостно ответил тот.

— Так что же ты байки выдумашь, что твой дед наших моряков убивал? — строго спросил я. — На «Орлове» мой родственник служил, лейтенант Александр Мартынов, что-то мне ни разу не рассказывали, чтобы он упоминал, что к ним на палубу Юсуфы прилетали и многих убивали в рукопашной!

Старик замолчал. Улыбка сползла с его лица.

— Барин... может это и не «Орлов» тогда был... — замямлил он.

— Всё, что ты имеешь, в том числе платежеспособных клиентов вроде меня, ты получил благодаря тому, что твой дед проиграл в том сражении! — сказал я. — Если он вообще воевал, в чём я сомневаюсь. Скорее всего, он и во время сражения думал, как бы побольше мороженого продать.

— Прошу прощения, ваше благородие, — залебезил старик.

— Твоё счастье, что Государь дозволяет всем гражданам иметь полную свободу слова, — сказал я.

— Да живёт он сто и ещё сто лет! — подобострастно закивал Юсуф.

— Твоя дочь за врача Сергеева выходит, говоришь. А что она, твоих небылиц наслушавшись, детям вашим рассказывать будет? Что их предок яростно сопротивлялся тому, чтобы их папа-врач не мог тут жить? М? — задал я напоследок вопрос, на самом деле не требующий ответа.

— Простите дурака, ваше благородие, — снова заюлил старик.

— Уйди с глаз, — я махнул на него рукой и пошёл в море.

Проведя на пляже, купаясь в море и валяясь на песке, часа два, я сполоснулся под душем, который стоял тут же, и, прямо в мокрых шортах, запрыгнул на скутер. Как это часто бывает после купания, я чувствовал голод.

По дороге домой я остановился у кафе быстрого питания. Тут и там щебетало огромное количество птиц, которые подбирали разнообразные крошки, оставленные посетителями кафе. Я заказал окрошку на холодном квасе и гамбургер и принялся осматривать открытый

летник, в поисках свободного места.

Мимо меня быстро прошёл со своим подносом, заскочивший, чтобы второпях перекусить, мой ровесник, молодой грек в форме Греческого батальона Балаклавы, впервые сформированного из крымских греков ещё в восемнадцатом веке и собранного заново в начале двадцатого. Грек проворно уселся за последний свободный столик.

На форменной фуражке грека я разглядел эмблему батальона с вышитой надписью «За Босфор!». Его Величество изволили пожаловать батальону эту надпись на форму за проявленную отвагу в сражении за Босфорский пролив. Может быть, если дед встреченного мной на пляже Юсуфа действительно воевал, то он сражался именно против этого батальона.

В той, уже давней, войне греки, служа Российской империи, проявили столь нечастую среди них смелость и удаль. Каждый грек Балаклавского батальона сражался с яростью леопарда, хищника, наводящего ужас на человечество с доисторических времён. Сражался, чтобы вернуть свои древние земли из-под басурманского владычества обратно под власть христианского императора, под которой они и были во времена Восточной Римской Империи, то есть Византии.

За это Государь щедро их одарил землями и чинами. Этому молодому греку предстоит поддерживать честь Балаклавского батальона, за которую в Босфорском сражении погибло три четверти состава. Сейчас же он быстро уплетал свой обед, сидя за столиком, который собирался занять я.

Теперь мне нужно было выбирать к кому из сидящих на летнике посетителей подсесть. Я присмотрелся к публике, занимавшей места за столиками.

Вот сидит какой-то по-летнему одетый господин со светлыми волосами. Нахмурившись, он что-то напряжённо говорит в телефон. За соседним с ним столиком сидят мужчина и девушка, вероятно, отец с дочерью, калмыки или, может быть, алтайцы. Разговаривали они между собой по-русски, да и вообще, от русского населения страны они отличались только разрезом и цветом глаз.

Мужчина был одет в лёгкий деловой костюм. Конечно, каким бы лёгким костюм не был, на такой жаре могло быть комфортно только в шортах и футболке, но, очевидно, мужчина считал, что такой наряд будет недостаточно культурным. Подобное поведение вообще было свойственно азиатам, попавшим в зону европейского влияния. Будучи сообразительными по своей природе, они быстро поняли, что человеческая цивилизация только одна, а значит, хочешь-не хочешь, а надевай костюм и учись по европейским книжкам.

И пусть лучше эти книжки будут на русском языке, раз уж даже в космосе говорят по-русски, после того как Юрий Гагарин стал первым человеком, который пролетел по орбите земли. За что ему, кстати, пожалован графский титул. Впрочем, это я больше говорю о корейцах, китайцах и японцах, так как наши азиаты, родившиеся в Российской империи, и так все говорят на русском с рождения.

Девушка же была одета в красивое летнее светлое платье, открывавшее прекрасные, тонкие и абсолютно прямые ножки. На её открытой шее я заметил маленький золотой крестик. Обряд крещения азиатами своих детей нашей страны практиковался массово и с большой охотой. Интересно, они здесь в деловой поездке или просто тут живут?

За столиком справа от меня сидели курьеры, ожидавшие того, чтобы забрать еду и доставить её в указанное место. Кто-то из них был с велосипедами, кто-то с электро-самокатами, а кто-то и просто так, на своих двоих. Надеюсь, если покупатель отменяет заказ, они не должны относить его обратно?

Рядом с курьерами сидела парочка, русский парень с симпатичной черноволосой девушкой, среди гомона летнего кафе я с трудом различил обрывки их речи. На русском она говорила с лёгким акцентом. Должно быть, испанка. Образованные гречанки говорят на русском с детства, а итальянка с таким знанием языка говорила бы без акцента, потому что произношение звуков в русском и итальянском очень похоже.

За последним столиком сидел бородатый толстяк в мешковатой одежде и застиранной кепке с прямым козырьком. Перед ним лежало множество пустых коробок из-под гамбургеров. В данный момент он собирал из нескольких чизбургеров один большой, отбрасывая лишние булки. Чувствовалось, что он подходит к своему занятию со всей возможной сосредоточенностью.

Подсев к греку, который как раз заканчивал, я попробовал окрошку. Квас был сладковат, а я больше люблю кислый, но всё равно блюдо было вкусным. Мой взгляд снова зацепился за калмыков. Девушка что-то расслабленно говорила мужчине. Из-за разреза глаз, её мимика казалась немного ленивой и сонной. С другой стороны, возможно, просто сытость и жаркий день действительно придали девушке такое настроение.

Глядя на них, я перенёсся мыслями в Китай и Японию, где мне довелось провести несколько месяцев. Как я и говорил, на рубеже веков азиатские элиты быстро

сориентировались и поняли, что сохранит и преумножит свою власть тот, кто станет бóльшим европейцем, чем сами европейцы.

Япония в этом плане, конечно, преуспела больше всех. Огромную роль в этом успехе сыграл японский расизм: всё общество, знать, богачи, бедняки, самураи, настолько хотели уйти от европейского влияния, что забыли о внутренних разногласиях, объединившись против внешнего «врага».

Конечно, врагами просто желавшие с ними торговать европейцы, были только в воспалённом воображении японцев, но это уже совсем другая история. Как и то, что Япония всё-таки не избежала попадания под власть более могущественного государства. Правда, чуть позже и на лучших условиях.

Вообще, во время моего визита, Япония мне показалась страной довольно забавной, очень своеобразной (ещё бы, после многовековой добровольной самоизоляции), но при этом совершенно европейской во всех принципиальных моментах. От политики, до того, на каких машинах ездят действительно влиятельные люди. Подсказка: не на японских.

Скажем, люди, которые приезжают на дорогих немецких и русских машинах в горы, чтобы скатиться вниз на огромном бревне, рискуя свалиться под него и быть перемолотым в кашу, называющие такой досуг развлечением, в Японии не вызывают удивления. Но, признаюсь, вызывают удивление у меня.

А знаменитые японские школьницы, гуляющие по вечерам по улицам, чтобы продать своё нижнее бельё! «Сниму трусики с себя прямо сейчас и отдам вам, господин» — притворно стесняясь, говорит она, забывая сообщить уважаемому японскому господину в костюме, что трусиков на ней надето десять штук, чтобы можно было завернуть за угол и предложить эту выгодную для неё сделку кому-нибудь ещё.

Когда-нибудь я снова отправлюсь в Азию, ведь ещё многое мне предстоит о ней узнать. Как же прекрасно родиться в Российской империи, даже пусть и ярым инвалидом! Если бы не служба в Парящем дворце Его Величества, я бы хоть сейчас купил через Паутину билет и, взяв Тараса, отправился бы по Транссибирской железной дороге хоть в Китай, хоть в Корею, хоть в Японию, до которой с нашего континента построен железнодорожный мост, соединяющий их остров с нашей страной.

Калмычка поправила свои прямые и блестящие волосы, потревоженный движением золотой крестик сверкнул на её изящных ключицах в лучах средиземноморского солнца. Мои мысли снова изменили направление. Крестик навёл меня о мыслях о Китае.

Звучит безумием, но к власти там пришли какие-то откровенно сумасшедшие, или притворяющиеся таковыми, мечтатели-утописты, при этом, большинство, если не все, из их руководства, были крещёными христианами и учились в европейских университетах, где их, видимо, завербовали спецслужбы разных стран. По крайней мере, невозможно поверить, чтобы кто-либо добровольно совершил со своей страной и народом то, что совершили они.

Главной своей целью эти крещёные европеизированные китайцы декларировали отказ от частной собственности и, по их мнению, достигавшиеся таким странным способом мир во всём мире и всеобщее братство.

Со страной и народом произошли страшные вещи, всё встало с ног на голову. Китайского императора, до этого считавшегося Сыном Неба, свергли. Малолетнего наследника, в течение лет, исходя из текущей выгоды, то провозглашали императором, то низвергали, в конце концов ни за что ни про что заключив в концлагерь. Там бедный монарх, благодарный за то, что вообще не убили, до конца своих дней писал письма своим

тюремщикам о том, какие же они молодцы, что освободили его от полномочий, а страну от него, глупого и бесполезного правителя.

Избавившись от власти императора, эти мечтатели-утописты, а скорее всего, хитрые и бессовестные, жадные до власти политики, тут же устроили друг с другом кровавую междоусобицу, в которой больше всего страдал простой народ. В свободное от резни время, они выдумали для людей разнообразные идиотские задачки.

Например, чтобы каждый крестьянин переплавил все свои металлические вещи в слитки и отдал государству для создания железной промышленности. Нужно ли говорить, что переплавленный из ржавого железного плуга металл не годился для заводов и затем государством просто выбрасывался, оставляя и без того нищее население даже без земледельческих инструментов.

Другой идеей, реализацией которой с увлечением занялись утописты, была борьба с воробьями. Ни в чём не повинных птичек яростно истребляли по всему Китаю, объясняя это тем, что именно воробьи и только воробьи, а не разрушенное общество и экономика, являются виновниками голода в стране, якобы уничтожая посевы. Удивительно, но после истребления воробьёв лучше почему-то не стало. За развлечения утопистов вынуждены были платить граждане страны, которых, к тому же, постоянно подвергали репрессиям.

Конечно, страны Европы не растерялись и во всеобщем хаосе отрывали себе приглянувшиеся куски Поднебесной. Нашей благословенной империи достался поначалу огромный, но бедный населением кусок, тогда, когда Англия отхватила себе такой же по размеру, но густонаселённый регион.

Но Государь и русские дипломаты мыслили наперёд. Поэтому, когда Российская империя достроила Маньчжурскую железную дорогу и быстро и дёшево подвезла по суше войска и снабжение, все быстро поняли, кто настоящий хозяин в регионе. Само собой, дорога поспособствовала росту населения и развитию в регионе предпринимательства.

Калмык и калмычка, сами даже не подозревавшие, какой поток размышлений они вызвали у меня, попав под мой взор, закончили трапезу и встали из-за столика. Девушка расправила платье, мужчина поправил брюки. Не удивлюсь, если и их семья зарабатывает, делая бизнес с Азией через Транссибирскую железную дорогу, частью которой является и Маньчжурская.

Я всегда с любопытством смотрел на людей из других сословий. Моя семья, как и некоторые другие семьи, владеет этой страной. Конечно, большинство граждан Российской империи имеют в собственности какую-то землю, являясь, таким образом, хозяевами части страны. Но только аристократам, таким как князь Мартынов, с огромными богатыми землями и заводами страна принадлежит по-настоящему. А если принадлежит моему деду, то, значит, немного принадлежит и мне. Мой интерес к происходящему вокруг был интересом хозяина к тому, что происходит на его территории.

С этими мыслями я закончил трапезу. Покинув кафе, я снова прыгнул на скутер.

Сегодня мне ещё предстояла встреча с дедом. Здорово бы было перенести её на завтра, а вечер провести под боком у Лены, но, раз князь Мартынов сказал — сегодня, значит, сегодня. Я не знал, пришлёт ли дед кого-нибудь за мной или же явится сам. Донимать князя звонками я посчитал нецелесообразным, так что оставалось только ждать его распоряжений.

— Барин, ужинать будете? — спросил меня Тарас, только я переступил порог своего жилья.

Только я открыл рот, чтобы ответить, как зазвонил телефон. Определился номер деда.

— Матвей, я сейчас подъеду, сядешь в машину, — услышал я его голос.

— Хорошо, — не успел ответить я, как услышал мягкое шуршание шин у входа в квартиру. Машины премиум-класса, производимые в Российской Империи, несмотря на свои размеры, были абсолютно бесшумными.

Я бегом взлетел наверх, в свои комнаты, стянул с себя всё ещё мокрые шорты и, прыгая, натянул лёгкие летние брюки. Я не мог заставить князя Мартынова ждать, пока я оденусь надлежащим образом.

Я выскочил из подъезда, где, у большого белого лимузина, что-то вроде английского «Роллс-Ройса» стоял водитель моего деда в форменной ливрее. Этот пятидесятилетний малый был большим снобом, чем все аристократы, которых я знал.

Он неодобрительно посмотрел на мою полосатую майку, на мои голые руки, на неподходящие к остальному наряду летние брюки. По его лицу было видно, что, будь его воля, он бы не только меня не пустил в машину в таком виде, а, скорее всего, с большим удовольствием бы спустил на меня собак.

К счастью для меня, подобные решения он принимать был не уполномочен. Надувшись, он открыл передо мной дверь лимузина. Я сел внутрь. Там, спиной к водителю, на диване сидел князь Мартынов и какая-то красивая женщина лет двадцати пяти.

— Здравствуй, Матвей, — деду, конечно, тоже не понравилось то, как я выгляжу, но он сделал вид, что делает вид. — На нашу спутницу внимания не обращай, говори при ней свободно.

— Ваше Сиятельство, — поприветствовал я деда. Затем немного наклонил голову, поприветствовав девушку: — Боюсь, мне будет трудно игнорировать присутствие такой прекрасной дамы.

Я мог бы здороваться с собственным дедом и менее официально, но, зная то, как моя семья ко мне относится из-за моего недуга, я и сам предпочитал держать дистанцию.

Водитель сел в машину и куда-то поехал, видимо, проинструктированный князем заранее. Перегородка в салоне была поднята с тем, чтобы он не мог нас слышать.

— Ну, спрашивай, что там у тебя? — нетерпеливо сказал дед.

— Я спросил у Тараса, что будет, если он обрюхатит бабу из прислуги, у которой есть Яра, — начал я. — Я мало, что понял, но в переводе с тарасовского, получается, что таким слугам иметь связь строго запрещено, и что за такими слугами всегда приглядывают хозяева.

— Ну, и что тебе непонятно? — спросил дед, — Ты же всегда знал, что слуг, у кого есть Яр или Яра хозяева держат поближе, в качестве личной прислуги.

— Знал, — кивнул я, — но я не знал, что слугам, у которых есть сила, запрещается иметь связь из опасения, что у них будут дети.

— А ты как думал, Матвей? — поднял кустистые седые брови дед, — Представь, в родовом имении какого-нибудь дворянина появится мальчик, сын прислуги, у которого не только будет Яр, но и который будет знать, что у обоих его родителей есть сила.

— Представил, — кивнул я.

— Ничего ты не представил, — раздражённо бросил князь, — разве этот ребёнок сызмальства не будет задаваться вопросами, почему это он должен быть прислугой, если и у него, и у его родителей, есть сила. Разве, по его разумению, он не такой же дворянин, как и хозяйский сын?

Я задумался.

— Такого ребёнка ведь учить надо Яром или Ярой, если девочка, пользоваться, так?

Подрастёт, ему нужно будет экзамен на личное дворянство держать, так? — продолжал дед, — Ведь не дело же, если у человека потомственная сила, а он бельё хозяйское гладит?

— Так и пусть бы, — махнул рукой я, — пусть учится, да держит экзамен, глядишь, если польза от него русскому государству будет, так и потомственное дворянство император пожалует!

— Эх, ты, Матвей, — сокрушённо покачал головой князь Мартынов, — это мне, князю, не жалко мальчика выучить да до экзамена довести, и по службе потом подсобить немного. Я-то хоть сто таких выучить могу, да и тебя, бестолочь, содержу. А обычному дворянину, который и своим-то детям, особенно если их много, не всегда может лучших инструкторов нанять?

— А, — дошло, наконец до меня.

— Вот тебе и «А», — передразнил меня дед.

— Секундочку, — поднял руку я, — так, если ты хоть сто таких во взрослую жизнь вывести можешь, почему Тарас так волновался и говорил, что мужику с Яром иметь детей от бабы с Ярой запрещается?

— Потому, Матвей, что, по себе знаешь, женщине, любой, хоть барыне, хоть простой бабе, ей мужика с Яром подавай, — начал объяснять старый князь.

Я вспомнил равнодушно проходящих мимо меня девушек на пляже и кивнул.

— Если разрешить простолюдинкам заводить детей от партнёра с Яром, то, во-первых, бабы из прислуги все будут хотеть себе такого мужа, а если не мужа, то хотя бы такого отца для своего ребёнка. Будут от законных мужей налево ходить, чтобы забеременеть от того из прислуги, у кого Яр есть, — втолковывал князь Мартынов. — От этого среди народа начнётся беспорядок: измены, семейные драмы, убийства на почве ревности и прочее безобразия. Нам это в государстве зачем? Правильно, незачем.

— Идём дальше, — продолжил дед, — если они массово начнут рожать детей с силой, то у нас не будет возможности их обучать: слишком их будет много. А Яр — это сила такая, которую без должного воспитания человек может и во зло начать применять.

Я вспомнил сегодняшнего усача, который хотел меня ограбить. Кажется, он доприменялся своего Яра до того, что, как только он ослаб, ему отплатили ножом в сердце за его прошлые поступки.

— Будут развиваться разбойничьи банды, криминал, терроризм. И всё это с применением Яра, — сказал дед, — поэтому, мы, правящий слой, приняли решение: такие вещи, как размножение и союзы прислуги, когда у обоих их них есть сила, пресекать. Пока что.

— Пока что? — не понял я, — А потом что, после «пока что»?

— А это другая сторона медали, — кивнул дед, — если посмотреть на это с позитивной стороны, то допустим, если у старого дворянина нет наследника по мужской линии, то почему бы ему не найти бастарда, имеющего Яр, в своём поместье, да и не признать его своим родственником?

— Потому что, раз у него есть Яр, значит, кто-то из княжеского рода кувыркался на сеновале с прислугой? — уточнил я.

— Именно так. Сеновалы, конечно, сейчас редкость, но суть ты уловил, — подтвердил мой вывод старый князь. — Но у такого бастарда будет знатным только отец, к тому же, как правило, он уже является взрослым, а значит, прожил часть жизни слугой. Как потом настоящим дворянам, особенно графам и князьям, с ним как с равным разговаривать? Да и

воспитание у него будет совсем не то, что нужно дворянину.

Я начал догадываться, к чему клонит дед.

— А вот если такой бастард будет иметь потомство от матери с Ярой, да если ещё и из другого поместья, то тогда у него оба родителя будут с благородными предками, и ребёнка можно безболезненно признать наследником титула и соответствующе воспитать? — предположил я.

— Совершенно верно, — удовлетворённо кивнул князь Мартынов, — но, само собой, такие вещи делаются обдуманно, подконтрольно. А самодеятельность в этом вопросе мы прислуге запрещаем. Всё понятно?

— В целом, понятно, — сказал я, — но разве не получается, что мы мешаем простым людям иметь Яр и подниматься по социальной лестнице?

— О, как заговорил, — даже удивился дед, — какой радетель интересов простого люда нашёлся!

Он хлопнул себя по коленке, что у крайне сдержанного князя означало степень веселья просто запредельную.

— Ну, раз уж ты спросил, то Его Величество Государь Император уже несколько лет держит на особом контроле проект школ для детей простолюдинов, у которых есть Яр или Яра, — всё ещё улыбаясь, ответил развеселённый моим вопросом князь Мартынов, — более того, по расчётам наших академиков, через сорок лет более половины простолюдинов в какой-то степени будут иметь Яр или Яру. А через сто лет планируется, что все граждане Российской Империи будут иметь благородную кровь хотя бы частично.

— Это каким же образом? — скептически спросил я.

— Когда массовое обучение управлением Яром и Ярой будет налажено, мы снимем все запреты для простолюдинов. А бабы, как мы уже говорили, сразу побегут к тем, у кого есть Яр, — ответил дед, — значит, количество населения с силой будет только увеличиваться.

— А мужики, у кого Яра нет? — спросил я.

— Или, не мужики, а например, княжичи Матвеи Мартыновы, да? — нахмурился, вспомнив о моём пустом резервуаре, князь. — Во-первых, тут уж не мы, а Господь Бог и мать природа так распорядились, что бабу на Яр тянет. А во-вторых, есть проекты и на эту тему. Хорошо оплачиваемая служба за границей, например. Есть много стран, в которых Яра нет ни у кого, думаю, бабы там поговорчивее наших будут. Я и тебя подумывал куда-нибудь отослать, но решил, что лучшим выбором будет оставить тебя при дворе.

Быть внуком влиятельного человека не всегда просто. Тебя могут взять и отправить куда-нибудь, без твоего согласия. Как какую-нибудь посылку.

— Если я правильно понял, — сказал я. — То, через сто лет у всех будет Яр. В какой-то степени, конечно. Учитывая, что образование и Табель о рангах и так уже открывают всем гражданам Российской Империи огромные возможности, то, с появлением у каждого простолюдина Яра, грань между дворянами и обычными гражданами окончательно сотрётся?

— В принципе, можно сказать и так, — пожал плечами дед.

— Не будет ли это означать то, что дворяне перестанут быть дворянами? — спросил я. — По крайней мере, в глазах обывателей? Не случится ли так, как когда появились дешёвые ружья в странах, где у людей не было Яра: дворянин двадцать лет учится фехтовать и управлять лошадью, а торговец во время бунта его из мушкета убивает?

— Ты говоришь о том, что такой торговец будет считать себя ничем не хуже дворянина? — спросил князь.

— Да, — кивнул я. — Он будет думать так: «деньги у меня есть, образование какое-никакое тоже, есть и Яр, чем я хуже»?

— А тебе обязательно нужно, чтобы не-дворяне считали себя хуже нас? — спросил Юрий Мартынов.

Я задумался.

— Нет, по большому счёту мне всё равно, что они считают. Просто это плохо, когда у человека появляются иллюзии, когда торгаш начинает думать, что его образование равно образованию цесаревича и его знания о мире равны знаниям о мире Его Величества, — пожал плечами я. — На мой взгляд, это может привести к плохим последствиям.

— Согласен, но средний человек часто пребывает в самых разных иллюзиях, — ответил Юрий Мартынов. — Мы ничего не сможем с этим поделать.

— Если у всех будет Яр и грань между дворянами и не-дворянами сотрётся, мы все станем как будто бы простолюдинами, — задумчиво сказал я.

— Скорее напротив, — возразил дед. — Все станут дворянами. Просто кто-то станет дворянином без титула. Ведь у нас никто не заберёт Яр, совсем наоборот, мы поделимся Яром с людьми. Мы поднимем их до своего уровня. Вообще, сформированная, осознавшая себя нация, это и есть такой народ, где каждый является дворянином. Пусть не по титулу, но по уровню жизни и гражданских прав.

— Поднимая их, мы неизбежно немного спустимся сами, — ответил я. — Хотя бы в их глазах.

— Ну, ничего, потерпим, — ответил князь. И риторически вздохнул: — На что только не пойдёшь ради того, чтобы народ жил хорошо...

— Да ладно, — усмехнулся я. — Что-то такие заявления на тебя не похожи.

— Здесь не моя воля, а воля Его Величества всё решила. И потом, как ты сам сказал, у населения могут возникнуть иллюзии, что мы равны, но это именно что и будут лишь иллюзии, — сказал Юрий Мартынов. — Наша власть, наш уровень информированности с том, что по-настоящему происходит в политике и финансах, наше богатство, наши связи, — всё по-прежнему останется при нас. А на людях мы, аристократы, будем улыбаться в камеру и открывать благотворительные фонды.

— Кстати, а что случится с нетитулованным дворянством? — спросил я.

— А вот они постепенно и очень быстро сольются с основной массой русских, — ответил князь. — Либо все станут дворянами поголовно, либо это перестанет иметь какое-либо значение.

Тут до меня начало доходить.

— Погодите-ка, — протянул я, соображая. — Это же... это же получается...

Я расхохотался. Князь Мартынов и красивая дама смотрели на меня, чуть ли не хватаящегося за живот от смеха. Дама смотрела с нейтральной полуулыбкой. Дед смотрел спокойно, как всегда.

— Титулованное дворянство только укрепит свою элитарность! — воскликнул я, утирая слёзы, вызванные смехом. — Потому что сейчас между нами и обывателями существует прослойка дворян без титулов и до титула дворянина можно дослужиться лет за десять-двадцать...

— А до титула даже барона, не то, что графа или князя, дослужиться практически никак

нельзя, — закончил за меня старый князь. — Его можно только получить личным указом Его Величества.

— А значит, когда титул обычного дворянина перестанет иметь какое-либо значение, — продолжил я. — Титул барона, графа или князя, будет иметь на контрасте иметь значение ещё большее!

Я снова рассмеялся.

— Да, всё внимание общества по-прежнему будет приковано к нам, все будут хотеть ездить на таких же машинах, как у нас, покупать своим детям коляски, как у наших наследников, копировать наш стиль, — сказал князь. — И мы будем продавать им эти машины, коляски и стиль. И всё остальное.

Я выдохнул.

— Да уж, — сказал я. — И кто же это придумал?

— Это, Матвей, даже придумывать не надо, это очевиднейшая вещь, лежащая на поверхности, — ответил дед. — И всем хорошо: население нашей страны имеет Яр, то есть, имеет лучшее здоровье, живёт дольше, в случае войны становится гораздо более полезно, а мы делаем вид, что теперь наши титулы существуют только формально, а на самом деле даже увеличиваем наше влияние.

— Слушай, но сейчас княжич может жениться на простой дворянке, а если нетитулованные дворяне окончательно смешаются с простолюдинами, то, как же быть? — спросил я. — Не получится же женить княжичей только на графинях и княжнах, так и до вырождения недалеко.

— А так и быть, — ответил князь Мартынов. — Представь заголовки газет на прилавках и в Паутине: «молодой граф Гагарин женился на простой кассирше из бистро! История современной Золушки!».

— То есть, будут разрешены браки между дворянами и простолюдинами? — не поверил я.

— Мужчине можно будет жениться на простолюдинке, — поправил меня дед. — Тогда их потомок по мужской линии будет сохранять титул. Это будет своего рода династический союз между аристократами и обществом.

— Потому что если аристократы будут заключать браки только между собой, то простые граждане имеющие все общественные права, да ещё и Яр, могут задаться вопросами, зачем вообще нужны аристократы? — спросил я.

— Именно так, — кивнул дед.

— А если девушка-графиня или там, княжна, влюбится в простого учёного или писателя, или допустим даже уборщика, ей, получается, замуж нельзя будет? Ущемление прав женщин какое-то намечается.

— А тебя это так волнует? — прищурился Юрий Мартынов.

— Это будет волновать журналистов и всяких баламутов, которые будут искать, в чём бы нехорошем обвинить аристократию, — ответил я. — Ты же и сам это знаешь.

— Конечно, знаю, — кивнул князь. — Естественно, ребёнок от их союза никакого титула не унаследует. Но браки никто не запрещает и сейчас, не так ли?

— А титулы будут существовать просто как красивый фантик, — сказал я. — Точнее, так будут считать неаристократы. Мол, замуж-то девушке выйти можно, а то, что она потеряет титул, так и пусть, кому он нужен-то? Так?

— В точности так, — подтвердил князь Мартынов.

После этих слов мы погрузились в молчание. Я глубоко задумался над тем, что мне рассказал дед. Через пару минут он нарушил тишину обратившись к девушке, о присутствии которой я, погружённый в мысли, уже успел забыть, хотя она сидела всё это время напротив меня:

— Ну что? Чувствуешь что-нибудь?

— Нет, — покачала та головой, сочувствующе глядя на меня, — совсем ничего.

— Я попросил нашу прекрасную спутницу проверить, есть ли у тебя Яр, — объяснил мне дед, — у неё огромный резервуар Яры, что позволяет ей уникально чувствовать мужскую энергию.

— Которой, у вас, князь, очень много, — она посмотрела на него с восхищением.

— Благодарю вас, вы очень добры, — склонил голову старый князь.

— А зачем меня проверять? — спросил я.

То есть, сам-то я понимал, что у меня был Яр и что только то, что я снова его истратил, помогло мне сохранить мою тайну, но мне было интересно, почему вдруг у моего деда появились сомнения.

— Ну, вдруг ты какой-то нечеловеческой силой воли, которой, впрочем, у тебя никогда не наблюдалось, смог вытерпеть недавние испытания и скрыть наличие у тебя Яра, — ответил дед. — Мне же нужно знать всё о своих потенциальных наследниках.

Я молчал.

— К тому же, вчера тебя видели в ресторане с фрейлиной Амадуни, видимо, ей нравится твоя компания, — продолжил Юрий Мартынов. — Вот я и предположил, что у тебя есть Яр, который её притягивает,

— Ну, как видишь, мы просто друзья, — пожал плечами я.

— Хм, вероятно, — задумчиво ответил князь Мартынов. И спросил: — Я ответил на все твои вопросы?

— Да, Ваше Сиятельство, — сказал я.

— Тогда всего хорошего, — он указал глазами на дверь.

Машина остановилась, и я обнаружил, что мы снова находимся у двери в мою квартиру. Я потянулся к дверной ручке, но дед покачал головой. Это означало, что если я не дождусь, пока водитель выйдет и откроет передо мной дверь, то я окончательно опозорю весь род Мартыновых.

Выйдя из машины как положено, я, наконец, зашёл в квартиру. Последние дни я под вечер бывал совершенно вымотан, так как каждый новый день приносил что-то новенькое. И, самое, интересное, мне до сих пор удавалось держать в неведении о своих приключениях самого близкого ко мне человека, — Тараса.

Который уже встречал меня у дверей.

— Матвей Михайлович, я вам на ужин омара, фаршированного фунчозой приготовил, дак вы с князем кататься уехали... — начал Тарас.

— И? — у меня возникло сильное ощущение, что омар меня не дождался.

— ...ну так я его эт... сам... того. Употребил, в общем, — закончил Тарас. — Не пропадать же ему, а остывшего разогревать, так это издевательство над блюдом.

— Ну и что мне с тобой делать? — риторически произнёс я.

— Матвей Михайлович, так у меня тут в ванне ещё два плавают, я вам быстренько сейчас запекую, хотите? — чувствуя свою вину, Тарас стал очень предупредительным.

— Запекай, шут с тобой, — разрешил я и поднялся в свои комнаты.

В моём холодильнике ещё оставалась капикола. Я бросил её на тарелку и, открыв бутылку чёрного лимонада, уселся за компьютер. Нужно сказать, что, будучи пустышкой, я тем не менее имел опыт использования некоторого слабого подобия Яра. Я говорю, конечно же, о видеоиграх. Эта индустрия чрезвычайно развита в Российской империи, в наши игры играют по всей планете.

По понятным причинам, высшая аристократия, то есть, все, кто знатнее баронов, больше заняты государственными и светскими делами, наведением знакомств, образованием коалиций и так далее. К тому же, рассчитанные на простонародное большинство видеоигры так или иначе обыгрывают применение Яра, а высшая аристократия и без этого с самого детства по горло сыта тренировками по использованию своей силы.

А вот простые дворяне и люди безродные, то есть, не знатного рода, в свободное время играют настолько много, что индустрия видеоигр является одной из самых прибыльных в мире. Ну и, естественно, я, как пустышка, тоже играл.

Теперь же мне было с чем сравнить. Нужно сказать, что хотя и Яр в видеоиграх, конечно, слабо был похож на действительный, однако же этот опыт, думаю, всё же помог мне сориентироваться с тем, как управляться с настоящим Яром.

Включив компьютер марки «Харбин», сделанный, естественно, в русском городе с таким же названием, я начал смотреть какой-то сериал. Он рассказывал о каких-то разработчиках программного обеспечения, живущих в Алтайской Губернии. Жанр сериала определялся как комедия ситуаций или «ситком». В подобном жанре редко можно встретить что-нибудь по-настоящему смешное, но конкретно этот сериал был неплох.

Задумавшись о буднях программистов, я унёсся мыслями в неожиданном направлении. А что, если бы кто-то решил сделать видеоигру, такую же, как те, в которые играю я, но, чтобы в ней игровой мир продолжал свою жизнь и тогда, когда я покидаю игру?

Предположим, я создаю персонажа, а в другом доме, другой молодой человек или девушка (почему бы и нет?) создаёт своего, а в игровом мире мы, точнее наши аватары-персонажи, встречаемся так же, как встречались бы в игре по одной сети. Но только с той разницей, чтобы весь игровой сюжет был устроен таким образом, чтобы его можно или даже нужно было бы проходить как минимум вдвоём.

Я почесал затылок. Что-то в этой идее было. Допустим, я выхожу из игры, но сюжет продолжается и без меня. Другие игроки могут играть дальше, а я присоединюсь к ним, когда снова зайду в игру. Или сделать так, чтобы конкретно моё прохождение игровых заданий останавливалось одновременно с моим выходом и возобновлялось тогда, когда я возвращаюсь в игру. Чтобы другие игроки не зависели от моего прохождения сюжета.

В такой игре, вероятно, главным противником для игрока быстро бы стали другие игроки. Можно было бы продавать им игровые предметы, позволяющие одерживать преимущество, за реальные рубли. В этот момент, когда речь зашла о реальных прибылях игра из области фантазии стала превращаться в реальный проект, о перспективах которого следовало поразмыслить более конкретно.

«Так, это нужно запомнить» — сделал я пометку. Этого мне показалось мало и, через десять секунд, я схватил бумажку и написал на ней, чтобы не забыть:

«Игра со внешним сюжетом, который могут проходить разные игроки, как одновременно, так и отдельно друг от друга».

Мысли мои понеслись ещё дальше. Известно, что не все игроки любят уделять время тонкостям сюжета или предыстории персонажа. Для таких игроков можно было бы сделать

подобную же игру, можно прямо с теми же самыми персонажами, но с гораздо более быстрым развитием способностей персонажа, чтобы они могли зайти, поиграть полчаса-час против друг друга или командой против команды, не вникая ни в какие истории и выйти. Можно было бы сделать для таких игроков возможность играть разными персонажами, привязанными к одному аккаунту.

А что, если сделать две разных игры, одну такую и одну такую, и продавать их отдельно? Нужно будет поискать в Паутине информацию о разработчиках игр. Не удивлюсь, впрочем, если и у Мартыновых есть доля в подобной компании.

Правда была одна небольшая проблема. Жалование стюарда у меня символическое, я могу купить лучшую из «ладошек» или, скажем, недорогую машину, но игру на него не сделаешь. Нужно поговорить с дедом... Или найти кого-то ещё, кто захочет вложиться?

Краем глаза я увидел, что дверь открывается и, спиной вперёд входит Тарас. Он развернулся, и я увидел в его руках большой поднос, на котором стояло блюдо с разрезанным пополам омаром, в белой мякоти которого лежала свёрнутая гнездом фунчоза. Я выключил сериал, который всё это время шёл фоном.

— Готово, Матвей Михайлович, — довольно произнёс Тарас.

— Вижу, Тарас, спасибо, — кивнул я.

— Осторожно только, барин: горячо ещё, — предупредил дядька.

— Слушай, Тарас, — предложил я, — может, когда я поем, поиграем во что-нибудь вместе?

— Со всем нашим удовольствием, Матвей Михайлович, — охотно согласился Тарас.

Он быстро принёс соусы, закуски и напитки и оставил меня одного. Когда я поел, я крикнул ему, чтобы он приходил. Тарас быстро убрал со стола, пока я заходил в игру и настраивал многопользовательский режим, сидя за компьютерным столом. Затем, он снова сбегал вниз и принёс свой довольно мощный ноутбук, усевшись за стол, где я только что ужинал.

Провели за игрой мы часа четыре, комментируя сюжет и встреченных противников и союзников. Тарас играл со мной в видеоигры с самого моего детства и так же любил это развлечение, как я.

— Слушай, Тарас, — вдруг вспомнил я, — совсем забыл тебя предупредить.

— Слушаю, барин, — отозвался тот, настраивая в игре сложную систему для варки зелья.

— Если придёт девка, Лена Бенесова, прислуга соседская, и будет спрашивать про Матвея, который здесь работает, так её бранить не надо, — сказал я. И подумав, добавил: — Лупить, тем более.

— Хм, — озадачился Тарас, — а зачем вы барин, ей сказали, что здесь работаете?

— Захотелось так, — ответил я, показывая, что подробностей не будет, — она же не приходила?

— А как она выглядит? — спросил Тарас.

— Маленького роста, стройная, но сочная. Каштановые густые волосы. Большие глаза. Зелёные. Улыбка во весь рот, — припомнил я девушку, с которой провёл полночи в более чем близком общении.

— Была такая, — меланхолично ответил дядька.

— Как была?! — вскочил я. Провод от наушников натянулся и сгрёб со стола какую-то мелочёвку, типа ручек и карт памяти.

Увидев, что я встал, Тарас тоже поднялся, чтобы не сидеть в присутствии стоящего хозяина, и ответил:

— Да всё в порядке, Матвей Михайлович. Просто приходила эта девка, говорила что-то, что хозяйева послали узнать, как у нас проводка сделана в здании, чтобы они у себя так же сделали. Спрашивала, а сама через плечо мне заглядывала. Ну, я сразу понял, что она вынюхивает что-то.

— И что же ты сделал? — мне стало любопытно.

— Внутри её не пустил, вышел на улицу к ней, и стал на провода снаружи дома

показывать, да всякую ерунду с умным видом говорить: проводка там это, медный провод то, тройная фаза сё, отрицательная клемма. Половину сам не понимал, чего говорю, — рассмеялся дядька.

— А она что же? — спросил я, улыбаясь.

— Да ничего, сразу заскучала, сказала, что всё поняла, и что ей надо бежать.

Я засмеялся, Тарас подхватил мой смех.

— Молодец, Тарас, — похвалил я его, — ладно, подними там, что упало, да ступай к себе, наигрался я что-то.

— Матвей Михайлович, — робко произнёс Тарас.

— Ну? — спросил я.

— Так может эт, задание-то хотя бы это допройдём? — он указал на экран своего ноутбука.

— Ох, Тарас-Тарас, — вздохнул я, возвращаясь за компьютер, — ну, давай допройдём, куда деваться. Совсем ты не бережёшь барина.

— Матвей Михайлович, как вы такое говорить-то можете, — притворно обиделся Тарас.

Когда мы доиграли, Тарас отправился к себе. Я же решил проверить свой резервуар Яра. Он был пуст. Что ж, посмотрим, что будет наутро. Я отправился в ванную комнату, захватив с собой книгу. Есть у меня привычка читать, лёжа в ванне. Книгой этой был третий том полного собрания сочинений Аркадия Тимофеевича Аверченко, одного из самых остроумных писателей начала двадцатого века. Автором он был не слишком умным и эрудированным, зато весьма талантливый по части юмора.

По молодости Аверченко симпатизировал врагам русского государства, что выражалось в некоторых его ранних рассказах, где он смеялся над властью Государя и полицией, но в своём зрелом творчестве он от этих идей отказался. Прожив длинную жизнь, он умер пятнадцать лет назад в Праге, во время путешествия по Европе, в возрасте восьмидесяти девяти лет в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году. Его собрание сочинений насчитывало пятнадцать томов.

Читая в тот вечер рассказы Аркадия Тимофеевича, я не отказывал себе в удовольствии хохотать во весь голос над смешными моментами. Проведя таким образом в ванной часа полтора, я вылез и сразу завалился спать. Снов мне в этот раз не снилось.

Проснулся я довольно рано и первым делом проверил свой резервуар. Он был пуст и это, признаться, меня слегка удивило. Я, кажется, начал привыкать к тому, что Яр у меня пусть хуже, чем у других людей, но восстанавливается.

Немного опечаленный, я поднялся с кровати и сделал некоторое подобие зарядки, немного помахав руками и ногами. Лениво съел приготовленный Тарасом завтрак и только собрался устроиться поудобнее и посмотреть сериал, как ко мне в комнаты зашёл наследник князя Мартынова, мой кузен, Валерий Николаевич Мартынов, собственной персоной.

Валерий был старше меня на два года. Высокий и ладный, вида самого мужественного, он был прекрасной кандидатурой на наследование титула, так как отлично выглядел и в гражданском костюме, и в гвардейском мундире, а за его презентабельной внешностью скрывался живой интеллект.

— Здравствуй, Матвей, — поздоровался он.

— Здравствуй, кузен! Не подходи: ты с холода! — пошутил я, цитируя главного героя книги «Обломов».

— Там же плюс тридцать... — начал было Валерий, потом до него дошло: — А, ты про Обломова...

Он кисло улыбнулся. Что-то явно тяготило его обычно жизнерадостную натуру.

— А я к тебе, Матвей, вот по какому делу. Ты уж извини, что не позвонил, не написал: тут личный разговор нужен.

— Продолжай, — посерьёзnel я.

— У меня дуэль намечается. Прошу тебя быть моим секундантом, — вздохнул Валерий.

— Дуэль? С кем это? — удивился я. Валерий всегда был правильным и даже примерным молодым человеком. Представить его в образе бретёра, нарывающегося на поединок, было для меня затруднительно.

— Да с одним графом, Озёрский его фамилия, — пожал плечами Валерий.

— А кто же кого вызвал? — уточнил я.

— Он меня. Да вообще глупая история получилась. Меня фрейлины позвали поиграть с ними в теннис. Там пришли ещё разные молодые люди, которых они позвали, чтобы было веселее. Ну ты знаешь, как девушки делают, — сказал он.

— Вообще-то не знаю, меня-то фрейлины никогда никуда не звали «чтобы было веселее», — ответил я, — но это к делу не относится, прошу тебя продолжай.

— В общем, играли мы без применения Яра, поскольку с нами были девушки, то есть, для развлечения играли, не для соперничества, — вернулся к рассказу Валерий, — и вот настал мой черед играть с этим Озёрским.

— Ну так что же Озёрский?

— Я заметил, что легонечко так себе Яром помогает. Не на каждом ударе, а так, время от времени. Ну, мне это не понравилось, и я очень резко послал мяч, а он вместо того, чтобы его просто отбить ракеткой, решил траекторию Яром подкорректировать. Но граф просчитался, и мяч попал фрейлине по голове.

— Ужас какой, и как, цела? — поинтересовался я.

— Да цела-то, цела, но шишку получила. Я, естественно, сразу перед ней на колени

бухнулся, прощение вымаливать. Она про шишку тут же забыла, начала кокетничать: "Валерий, вы должны мне желание, а какое не скажу" и прочее, как девушки любят, — ответил Валерий, — на беду, эта фрейлина была его зазнобой, имел он на неё виды. Вот он и начал утверждать, что я это специально, потому что начал проигрывать, что он мне не простит такого поведения по отношению к даме...

— А ты что же?

— Я заявил, что сразу заметил, что он использует Яр, и потому послал подачу сильнее, зная, что с Яром он её отобьёт, а он даже с Яром не смог отбить. Слово за слово, он попытался дать мне пощёчину, я его щёлкнул по носу. И теперь у нас дуэль.

— Ну вы даёте! — покачал я головой.

— Тебе нужно увидеться с его секундантом, некто Петров. Вот его карточка, — он подал мне визитку.

«Василий Галактионович Петров» — сообщала карточка, далее шли номер телефона и адрес. Ни звания, ни чина на визитке не значилось.

— Нельзя ли как-то уладить дело? — спросил я, — Дуэль всё-таки, это не шутки, дело смертельное.

— Да в том-то и дело, что, кажется, никак нельзя, — грустно сказал Валерий, — ему надо перед своей дамой сердца рисоваться. И потом: я ведь прилюдно его обвинил в нечестной игре.

— Ну, про твои шансы спрашивать не буду, — сказал я.

— Ага, — вяло махнул рукой Валерий, — не хочу я его убивать, Матвей. Но дуэль без риска смерти — не дуэль. А всё-таки, жаль его.

Рождённый, как и любой дворянин, с небольшим резервуаром, Валерий упорными тренировками с лучшими учителями развил его до размеров почти таких же, какие у меня были от рождения. Но, само собой, в отличие от моего, его резервуар нормально и своевременно восстанавливался.

Ко врождённым способностям прибавились те, что были получены за время обучения, и теперь Валерий являлся большим специалистом по применению Яра. И зачем этот Озёрский затеял эту глупую дуэль? Недавно он, что ли, в Константинополь приехал или просто сам по себе сорвиголова, если нарываяется на поединок с Валерием Мартыновым?

— А класс резервуара какой у него, не знаешь? — спросил я.

— Малый, — ответил наследник титула князя Мартынова.

— Значит, будет пытаться уклониться от твоих атак, чтобы не тратить Яр на блокировку, и ждать момента, чтобы вложить весь свой Яр в один удар.

Валерий кивнул.

— Ну что ж, — поднялся я, — не буду откладывать мою неприятную обязанность.

Я подошёл к двери, ведущей на лестницу, и крикнул:

— Тарас, приготовь мой костюм серый, пожалуйста.

Через семь минут мы с Валерием выходили на жаркую улицу, где его ждал «ЗИЛ» с гербами и личным водителем. В отличие от меня, Валерий имел возможность ездить с гербами всегда, так как был наследником и гордостью Мартыновых.

— Я позвоню тебе, Валера, — сказал я, садясь в свою машину, производства того же завода, но классом ниже и без гербов.

В такую жару в костюме и туфлях было сплошное мучение, но, что поделаешь, дело серьёзное. Хорошо, хоть кондиционер спасает.

Дорога заняла у меня около часа. Наконец, навигатор голосом популярной общественной деятельницы светлейшей княгини Лович сообщил, что я на месте. Я вышел у небольшого дома, не бедного и не богатого, чуть лучше того, где жил я сам. Мой дом был староват и при этом аренда была великовата, но это компенсировалось близостью к Парящему дворцу, куда я ездил на свои смены в качестве стюарда. Звонок был выполнен в виде лвиной морды. Я нажал на нос.

Мгновение спустя дверь открылась, на пороге стоял древний абсолютно лысый старик в лакейской ливрее.

— Стюард Матвей Мартынов, — представился я.

Старичок долго смотрел на меня снизу вверх своими мутными глазами неопределяемого из-за возраста цвета. Его губы тряслись, он явно пытался что-то сказать.

— Ренат, это ко мне! — раздался голос из глубины дома, — пропусти господина.

Старый слуга, так ничего и не выговорив, посторонился, чтобы пропустить меня. За минуту, что я провёл на улице, мой костюм успел начать промокать от пота. Я с облегчением ступил в прохладный дом.

Навстречу мне вышел полноватый мужчина лет двадцати пяти.

— Здравствуйте, Матвей Михайлович, я ожидал вас, — он протянул мне руку, — Петров Василий Галактионович.

— Рад познакомиться с вами, — я слегка наклонил голову, — жаль, что повод у нас нерадостный.

Василий Галактионович вздохнул.

— Это точно, — произнёс он и указал рукой в дверной проём, — прошу, пройдёмте.

Мы оказались в его кабинете, где в большом количестве на трёх столах лежали разные бумаги, два ноутбука, куча съёмных накопителей памяти. Очевидно, Василий Галактионович много работал с данными при каком-нибудь ведомстве. Судя по достатку, чин у него коллежского советника. Не меньше, но едва ли и больше. Что ж, в двадцать пять лет это серьёзное достижение. Он жестом предложил мне сесть на кушетку, сам же расположился на стуле напротив.

— Матвей Михайлович, — начал Петров, — заранее прошу меня извинить за спешку: я очень занят, у меня много забот. Мне нужно привести дела в порядок, на случай, если после поединка начнётся судебное разбирательство и я буду отстранён от службы на какое-то время.

— А кстати, какой у вас чин? На вашей карточке чин отчего-то не указан, — поинтересовался я. — Как к вам обращаться? Ваше высокоблагородие?

— Да давайте уж без чинов, Матвей Михайлович, — вяло махнул рукой Василий Галактионович. — Если не возражаете.

Меня это удивило. Человек, который в его возрасте мог дослужиться до чина шестого класса, в коммерческой сфере получал бы на порядок, то есть в десять раз, больше денег, чем на государственной службе. А в чиновники же идут служить как раз для того, чтобы их уважали и обращались к ним строго согласно их классу и чину. Ну и на благо Российской империи, само собой. Ради этого блага имперская бюрократическая система ведёт строжайший отбор: в чиновники попадают только умнейшие и упорнейшие люди. И тщеславнейшие, конечно. А тут чиновник и вдруг желает общаться без чинов! Это что-то новенькое.

— Что вы предлагаете? — устало и мягко спросил Петров.

— Будь моя воля, я бы предложил их помирить, — я пожал плечами, — как вы на это смотрите?

— Я пытался образумить Грегори, в смысле, графа Озёрского, но он непреклонен, — невесело ответил Петров.

— Ну, тогда у нас нет выбора, — сделал вывод я, — для меня в новинку устраивать дуэли. Что там у нас по дуэльному кодексу?

— Дуэль проводится с применением смертельного оружия или Яра, — сказал Василий Петров.

Некоторое время мы провели, обсуждая то, как лучше устроить поединок.

— Хм, а что, если, действительно, купить им два дуэльных пистолета, да и пусть стрельнут по разу? — осенило меня, — Оружие смертельное, но вряд ли они с непривычки попадут, а если и попадут — носители Яра быстро выздоравливают. Шанс, что выстрел убьёт на месте, минимален.

— Идея хорошая, но надежды на это мало, — слабо улыбнулся Петров. — Впрочем, позвольте мне поговорить с графом, он сейчас ждёт у меня наверху.

Согласно дуэльным правилам, после того, как был произведён вызов на дуэль, между противниками прекращалось всяческое общение до встречи уже непосредственно на поединке. Все дальнейшие вопросы решались секундантами. Встреча одного из участников дуэли с секундантом противника также запрещалась.

Василий Галактионович поднялся наверх. Оставшись один, я потёр себе шею, пытаюсь сделать себе подобие массажа, чтобы немного снять напряжение. Я наклонил голову вниз, чтобы лучше массировалось, но процесс не принёс мне желаемого облегчения.

Разочарованный, я прекратил это бесполезное занятие. Подняв лицо, я обнаружил в дверях азиатского вида девушку. Она была достаточно высокой, стройной, с длинными ногами и волосами. Меня поразила её наряд: на ней было обтягивающее, почти прозрачное платье.

Я поднялся с кушетки и поздоровался:

— Доброе утро, сударыня, стюард Мартынов, Матвей Михайлович, к вашим услугам.

Девушка лениво посмотрела на меня и сказала что-то незнакомом мне языке. Не был он похож ни на китайский, ни на японский, о которых я имел поверхностное представление после моего проживания в этом регионе.

— Ни ши бу ши джон гуо рен? — решил я попытать счастья, спросив по-китайски не китаянка ли она.

Девушка хихикнула в кулачок и начала медленно приближаться к кушетке, возле которой я стоял. Я проследил за ней взглядом, не вполне понимая, как себя вести и чего от меня ждут.

Азиатка снова что-то сказала, указывая на меня и на кушетку. Я присел. Она подошла к дивану со стороны спинки и положила руки сзади мне на плечи.

В следующие мгновения я испытал, возможно, самые приятные ощущения в моей жизни. Девушка массировала мне плечи и шею, и делала это так, как этого со мной не делал никто, нигде и никогда.

— Ммм, — невольно застонал я от удовольствия.

Девушка довольно хихикнула и снова что-то сказала. Я пожал плечами. Вдруг массаж прекратился. Девушка подёрнула меня за пиджак, показывая, что его нужно снять. В эту минуту я бы исполнил всё, что она сказала, лишь бы она вернулась к массажу. Я встал и снял

пиджак.

Я уже собрался снова сесть на кушетку, но девушка подошла ко мне и начала развязывать галстук. Она была очень близко, я чувствовал, что от неё приятно и необычно пахнет какими-то маслами. Но, снять галстук, в чужом доме, когда пришёл обсуждать условия дуэли?..

— Ясмин! — послышался окрик. Девушка замерла и посмотрела в сторону двери. Там стоял Василий Галактионович.

Он строго что-то сказал ей на непонятном языке. Она лениво ответила ему. Он сказал что-то ещё более строгим голосом. Ясмин пожалла плечами и посмотрела на меня долгим взглядом, прошла мимо меня к двери, проведя ноготками по моей груди.

— Прошу прощения, Василий Галактионович, — начал я. — Я просто не понимал, что она хочет, а потом она подошла и взяла мой галстук...

— Всё в порядке, Матвей Михайлович, — устало махнул рукой Василий Петров. — Ясмин себе на уме, и всегда делает то, что хочет. Нужен глаз до глаз.

— Откуда она? — поинтересовался я. — Я пытался говорить с ней по-китайски, но, кажется, она не меня не поняла.

— Мы встретились на острове Пхукет, Таиланд, — ответил Василий Галактионович.

Какая-то мысль забрезжила в моей голове. Какой-то неоформленный вопрос, связанный с девушками и Таиландом...

— Однако, вернёмся к нашему делу, Матвей Михайлович, — не дал мне сообразить Василий Петров. — Граф желает смертельного поединка с использованием Яра.

Усилием воли я заставил себя забыть о её руках, массирующих мои плечи, и вернуться к решению насущных вопросов.

— Что ж, давайте же подумаем, как нам сделать так, чтобы граф его получил, но, при этом, смерть одного из соперников наступила только в самом неудачном случае?

— У Валерия Николаевича же резервуар относится к большим, как и у всех Мартыновых? — спросил Василий Петров.

— У всех, кроме меня, — хохотнул я.

— Ах да, прошу прощения, — смутился он.

— Ничего, забудьте, — ответил я. И выступил с предложением: — Я думаю, хорошим условием было бы такое: одна атака и одна защита для каждого? Это бы сильно усложнило для них возможность убить друг друга, но, в то же время, сохранило бы тот риск погибнуть в бою, который и делает дуэль дуэлью.

— Давайте рассудим. У графа Озёрского малый резервуар. Значит, он способен провести мощную атаку, не рискуя попасть под яровой шторм, — начал рассуждать Василий Галактионович, — Ваш кузен Валерий Николаевич такую атаку провести не сможет, так как у него резервуар большой, при атаке той же мощности, что и у графа, он рискует оказаться в яровой коме.

— Совершенно верно, — подтвердил я, — но, граф не сможет провести мощную атаку, так как она потратит весь его Яр, и ему нечем будет защититься. Поэтому он будет вынужден экономить Яр и атаковать в полсилы. В противном случае, Валерий может отбить даже мощную его атаку, а и затем добить его, беззащитного.

— А что же Валерий Николаевич? — спросил Василий Петров.

— Он, в свою очередь, может позволить себе очень много защит и малых атак, поэтому мы и ограничим их только одной защитой и одной атакой на каждого.

— Звучит разумно, — кивнул Василий Галактионович, — дуэль часов в пять утра, локацию вам ссылку отправлю?

— Нужно определиться с доктором, — сказал я.

— Доктора я беру на себя, не беспокойтесь, — ответил Василий Петров.

— Принято. Постарайтесь, пожалуйста, донести до графа Озёрского мысль, что ему же первому и не выгодно пытаться ударить всей мощью, — попросил я.

— Вы не знаете Грегори, — ответил тот, — довольно сложно что-то до него донести.

— Дуэльный кодекс, кстати, подразумевает двух секундантов с каждой стороны, а также руководителя дуэли и предусматривает ведение протокола, — сказал я.

— Я думаю, что лучше избегать излишней огласки и по одному секунданту с каждой стороны — более, чем достаточно, — ответил Василий Галактионович, — что же до протокола... Может быть, запишем видео, где они говорят, что на дуэль явились добровольно, с условиями согласны?

— Меня устраивает, — кивнул я.

— Меня тоже, — слабо улыбнулся Петров.

Ещё около получаса мы уточняли условия, которые озвучим нашим дуэлянтам.

— Что ж, разрешите откланяться, — я встал с кушетки, когда, кажется, уточнили все формальности.

— Я провожу вас, Матвей Михайлович, — поднялся и Василий Петров.

На пути к двери, я кое-что вспомнил:

— Василий Галактионович, подскажите, у кого вы дизайн визитки заказывали?

— А, да есть в городе один иудей, Артемий зовут, но я к нему обращаться не советую, — ответил Василий Галактионович, — оформление дурацкое какое-то получилось, а цену запросил как за приличное. Я уже новые заказал. В другом месте.

Выйдя за дверь, я бегом шмыгнул в прохладный салон моей машины. Василий Галактионович показался мне симпатичным человеком, которого вся эта история с дуэлью совсем не радует.

Вообще, выбор графом Озёрским в секунданты такого человека как Петров, многое говорил об его эгоизме и отношении к окружающим: очевидно, что Василий Галактионович — занятой чиновник. Очевидно также, что его участие в дуэли в качестве секунданта может поставить под угрозу его карьеру. Однако, как мы имели возможность убедиться, графа такие мелочи, как потеря другом хорошего места службы, совсем не беспокоили.

Я проверил свой резервуар: он оказался пуст.

— Чтобы тебе пусто было! — в сердцах выругался я и рассмеялся: ведь резервуар и был уже пуст, так что старое книжное ругательство оказалось неуместным.

Я достал свою «Нокиа» и позвонил кузену:

— Валерий, по поводу твоего дела: в пять утра завтра. Подробности на месте. Локацию сейчас перешлю.

— Понял тебя, спасибо, Матвей, — сказал кузен и отключился.

Всё, чего мне сейчас хотелось — спокойно провести свой выходной. Конечно, здорово было бы сейчас взять Лену Бенесову, и поехать в какое-нибудь укромное место на море, где можно купаться голыми.

Но, увы, Яра у меня нет, и этот факт её бы неприятно поразил. Думаю даже, поразил бы до такой степени, что она задалась бы вопросом, как вообще могла оказаться со мной в постели.

Значит, нужно радоваться тому, что имеешь, решил я. В этот самый момент я увидел какого-то грека, который катил тележку со своей выпечкой. Высунувшись из окна, я

подозвал его, и купил у него гиро, что-то вроде огромного бутерброда.

Подумав, я решил снять пиджак, чтобы не заляпать его соусом: в этом костюме мне ещё завтра париться на дуэли. Я вышел из машины, снял пиджак и повесил его на плечики над задним сиденьем автомобиля.

Снова вернулся за руль, и только собрался откусить кусок от гиро, как у меня зазвонил телефон. Выругавшись шёпотом, я, изогнувшись, полез в пиджак за «ладошкой».

— Алло! — почти крикнул я в трубку, даже не посмотрев на определившийся номер.

— Привет, Матвей! — раздался знакомый голос. — Это Лиза!

— Привет, — в принципе, было здорово, что она позвонила, но я хотел поесть, а чавкать во время разговора по телефону, да ещё и разговора с дамой, мне не позволяли манеры.

— Я соскучилась! — почти пропела Елизавета.

Отлично, это значит, что разговор быстро завершить не получится...

— По твоему запаху, по твоим губам, по твоим рукам на моём теле! — продолжала она.

Ну и что ей на это можно ответить?

— Я тоже соскучился, Лиза, рад тебя слышать, — сказал я, косясь на остывающий гиро. Поесть сейчас не получится, поэтому я принял волевое решение: пока Лиза что-то ворковала в трубку своим приятным голосом с хрипотцой, я завёл машину и поехал в сторону дома. Выежая на перекрёсток, я увидел бедняка, просящего подаяние.

Я остановился возле него, на несколько секунд заблокировав движение по своей полосе, и, открыв окно подал ему гиро. Всё равно бутерброд бы остыл, пока Лиза бы со мной наговорила.

— Спасибо, ваше благородие! — раскланялся он.

Позади меня начала скапливаться небольшая пробка, поэтому я не стал ему отвечать, а сразу поехал дальше.

Я говорил с Лизой большую часть дороги до дома по громкой связи, в основном односложно отвечая на её нежности. Кажется, ей этого хватало, она болтала о том, о сём: о своей глупой служанке, о том, что кот не пускает на постель собачку, о том, что родители спрашивают её, пора ли готовиться к свадьбе... ЧТО?!

— ЧТО?! — я резко ударил по тормозам. Сзади раздалась возмущённые гудки других автомобилей.

— Да, я шучу, — расхохоталась Елизавета Георгиевна, — проверила, слушаешь ли ты вообще.

— Ну и шутки у тебя, — вздохнул я. — Я чуть в аварию не попал!

— А что, — её голос резко изменился, — значит, я не слишком хороша для тебя?

Да уж, попался в ловушку.

— Лизонька, — как можно мягче сказал я, — я думаю, ещё рано об этом говорить. И вообще, за таких, как мы, подобные вещи решают старшие родственники.

— А если бы был твой выбор... — начала спрашивать она.

— Ой, прости, вторая линия, очень срочно! — воскликнул я и сбросил вызов самым невежливым способом.

Ну и дела. Несмотря на кондиционер, по моему лбу скатилась капля пота.

«Мы ещё поговорим об этом, Матвей» — пришла смс от фрейлины Аматуни.

До моего дома оставалось всего ничего. Я с наслаждением ехал по моему прекрасному городу, мимо красивых фигуристых девушек, уличных торговцев, городских, студентов, деловых мужчин и женщин в строгих костюмах. Мимо памятников великим людям и

задумчивых поэтов-кандидатов на будущие памятники. Мимо прекрасных скверов и фонтанов, прекрасных, построенных лучшими архитекторами зданий, словом, всего того, чем наш Константинополь завораживал и влюблял в себя любого, кто в него приезжал.

Моё настроение поднялось ещё больше, когда, на моё счастье, прямо по моей улице я увидел продавца гирос с такой же тележкой, как и возле дома Петрова. На этот раз я предусмотрительно перевёл «ладошку» в беззвучный режим, и, весело жуя бутерброд, зашёл в квартиру.

— Матвей Михайлович, — с порога укорил меня Тарас, — ну зачем вы эту ерунду покупаете? Сказали бы мне, я бы лучшие ингредиенты...

— Всё-всё, Тарас, — отмахнулся я, поднимаясь к себе — пиджак из машины заberi.

В своих комнатах я быстро выскочил из костюма и завалился на кровать, чтобы получить наконец заслуженный отдых. Я лениво листал новостную ленту на «ладошке», пока кое-что не привлекло моё внимание.

«Убийство Насима Фануччи, преступного авторитета района, расположенного между улицами Карла Пиратского и Ивана Айвазовского, привела к началу войны за влияние в районе» — сообщал новостной портал «Царьградскийглашатай. ри»

«Раньше всё на одном человеке держалось тут. Как он говорил, так и было. Лет двадцать назад он заявил о себе. Почти мальчишка, он в одиночку подмял под себя все мелкие группировки. После этого все платили ему. Никто не мог и близко к нему подойти без его дозволения: Яром он владел. Видать, и на него нашлась управа, раз его ножом попотчевали». — Заявлял анонимный комментарий местного жителя.

Я пробежал глазами текст статьи и наткнулся на предложение:

«Градоначальник Константинополя Александр Меньшиков ввёл полицейские отряды для поддержания порядка и заявил о том, что проведёт реконструкцию района после того, как покончит с криминалом».

Я закрыл статью. Что мне всегда нравилось, так это то, как наши имперские чиновники делают заявления: «Я введу отряды», «Я проведу реконструкцию». Человек берёт на себя ответственность за свои действия. Казалось бы, разве может быть иначе?

А вот может. Какое-то время своей жизни я посещал гимназию, так вот у нашего учителя географии была привычка: он постоянно говорил «уточняется, когда будут экзамены», вместо «я уточняю, когда будут экзамены», «дано распоряжение», вместо «директор дал распоряжение». Был он всеобщим посмешищем даже среди других учителей, и в итоге, по отношению к нему, как бы он сам сказал, «состоялось увольнение».

Ввод же элитных полицейских отрядов давно был необходим этому району, судя по тому нападению, что произошло там со мной. Думаю, там, в связи с перераспределением криминальных сил и вводом полиции, начнётся такая катавасия, что никто и не вспомнит о дворянине, который это всё затеял. То есть, обо мне.

Съездить, что ли, посмотреть, что там происходит? Я вдруг остро почувствовал, чем хочу заняться.

— Тарас! — крикнул я, — мой беговой костюм!

Беговым костюмом у меня называлось не то, что обычно люди подразумевают под подобным названием: велосипедки там какие-то или лосины. Беговым костюмом я называл легкие серые штаны из плотной ткани, такую же куртку и маску-балаклаву. Также к костюму прилагались наколенники и налокотники, и лёгкий кевларовый шлем.

Почему я называл такой наряд беговым костюмом? Потому что в нём я любил бегать по

крышам, прыгая с одной на другую, залезать на всякие городские возвышенности, одним словом, заниматься паркуром.

Лишённый Яра, я любил развлечения, связанные с держанием баланса, такие как сёрфинг или с быстрым и ловким преодолением препятствий, такие как паркур.

Вообще, паркур считался развлечением простолюдинов, так как требовал непрезентабельной беготни по крышам бедных районов, где дома стоят близко, а также периодического валяния в пыли после прыжков или падений. Занимающийся подобным досугом княжич выглядел бы несолидно, что могло бы послужить поводом для разных разговоров в обществе, поэтому я делал это в маске.

Как пустышка, я уже по определению был никчёмным и позорным явлением в нашем уважаемом роду, поэтому лично для меня не было чем-то постыдным увлечься простонародной забавой. К тому же, по факту, паркуром увлекались единицы, даже среди простого люда, так как он требовал большой ловкости и постоянного преодоления страха поскользнуться или сорваться с какой-нибудь стены или крыши.

Тарас был в курсе моего увлечения, ведь в поместье, где я вырос, не было густо стоящих крыш, которые бы образовали для меня трассу для паркура. Поэтому я, в возрасте лет тринадцати, целый месяц гонял Тараса и свору местных мальчишек из детей прислуги, которые строили для меня трассу в лесу.

Узнав об этом, отец распорядился, чтобы Тарас достал где-то оптом несколько грузовиков пластиковых бутылок, которые образовали под трассой что-то вроде подушки безопасности, которая не сгниёт под дождями и ветрами.

Он же распорядился, чтобы мне пошили костюм и изготовили наколенники, налокотники и шлем. Трасса представляла собой канаты, соединяющие сосны на большой высоте. Были там и мосты без перил, и места, где нужно было прыгать с дерева на дерево, надеясь только на свою цепкость.

Каждый раз, когда мы приезжали в большой город, я старался выделить время на то, чтобы куда-нибудь залезть или разведать новые места в плане того, где бы побегать. Делал я всё это, как раз надев то, что я называл «беговым костюмом». Ну и, само собой, маску.

— Куда собрались, Матвей Михайлович? — спросил Тарас, заглядывая ко мне.

— Поедем на Пиратского, — ответил я.

— Так там же спецоперация, — возразил дядька, судя по всему, тоже видевший новости.

— Нормально, — махнул я рукой, — веселее будет.

Тарас только запыхтел, но ничего не сказал. С одной стороны, я его понимал: случись что со мной, объясняться с моим отцом придётся ему, Тарасу. С другой, мне было скучно, за окном был прекрасный летний день, а я давно не упражнялся в паркуре.

Я быстро размялся, надел костюм, который принёс Тарас и спустился к «ЗИЛу».

— Ты — за руль, — бросил я дядьке, сам садясь на пассажирское сиденье спереди.

До самого района доехать не удалось, так как оцепление начиналось раньше. Околоточный надзиратель, скучавший у ограждения, выставил вперёд открытую ладонь, давая понять, что дальше проезда нет.

— Поезжай направо, — сказал я. В том направлении дорога шла в гору, на каком-то промежутке равняясь с крышами невысоких зданий за оцеплением.

— Останови здесь, — указал я.

Тарас прижал машину к обочине. Я засунул «ладошку» в специальный карман,

расположенный на груди, и застегнул крепление шлема.
— Я пошёл!

Я вышел из машины, потянулся и перелез через ограждение дороги. До крыши передо мной было метра два. Внизу находился какой-то узкий переулочек. Примерившись, я разбежался и прыгнул. Прыжок удался на славу: я удачно приземлился на крышу.

Крыша была довольно большой, и я побежал к тому её краю, который выходил на сторону района, где я вчера нарушил державшееся на покойном усаче криминальное равновесие, которое и вызвало сегодняшний полицейский рейд.

Приближаясь к краю, я увидел, что передо мной находится ещё одна крыша, ниже высотой на один метр, чем та, на которой находился. Ещё прыжок. Пока всё шло как по маслу. Следующим зданием, стоящим в нужном мне направлении, был жилой дом. Он уже находился на улице Пиратского, то есть, непосредственно в зоне работы полиции.

Этот дом был выше, чем крыша, на которой был я. Я разбежался и прыгнул, зацепившись за ограду балкона какой-то квартиры. На улице могла быть полиция, поэтому я быстро подтянулся и залез на балкон. Я оглянулся на крышу, которую только что покинул. Вернуться на неё едва ли было возможно, так как для прыжка такой длины нужен был разбег, которому со стороны балкона мешали перила. Встав на перила балкона, я подпрыгнул и зацепился за верхний балкон. Снова подтянулся и вскарабкался на этаж выше.

Таких упражнений я проделал три. Остановившись на третьем балконе, чтобы перевести дух, я высунулся через перила на улицу и посмотрел наверх. Крыша, до которой я собирался добраться, была ещё высоко. Я решил, что лучше попасть в подъезд и подняться до крыши по обычной лестнице. Паркур паркур, а жару никто не отменял.

Отдышавшись, я снова перелез через балконную ограду, но полез на этот раз уже не вверх, а в сторону, полагая, что, скорее рано, чем поздно, доберусь до окна, ведущего в подъезд. Возможно, там вообще не будет застеклённого окна: в Константинополе практиковалось и строительство таких домов, где, выходя из квартиры на лестницу в подъезд, ты оказывался как бы уже на улице, на свежем воздухе.

Мой расчёт оказался верным. Через минуты три, я, кряхтя, вскарабкался на высокий кирпичный подоконник и спрыгнул в подъезд. Я решил сэкономить силы и подняться на лифте: пробежка по лестнице на самый верх только утомила бы меня, не доставив никакого удовольствия от творческого преодоления препятствий, с помощью собственной ловкости. Того самого удовольствия, в котором и заключался смысл паркура.

Пока я ждал лифт, заходил в него и ехал на последний этаж, мне вспомнилось, что в Китае паркур называют «поу ку» — крутая беготня. Отличная формулировка, я считаю. Лифт звякнул и открыл двери. Я вышел на последнем этаже.

Тут и там валялись пустые банки и бутылки из-под алкоголя из тех, которые не принимали автоматы для стекла и пластика. Подростки, живущие в районе между улицами Пиратского и Айвазовского, судя по всему, считали ниже своего достоинства убирать за собой мусор, если автомат не вернёт им за это стоимость бутылки. стыдно. Ну, на то они маргиналы.

Я поднялся на самый верх, чтобы увидеть, что закрыт не только сам люк на крышу, нет. Вокруг него была наварена уродливая решётки из арматуры, калитка которой тоже была закрыта. Что же такое вытворяли на крыше местные жители, что пришлось наваривать решётку, чтобы не пустить их на крышу?

Задаваясь этим вопросом, я подошёл к подоконнику и взобрался на него. Я высунулся наружу и посмотрел вниз. Меня обдало небольшой волной адреналина. Довольно высоко. Я вытер руки об одежду и для верности повозил ладонями по подоконнику, покрытому кирпичной, да и простой пылью. Сделал я это для того, чтобы не скользили руки.

Дальше тянуть было некуда. Я вдохнул поглубже и полез на крышу, цепляясь за всё, за что можно зацепиться. В какой-то момент мои ноги повисли в воздухе. «Это конец!» — посетила меня паническая мысль. Если человек произошёл от обезьяны, то почему это, до сих пор якобы, если верить некоторым британским учёным, сидящее глубоко внутри нас животное, так боится высоты? От панической мысли я небрежно отмахнулся. Я вообще нахожу полезным отмахиваться от страхов и хотелок сидящего внутри нас животного, шепчущего нам о том, чтобы мы перестали контролировать себя и свои мысли. И без разницы, чей это шёпот: древней обезьяны или дьявола.

Я забрался на крышу и отполз подальше от края: хотелось расслабиться на минутку-другую. Я лежал, глядя в безоблачное голубое небо. Было очень тихо: думаю, что в ожидании полицейского рейда обитатели попрятались по домам или покинули район. Чуть отдохнув и успокоившись, я поднялся и посмотрел на район.

В паре мест я увидел висящих над улицами в воздухе полицейских офицеров, в остальном же район выглядел опустевшим. На одном из балконов, правда, я увидел пузатого старика в трусах. Он курил, равнодушно глядя вниз. Да уж, ему и полицейский рейд нипочём.

Я повернулся, чтобы посмотреть в другую сторону. К своему удивлению, я увидел сидящего под тентом бородатого толстяка в мешковатой одежде и кепке с прямым козырьком. Того самого, которого видел вчера, когда после пляжа заскочил перекусить в бистро, где он собирал из нескольких чизбургеров один.

Он сидел в раскладном кресле, одетый так же, как и вчера и, не обращая на меня ни малейшего внимания, что-то читал на «ладошке», уперев державшую гаджет руку в живот. Я оказался в немного затруднительном положении: следовало бы поздороваться с ним и представиться, раз уж мы вдвоём оказались на одной крыше, и он не проявляет преступных намерений. Но, будучи в маске, я не находил уместным сообщать своё имя.

Почувствовав мой взгляд, толстяк поднял на меня глаза. Смотрел он открытым взглядом, безо всякого страха и, честно говоря, безо всякого интереса.

— Добрый день, — сказал я.

— Здравствуйте, — ответил тот высоким звонким голосом. Он выглядел ничуть ни удивлённым тому, что с ним заговорил взявшийся ниоткуда человек в маске.

— Часто здесь бываете? — задал я светский вопрос, осознавая всю нелепость ситуации.

— Да, каждый день, — ответил толстяк.

— Я, к сожалению, не могу представиться, — сказал я. И показал пальцем на лицо, — как видите, я нахожусь здесь инкогнито.

— Ага, норм, — сказал толстяк.

— Понимаю, конечно, что и с моей стороны неуместно будет спрашивать ваше имя, коль скоро я не называю своё, — произнёс я.

— Меня Александр зовут, Саша, — быстро ответил бородач.

— Приятно с вами познакомиться, — кивнул я.

— Ага, — снова сказал Саша. — Хотите пива?

Он протянул руку куда-то за спинку своего раскладного стула, где, вероятно, находилась

сумка-холодильник или что-то вроде неё, и достал запотевшую банку пива «Харбин». Конечно, на такой жаре я бы с радостью выпил холодного пива, но даже малые дозы алкоголя могли пагубно сказаться на моей координации движений. Поэтому я почёл за благо отказаться.

— Нет, спасибо, — сказал я.

Саша пожал плечами, открыл банку и сделал глоток.

— Я сейчас слежу за выборами в Северной Америке, — поведал он. — Верите ли, всю ночь не спал.

Я издал вежливый смешок, решив, что он шутит. В самом деле, неужели кому-то могут быть интересны внутренние дела какой-то республики, когда всякий, у кого есть глаза, видит, что самые успешные страны — монархии? И именно они правят миром, а не разнообразные республики, коим нет числа. Будь то Республика Зимбабве, Республика Нигерия, Республика Бразилия или республика, называющая себя Соединёнными Штатами Америки.

Все мы на восьмой год обучения узнавали, что Североамериканские Соединённые Штаты вышли из-под управления Англии и не смогли сориентироваться, кого бы посадить на трон. Оттого им и пришлось объявлять республику.

Французские смутьяны, насмотревшись на американцев, стали строить республику у себя, устроив кровавую чехарду почти на сто лет. С уличными боями, массовым отрубанием голов, отставными проститутками-вязальщицами, сидящими в парламенте, и прочим непотребством. Да так разошлись, что революций у них было ни одна и ни две.

На трон, периодически объявляя монархию, также сажали то одну династию, то другую, то третью. Не забывая при этом воровать так, что в отставку уходило по паре правительств в год.

Понятное дело, что солидные монархии, смотря на это сумасшествие, сначала пугались, потом просто удивлялись, и наконец, через пару десятков лет, стали откровенно смеяться над самостоятельно лишившими себя королевского достоинства республиками. Разве Российская империя или Великобритания могут на равных разговаривать со странами, добровольно скатившими себя в состояние хаоса?

Сейчас-то уже ничего, привыкли. Конечно, уважения к ним никакого, но, опять же, никто и не обижает. А чего обижать? Всё понятно: в Париже голые танцовщицы в Мулен Руж, бордели, туда за плотским отдыхом и прочими примитивными наслаждениями. В Америке предприятия, бизнес, туда деньги вкладывать.

Однако же я никогда прежде не встречал такого человека, который бы всерьёз интересовался ярмарочными фокусами, с помощью которых в республиках разные, являющиеся марионетками монархий, проходимцы конкурируют друг с другом за власть. Конкурируют, кстати, тоже на деньги монархий же.

— Я, конечно, голосовал бы за Рейгана, — не заметив моей усмешки, продолжал Саша. — Если победит другой, я тогда не знаю, что будет со страной...

Названная фамилия мне что-то смутно напомнила. Я спросил Сашу:

— Позвольте, разве Рейган — это не фамилия какого-то старого актёра?

— Да, это буквально фамилия актёра, — кивнул тот. — А сейчас этот старый актёр баллотируется на второй срок в США.

От удивления я крякнул.

— Однако...

Идея о том, что кто-то уже однажды допустил управлять страной человека, который в самом прямом смысле был шутком, кривляющимся на телеэкране на потеху домохозяйкам, казалась мне нелепой сама по себе. Нелепой настолько, что я зашёл под Сашин тент, решив, что солнце напекло мне голову и я начинаю бредить. Но, что ведь ещё более поразительно: кто-то ему доверяет до такой степени, что позволяет баллотироваться и на второй срок. Цирк, да и только.

— А почему вы здесь сидите? — спросил я, чтобы переменить тему.

— Да просто как-то, — ответил своим высоким голосом Саша, пожимая плечами. — Я живу в этом доме, решил, что надо как-то воздухом подышать. Для здоровья, может, полезно будет...

— Так ведь полиция проводит рейд сегодня! — удивлённо рассмеялся я.

— А, ну да, я слышал, — ответил толстяк. — Ну и правильно делает, я считаю, у нас тут довольно серьёзная криминальная обстановка.

— Во время рейда разве не лучше дома закрыться или вообще уехать куда-нибудь? — поинтересовался я его мнением.

— Нууу, — протянул Саша, — лучше было бы уехать. Да я и хотел, но всё думал, сейчас ещё чуть-чуть посижу в Паутине и поеду. У нас дом за городом. Посёлок Кипарисный мыс, знаете?

Я отрицательно покачал головой.

— Нет? Ну неважно, — продолжил Саша, — Потом решил ещё чуть-чуть посидеть, а потом полиция оцепила район...

— А давно тут жить изволите? — спросил я.

— Нет, полтора месяца, — ответил он. — Меня маменька сюда жить выселила. Ты, говорит, взрослый, живи один. Это весь дом наш. Мы квартиры в нём сдаём.

Он указал на крышу под собой, подразумевая, что вот этот дом, на котором мы прямо сейчас и стоим.

— То есть, это ваш доходный дом? — спросил я.

— Ага, — сказал Саша и продолжил: — Жильё тут, конечно, бедное, но я лучше тут жить буду, чем, знаете, жениться на ком-то там, потом на службу ходить, время тратить. Зачем мне это всё.

— Да, понимаю, — кивнул я. — Действительно, зачем же, если не хочется, и есть возможность этого не делать.

— Да, именно так, — кивнул и Саша.

— Вы упомянули, что здесь обстановка повышенной криминальной активности, — сказал я. — Как же вы тут живёте? Каждый день, небось, Яром пользуетесь, чтобы шантрапу местную гонять?

— Нееет, — замахал руками Саша, — ни разу не пользовался!

— А как же вы тогда? — спросил я.

— Да никак, я тут только днём хожу, — пожал плечами бородач. — Да и Яром я плохо пользуюсь. На крышу вот могу взлететь только с балкона своего.

— Отчего же так получилось? — любопытствовал я.

— Да я не знаю даже, — задумчиво прищурился Саша и, забывшись, постучал себя кулаком по груди. Предполагаю, что это был его обычный жест, когда он о чём-то думал или что-то вспоминал. — Меня пытались учить в детстве, как всех, но ничего не получалось, я быстро уставал, а самостоятельно, без учителя, вообще не занимался. Вот так и вышло, что

резервуар у меня крохотный, да и им я едва владею.

— И вас отправили жить в такой опасный район? — удивился я.

— Да ну как опасный, — ответил толстяк. — Опасный да не опасный... Живу же вот. И потом, мама не понимает таких вещей. Она говорит, ну вот есть же полиция, если что, туда обратишься.

— Понятно, — кивнул я.

— У меня ещё автомат есть, автоматический карабин, точнее, — продолжил Саша.

— Вот как? — заинтересовался я.

— Ага, — сказал он. — Но я экстремально плохо стреляю, всё летит вкривь и вкось. Вообще, мне кажется, я бракованный купил. Ну, опять же, у меня и с луком такая же ситуация...

— У вас и лук есть? — удивился я.

— Да, и арбалет, и духовая трубка, и пневматическое винтовка, и обычное ружьё, охотничье такое, знаете... — грустно ответил бородач. — Но всё летит криво, ничего не работает нормально.

— Неужто всё так плохо? — не поверил я.

— Мда, — протянул он. — К сожалению, да. Верите ли, я и огнестрел купил, думая, что уж из него-то точно получится нормально стрелять. Мушку и целик сопоставил, и пуля сама летит в этом направлении... ну я так думал, по крайней мере...

— А оказалось иначе? — спросил я.

— Да, — ответил Саша. — Оказалось, что и из карабина пули у меня летят как попало. Сейчас вот жду оптику на него...

— Думаете, с оптикой что-то изменится, если до этого вы тоже надеялись, что станет лучше, но не становилось? — спросил я.

— Нууу, — снова протянул Саша, — это вопрос веры, понимаете? Я просто верю, что не может быть того, чтобы с оптикой не получилось стрелять нормально...

— Так вы ведь до этого верили и в арбалет, и в духовую трубку, и в обычное огнестрельное оружие без оптики?..

— Ну да, — охотно кивнул бородач, — я ещё и в разные луки верил, у меня и классический есть, и блочный, и прицел на блочный ставил...

— Так что же? — снова спросил я. — Всё равно верите в оптику?

— Да, — снова закивал толстяк. — Всё равно верю. Это вера сродни религиозной.

— А если с оптикой не получится, во что будете верить? — мне стало любопытно.

— Не знаю, — пожал плечами Саша. — Пока я верю в оптику, во что-то другое верить не получается.

Разговор с Сашей легко ставил в тупик неподготовленного собеседника. Его суждения и ответы казались чем-то вроде ленты Мёбиуса. Они закручивались сами в себя и ответных реакций собеседника не требовали.

— Что ж, приятно было с вами познакомиться, Александр, разрешите откланяться.

— Ага, до свидания, — ответил Саша, тут же снова уткнувшись в «ладошку». Наверное, чтобы снова следить за выборами в Америке. За всё время он так и не поинтересовался, что я делаю на крыше принадлежащего его семье дома, почему я в маске и что мне вообще от него надо.

Я немного походил по краям крыши, осматривая окрестности. Пришло время спуститься вниз и двигаться куда-то ещё. Я решил, что буду спускаться по балконам. Свесив

сначала ноги, а потом и всё остальное тело, повиснув на руках, я, немного раскачавшись спрыгнул на самый верхний балкон здания. Таким же образом я спустился ещё на этаж ниже. Потом ещё. А потом мои руки соскользнули, и я сорвался.

Как и в детстве, когда отец обвалил подо мной часть скалы, надеясь, что в страхе за свою жизнь, я активирую Яр, в падении я успел примириться со своей судьбой. Как и в тот раз, Яра у меня появилось. Спасла меня чистая случайность: на одном из балконов торчал флагшток под углом в сорок пять градусов. В падении я неслабо об него приложился, но всё же успел зацепиться руками.

Держась изо всех сил, я забрался на балкон и улегся там на пол, пытаюсь прийти в себя от выброса адреналина. Через минут пять, я, дрожа от страха, поднялся и посмотрел вниз. До улицы мне оставалось ещё четыре этажа. По своему опыту экстремальных занятий я знал, что ни в коем случае нельзя идти на поводу у страха. Поэтому я, наверняка бледный от ужаса, пересилил себя и продолжил спуск по балконам.

Когда мои ноги встали на твёрдую землю я с облегчением, и не буду врать, с гордостью, сделал несколько глубоких вдохов. Я любил такие моменты, когда ничего никому не нужно было доказывать, кроме себя самого. И балкону и улице и всем на свете было всё равно, струсит ли незнакомец в маске или продолжит спуск. Об этом выборе знал бы только Матвей Мартынов. И он выбрал перебороть страх и продолжить. Да, я был собой доволен.

Я разбежался, и оттолкнувшись рукой и ногой от стены, зацепился за какую-то большую и толстую трубу, идущую по внутренней части периметра здания напротив. Хорошо, что она была не горячей. Подтянувшись, я вскарабкался на неё. И, цепляясь за водосток, полез на крышу этого невысокого дома. Оказавшись на ней, я осмотрелся и, выбрав показавшийся мне интересным путь, разбежался и перепрыгнул на крышу следующего здания.

Именно в этот момент, дверь, ведущая из внутренней части дома на эту самую крышу, распахнулась, и я увидел городского в форме.

— Кто таков? — строго крикнул он. — Стоять!

Не думая ни секунды, я побежал обратно, молясь, чтобы разбега и сил хватило на то, чтобы допрыгнуть до прежней крыши. Получилось. Убежать от обычного городского не штука, в смысле, сложности не составляет, но он, увидев мою прыть, неизбежно обратится за помощью к офицеру, который быстро догонит меня по воздуху.

Поэтому я, не снижая скорости, пробежал через всю крышу и прыгнул на балкон дома, где совсем недавно разговаривал с толстяком Александром. Инерция прыжка оказалась даже больше чем нужно, и с балкона я залетел прямо в квартиру, так как двери были закрыты, но не заперты.

Выпутавшись из шторы, которую я сорвал при падении, я встретился со взглядами пяти пар очень внимательных глаз. Я понял: в этой квартире пытались отсидеться во время полицейского рейда местные бандиты. Прошла секунда, во время которой мы глазели друг на друга. В следующее мгновение бандиты одновременно вскочили и бросились ко мне.

Я юлой завертелся по квартире, бегая, прыгая, уворачиваясь и толкаясь, не давая им схватить меня. В подобные игры мы играли на моей трассе в лесу с местными мальчишками. С той лишь разницей, что те «мальчишки», которые ловили меня сейчас собирались угостить меня ножом под ребро, а то и чего похуже.

В какой-то момент один из них оказался спиной к балкону. Я не мог упустить такой шанс и ударил его ногой в грудь. Вскрикнув, он улетел через перила. Бандиты замерли, осознав этот факт, а затем утроили свои усилия. Вскоре им удалось взять меня в кольцо, и я

оказался на полу, получая весьма чувствительные удары ногами. Ох, как бы было бы здорово, если бы снова вернулся Яр. И он... не вернулся.

Во время моих игр на еловой трассе в лесу и я, и мои товарищи по играм, иной раз падали, обдирая кожу, ломая пальцы, рассекая брови. Люди, имеющие Яр регенерируют быстро: на сломанный палец нужны сутки, на руку — от четырёх дней до недели, в зависимости от сложности. Но ни я, ни мальчишки из прислуги, с которыми я играл, Яром не обладали, поэтому переломы лечились месяц, а на рассечённой коже оставались шрамы.

Это я к тому, что мне здорово попадало по лицу тогда, когда я лежал на полу, обрабатываемый ногами разъярённых гангстеров, а надеяться на быстрое восстановление мне не приходилось.

— Прекратить! Полиция! — раздался грозный зычный окрик.

Бандиты рванулись к двери, ведущей из квартиры в подъезд, и я, наконец, увидел обладателя голоса. Это был полицейский офицер, который висел в воздухе со стороны балкона.

Я сразу понял, что бандит, которого я ударом ноги выбросил с балкона, привлёк его внимание, шмякнувшись об асфальт, и полицейский поднялся в воздух, чтобы выяснить причины безобразия. С другой стороны, это мог быть и тот офицер, которого позвал городской, от которого я сбежал.

Как бы там ни было, бандиты выскочили в подъезд, и полицейский пролетел надо мной за ними вслед. Это была моя короткая возможность скрыться, так как у обычной — лишённой Яра — шпаны нет шансов удрать от высококлассного полицейского офицера.

Таких офицеров обучают специальным хитрым приёмчикам с Яром, чтобы быстро обездвигнуть преступников, не покалечив. Значит, времени у меня несколько секунд, пока он их не поймал и не вернулся ко мне.

Вскочив, стараясь не обращать внимания на боль во всём теле, я выбежал на балкон и посмотрел вниз. Там лежал бандит, которого я сбросил с балкона. До земли было добрых метров семь, поэтому о том, чтобы спрыгнуть, нечего было и думать. Справа от меня был другой балкон. Далековато.

Я выбежал в подъезд и, не рискуя спускаться по лестнице, вылез через подъездное окно на другую сторону дома, где и забрался через балкон в очередную квартиру. Она, на моё счастье, была пуста.

Моим изначальным планом было побегать по крышам и балконам, вживую наблюдая за суетой попавшего под полицейский рейд района, как наблюдают за разворошённым муравейником. Теперь же, когда мне намяли бока, резкие движения, столь необходимые в этом занятии, давались мне с большим трудом.

Я достал «Нокиа». Прекрасный безрамочный экран был разбит. К счастью, можно было принять или сбросить вызов кнопками громкости на корпусе, но для этого нужно было чтобы кто-то, а в данный момент мне нужен был Тарас, мне позвонил. Я убрал телефон обратно.

Зайдя в ванну, я снял маску и посмотрелся в зеркало. Да уж. Из зеркала на меня одним серым глазом смотрело лицо, покрытое синяками и ссадинами. Второй глаз, тоже серый, сейчас не был толком виден, так как стремительно заплывал.

Я прошёл к холодильнику и отковырял намёрзший изнутри лёд. Приложил к глазу и улёгся на диван. Нужно было решить, что делать. Жаль, конечно, что Яр не появился во время драки. Всегда можно было сказать полиции, кто я такой, но мне не хотелось, чтобы

фамилия Мартыновых всплывала в такого рода новостях. Да и перед дедом и отцом объясняться тоже не было никакого желания.

«Ладощка» зазвонила. Я достал её и быстро ответил, надеясь, что это Тарас, который сможет меня забрать.

— Алло?

— Матвей Михайлович, это вам Анастасия Владимировна Воронцова звонит, — пропел нежный девичий голос.

Юная графиня Воронцова, значит. До этого я с ней не разговаривал ни одного разу.

— Доброго дня вам, чем могу быть полезен? — ответил я, стараясь устроиться на диване так, чтобы было менее больно.

— Матвей Михайлович, скажите, это правда, что вы будете секундантом на дуэли вашего кузена Валери? — спросила она с придыханием.

— Впервые слышу об этом, Анастасия Владимировна. Наверное, мне забыли сообщить, — ответил я. Не хватало ещё, чтобы вести о дуэли разлетелись по всей молодёжи Константинополя. Так и до старших дойдёт.

— Ой, как некрасиво, Матвей Михайлович, обманывать девушку! — сказала графиня Воронцова, — вы поймите, я не из любопытства, я волнуюсь за Валери.

«Ах вот оно что. Я думаю, добрая половина юных девушек Константинополя, дворянок и простых девок, волнуется за прекрасного княжича Мартынова» — язвительно подумал я.

— Знаете, Анастасия Владимировна, я, конечно, мог бы с вами обсудить интересующий вас вопрос, но дело, сами понимаете, конфиденциальное, — я подпустил в голос таинственности. В трубке послышался её взволнованный вздох.

— Поэтому, — продолжил я, — попросите вашего слугу позвонить моему Тарасу, и сообщить, что мне нужно, чтобы он мне позвонил. Он поймёт. После этого я могу встретиться с вами где угодно, и поговорить на тему, которая вас так волнует.

— А отчего же вы сами не позвоните своему слуге? — поинтересовалась Анастасия Владимировна.

— У меня разбился телефон, — ответил я, — могу только принимать звонки.

— Ах, — воскликнула графиня, — это секунданты графа Озёрского? Они были с вами грубы?

«Господи, прости. Вся русская классическая литература, которую мы, а значит, и Анастасия Владимировна, проходим в обязательном порядке, строится на том, что нельзя быть восторженной романтизирующей дурой. Или дураком. И всё-таки, она и такие, как она, умудряются ими оставаться» — подумалось мне.

— Все подробности при встрече, — ответил я, — до свидания, Анастасия Владимировна.

— До свидания, Матвей Михайлович, — сказала она и отключилась.

Я снова подошёл к зеркалу и чуть не завыл от собственной глупости, когда встретил взглядом свою разукрашенную физиономию. Зачем же я назначил ей встречу? Она ведь всему городу растреплет, что Матвея Мартынова избили секунданты Озёрского. Чёрт знает, к чему это может привести.

Я схватил телефон, чтобы позвонить ей и отменить встречу. Увидев разбитый экран, о котором позабыл, я зарычал от безвыходности положения.

«Ладощка» снова зазвонила.

— Анастасия Владимировна? — выпалил я в трубку.

— Ни в коем случае, барин, — услышал я голос Тараса, — Тарас это.

— Слушай, Тарас, мало времени, — начал я инструктаж, — Если смотреть с места, где я вышел из машины, там будут две низкие крыши, а дальше жилой дом, этажей шести в высоту.

— Так, вижу, — подтвердил дядька.

— Мне нужно, чтобы ты меня оттуда забрал. Но в соседнем подъезде производят арест какой-то шайки, поэтому нужно сделать это быстро и незаметно, понял? — сказал я.

— Понял, — сказал дядька.

— Жду, — сказал я и отключился.

Я вышел на балкон и, не прошло и двух минут, как увидел Тараса, который бежал по крыше, с которой я так неудачно запрыгнул на балкон квартиры с преступниками.

Когда он приблизился, я прыгнул изо всех сил на крышу к Тарасу. Силы прыжка у меня ожидаемо не хватило, поэтому Тарас подхватил меня Яром и донёс до края крыши, где схватил меня уже руками.

— Матвей Михайлович, что это с вами? — запричитал Тарас, увидев моё лицо, — я им сейчас!

Он приготовился прыгнуть на балкон квартиры, видимо, чтобы поквитаться с теми, кто посмел так обойтись с его барином.

— Стой! — я схватил его за плечо, — их уже задержали. Плюс, я их подельника с балкона выкинул. Он внизу лежит с той стороны дома. Нам нужно вернуться к машине, как можно быстрее: тут летает офицер.

Тарас кивнул. Худо-бедно мы добежали до края крыши по направлению к машине. На следующую крышу Тарас подкинул меня Яром, как на батуте, а затем запрыгнул следом. Таким же образом мы спрыгнули с крыши на дорогу, у обочины которой стоял наш автомобиль.

Мы быстро погрузились в него и отправились домой. Там я сбросил костюм и отправился в душ. Когда я вышел, меня встретил Тарас, который начал обрабатывать мои ссадины и мазать бодягой мои синяки. За этими занятиями я совершенно забыл о том, что мне нужно отменить встречу с графиней Воронцовой. А зря.

Раздался звонок в дверь.

— Кто там ещё? — заворчал Тарас и пошёл вниз.

Через секунду у меня в гостиной из интеркома, — да, у нас был интерком, но в неофициальной обстановке мы предпочитали перекрикиваться, — раздался голос Тараса:

— Матвей Михайлович, графиня Воронцова.

— Проводи, Тарас, я приведу себя в порядок и выйду, — ответил я.

Я молниеносно прыгнул к своему гардеробу, находящемуся в спальне, и выхватил какой-то домашний костюм, расшитый жар-птицами. Когда я вышел, юная графиня уже сидела на стуле боком к столу, за которым я обычно обедал и за которым обычно играл на ноутбуке Тарас.

— Добрый вечер, Анастасия Владимировна, — поприветствовал я её. Ручку целовать я не только не стал, а даже и не ждал, что она её протянет. Я же пустышка. Так и вышло: она просто кивнула.

— Здравствуйте, Матвей Михайлович, — и, даже не поинтересовавшись, почему у меня всё лицо в синяках, ссадинах и бодяге, затараторила: — я очень беспокоюсь за Валери, скажите, это правда? Что его вызвал на дуэль граф Озёрский, якобы за то, что он попал

теннисным мячом в его спутницу?

— Послушайте, Анастасия Владимировна, я ничего не знаю, ни о какой дуэли, — постарался сказать я как можно убедительнее своими разбитыми губами.

— А кто тогда вас избил? — она наконец отметила мой потрёпанный вид, — ах, я знаю! Валери заступился за вас, и поэтому подстроил так, чтобы граф Озёрский вызвал его на дуэль!

Вот что с нормальной неглупой девушкой может сделать излишняя восторженность, вызванная чтением глупых романов и просмотром глупых фильмов о Большой Любви.

— Ну что вы такое говорите, графиня, — как можно мягче сказал я, — ну разве может быть такое, чтобы мой кузен что-то подстраивал. Подумайте, разве мог он специально так послать мяч, чтобы он угодил в даму?

Её глаза расширились от такого кощунственного предположения.

— Конечно же нет! — не будь я пустышкой, она бы хлопнула меня по руке. Увы, девушки трогают только тех, кто им нравится. — Как вы можете такое говорить, Валери никогда бы не причинил боль даме.

«Отлично, теперь я ещё и виноват».

— Так ведь это же вы можно сказать, такое утверждаете, когда говорите, что мой кузен Валерий подстроил ситуацию, чтобы получить вызов на какую-то дуэль, — ответил я.

— Я бы никогда! Никогда! Никогда бы такого не сказала, Матвей Михайлович! — вспыхнула графиня Воронцова.

— Ну так, значит, никто ничего не подстраивал, меня никто не избивал и никакого вызова на дуэль не было? — спросил я.

— Получается так... — протянула она, — да что вы меня путаете! Признавайтесь, откуда у вас синяки, почему ваш телефон разбит?!

— Я катался на скутере и не смог вписаться в поворот, резко затормозил и перелетел через руль, — ответил я.

— Это правда? — спросила она, — я по глазам могу увидеть, когда человек лжёт.

«Да сколько же можно это слушать».

— Я бы никогда не обманул такую прекрасную даму, как вы, — я выпучил глаза: пусть определяет лгу я или нет, сколько влезет.

Это её успокоило.

— Я вижу, что вы говорите правду, Матвей Михайлович, — кивнула она с важным видом.

— Ну вот и хорошо, — сказал я с облегчением, — чаю, может быть, или кофе?

— Какой кофе? — всплеснула руками Анастасия Владимировна, — когда два безумца готовы поубивать друг друга из-за глупой склоки! Ах, почему же меня не было с ними на этой злополучной игре в теннис?!

— А, собственно, почему? — поинтересовался я.

— Я примеряла костюм для тенниса и в последний момент, когда я узнала, что там будет Валери, я перестала себе в нём нравиться, — ответила молодая графиня.

Она бы никогда не была бы такой откровенной перед человеком, которого воспринимала бы как мужчину, но я, пустышка без Яра, другое дело. Стесняться меня для неё — то же самое, что стесняться домашнего попугайчика.

— И что же? — пригласил я её продолжить.

— Я поехала в центр, покупать себе новый теннисный костюм, немного задержалась, а

потом мне позвонила подруга и сказала, что игра закончилась, потому что этот гадкий граф Озёрский вызвал нашего Валери на дуэль, а вас, Матвей Михайлович, назвал своим секундантом.

— Анастасия Владимировна, — снова обратился я к ней, — если бы я был секундантом, то как секундант я не имел бы никакого права разглашать ни условия дуэли, ни сам факт её проведения.

Это заставило её задуматься.

— Если бы даже какая-нибудь подобная дуэль проводилась, зная ваш характер, я уверен, вы бы первой о ней узнали, — сказал я.

И, чтобы уже распрощаться с ней, я добавил:

— И, если бы даже какая-нибудь подобная дуэль проводилась, я даю вам моё слово, я бы сразу вам сообщил об этой дуэли и о её результатах.

Она встала.

— Я поняла вас, Матвей Михайлович, — произнесла она. — Вы правы, я всегда чувствую такие вещи... Это приходит само...

Удивительно, что смысл моих слов вообще пробивался через её затуманенный любовными сериалами мозг. Она, кажется, правильно поняла мой намёк о том, что я не расскажу ей прямо о том, что намечается дуэль, так как связан правилами, но обещаю рассказать ей о поединке, когда он закончится.

Впрочем, графиня всё же поняла меня как-то по-своему, раз заговорила о каком-то своём сверхъестественном чутье.

— Спасибо вам. Хорошего вам вечера, — начала прощаться она.

— Я провожу вас до двери, графиня, — я открыл перед ней дверь на лестницу, и, спустившись вперёд неё, предложил ей руку, чтобы сойти с последней ступеньки. Это была лишь дань этикету, так как я понимал, что моя рука ей не нужна. Другое дело, если бы ей предложил помочь мой кузен Валерий Мартынов. Она лишь из вежливости прикоснулась к моей руке, давая понять, что заметила мою галантность, но опираться на неё не стала.

Раскланявшись с ней, я закрыл дверь и покачал головой. Ну и денёк. Моя разбитая «Нокиа» снова зазвонила.

— Слушаю, — устало ответил я.

— Матвей Михайлович, здравствуйте, — услышал я мужской голос, — Василий Петров вас беспокоит.

— Добрый вечер, Василий Галактионович, — отозвался я, — чем могу быть полезен?

— Надеюсь, это всё какое-то глупое недоразумение, но до меня дошла информация, будто бы вы распространяете слухи, что вас избили граф Озёрский и его секундант, разбили ваш телефон, — произнёс Василий Петров.

Мне захотелось догнать Анастасию Владимировну и всыпать ей хороших розг по её весьма упругим на вид ягодицам несмотря на то, что она графиня. Надо поискать в Паутине, может быть есть какие-то законодательные нормы, позволяющие княжичам пороть графинь. Например, за ветер в голове и язык без костей. Очевидно, она успела растрепать о своих предположениях в период между нашим с ней телефонным разговором и личной встречей.

— Смею вас уверить, Василий Галактионович, что я, со своей стороны, никаких слухов не распространял, — начал объяснять я, — однако, со мной приключилась сегодня небольшая неприятность и вот какая: я упал со скутера и разбил лицо.

— Надеюсь, ничего серьёзного? — спросил Василий Галактионович.

— Нет, сущие пустяки, — ответил я, — до свадьбы заживёт. Должно быть, кто-то увидел меня в таком неприглядном состоянии и посчитал мой внешний вид достаточной причиной для таких глупых догадок.

— Не знаете ли вы, кто мог бы быть источником этих слухов? — любопытствовал

Василий Петров.

Я снова представил порку Анастасии Владимировны. И порку совсем не эротическую.

— К сожалению, нет, — сказал, однако, я, — видите ли, я сегодня виделся с несколькими девушками и, даже учитывая то, что я ничего никому из них о предстоящей дуэли не сообщал, кажется, моё молчание их только ещё больше убедило в том, что они себе напридумывали.

— Ох уж эти девушки, — посочувствовал мне секундант графа Озёрского, — что ж, не буду вас более отвлекать, хорошего вам вечера, Матвей Михайлович. Завтра в пять утра, в условленном месте.

— И вам хорошего вечера, — ответил я и закончил разговор.

Обессиленный я завалился на диван в своей гостиной. На полу лежала какая-то бумажка.

«Ужас какой-то, Тарас совсем что ли перестал убираться?» — сокрушённо подумал я, поднимая бумажку. Когда она оказалась в моих руках, на неё попал свет из окна, и я увидел, что на обратной стороне есть какой-то текст. Я перевернул бумажку и прочитал:

«Игра со внешним сюжетом, который могут проходить разные игроки, как одновременно, так и отдельно друг от друга».

Это была записка, которую я написал сам себе, чтобы не забыть свою идею об игре нового типа!

Я дотянулся до стола и взял телефон, чтобы позвонить отцу и спросить, нет ли у нас каких-нибудь активов, связанных с индустрией видеоигр. Естественно, я вспомнил о том, что экран моей «ладошки» разбит только тогда, когда мой взгляд упал на её покрытое густой сетью трещин стекло.

«Завтра же куплю новый!» — решил я.

В дверь засунул голову Тарас.

— Матвей Михайлович, ужин готовить? — спросил он.

— Закажи из ресторана что-нибудь, — махнул рукой я. — Дай мне свою ладошку, пожалуйста, если ты не против, моей сегодня конец пришёл.

Тарас молча разблокировал свой телефон и подал мне. Я зашёл в «контакты», чтобы найти номер отца. К моему сожалению, я ничего не понял: все контакты в телефонной книге Тараса выглядели так:

«А. В.

Б. М.

Б. С.

В. В.» и т. д.

— Тарас, — обратился я к нему, — мне нужен номер моего отца.

— А вы начните набирать цифры, Матвей Михайлович, — предложил дядька, — контакт-то и высветится.

— Для этого я должен помнить номер, не так ли, Тарас? — сказал я, бросив на него саркастичный взгляд.

— Ну, это да, — закивал Тарас — номер помнить нужно.

— А если я помню, номер, — продолжил я. — На чертá мне искать его в телефонной книге, м?

Тарас хлопнул глазами:

— Матвей Михайлович...

— Тарас, — медленно и внятно сказал я. — Последний раз спрашиваю: как у тебя записан мой отец?

— М. Ю., — выпалил Тарас. — Михаил Юрьевич, значит.

— Отлично, спасибо, — ответил я дядьке. Он ушёл к себе, вниз. Заказывать еду в ресторане и заниматься какими-то своими тарасовскими делами.

— Я вас слушаю, — услышал я в динамике голос отца.

— Привет, это Матвей, — сказал я. — У меня телефон не работает, взял позвонить у Тараса.

— Надеюсь, это не станет привычкой, — недовольно произнёс отец, — а то так, чего доброго, и сам Тарас звонить начнёт.

— Я хотел спросить, — сказал я, игнорируя его последнюю реплику, — есть ли у нас какие-то доли в компаниях-разработчиках видеоигр или программного обеспечения?

— Это надо не меня, а князя спрашивать, — ответил отец, — я его младший сын, который, к тому же, родил такого внука, как ты. Ты думаешь, кого он посвящает во все свои дела, меня или моего брата Николая, наследника титула, который родил Валерия, следующего наследника?

— Твой тон мне подсказывает, что посвящает он скорее дядю Николая, — ответил я.

— Правильно подсказывает, — ответил Михаил Мартынов.

— А всё-таки, — сказал я. — Если у меня есть хорошая деловая идея, которая потенциально может преумножить состояние рода, неужели, дед её проигнорирует?

— По моему опыту, — ответил отец, — хорошие деловые идеи не стоят ничего, если происходят от юнца, который никогда не занимался бизнесом, и которому нечего вложить в их развитие.

«Посоветовался с родителем, называется» — мрачно подумал я.

— Спасибо за то, что поделился жизненным опытом, — сказал я, — до свидания.

— Всего хорошего, — ответил Михаил Мартынов и прервал связь.

Конечно, я бы мог настоять на том, чтобы отец выслушал мою идею и, возможно даже, он бы помог мне её реализовать. Но после разговора в таком тоне, с таким ко мне отношением, я решил, что лучше сам доведу её до ума, хотя бы даже для того, чтобы утереть носы деду и отцу.

Я уселся за компьютер, и начал вбивать в поисковую строку разные запросы. Я совсем не знал, с чего начать и запрашивал всякую ерунду, но постепенно, переходя со вкладки на вкладку, со ссылки на ссылку, я начал находить контакты разных компаний, издателей и разработчиков, работающих в сфере цифровых технологий. Я долго сидел, сохраняя в заметки разные имена, электронные адреса, номера телефонов и прочие контакты, пока не решил передохнуть.

Хотелось спокойно полежать. Я опустился на диван. Сейчас пять минуточек и продолжу.

Проснулся я в три часа ночи. Когда я вчера уснул на диване, Тарас, очевидно, не стал меня будить ужинать и оставил еду на столе, на всякий случай. Я почувствовал звериный голод и еле сдержал себя, чтобы не наброситься на холодную еду. Вместо этого я засунул её в микроволновку и позвонил кузену.

— Слушаю тебя, Матвей, — сразу ответил он.

— Поедем на моей, заеду за тобой через час, — сказал я ему.

— Жду, — он завершил вызов.

Я достал еду из микроволновки. «Нокиа» зазвонила.

— Слушаю, — ответил я.

— Матвей Михайлович, это Василий Петров. Звоню поинтересоваться, всё ли в силе, — Василий Галактионович был как всегда мягок и вежлив.

— Подтверждаю, Василий Галактионович, — сказал я.

— Отлично, тогда до встречи, — сказал Василий Петров.

— До встречи, — повторил я его слова.

Еда, как обычно в микроволновках, была обжигающе горячей в одних местах и ледяной в других, но времени греть заново, а потом остужать, у меня уже не было. Наскоро перекусив, я почистил зубы, умылся, надел вчерашний костюм, в котором ездил к Петрову договариваться о дуэли, и выскочил на задний двор.

Ещё длилась чудесная южная ночь, но вдали я увидел чуть заметную оранжевую полоску рассвета. Я сел в «ЗИЛ» и поехал забирать Валерия. Он жил в центре города в роскошной квартире, занимавшей целый этаж. Когда я подъехал, он уже ждал меня.

Одет он был в прекрасный белый костюм, но не обычный с пиджаком и брюками, а больше похожий на парадный мундир. Конечно, рисковать, надевая форму своего полка на дуэль, Валерий Мартынов бы не стал, так что нарядился в штатское, но с военными мотивами.

— Привет, кузен, — поздоровался я, — выспался?

— Привет, да не особо, — кисло улыбнулся Валерий, — что у тебя с лицом?

— На скутере вчера неудачно покатался, — ответил я. — Как настроение-то?

— Не хочется мне этого всего, — вздохнул Валерий.

— Понимаю, — ответил я, — ну дворянская честь, она ведь как броня, не так ли?

— Не понял, — ответил Валерий.

Я отъехал от его дома. Я не мог воспользоваться навигатором своей «ладошки» из-за разбитого экрана, но мне удалось включить блютуз и передать локацию проведения дуэли на сенсорный дисплей в панели моего автомобиля.

— Ну смотри, — начал я, — ой, погоди.

Я остановился, потому что увидел киоск со свежим кофе. Я посигналил продавцу, тот подбежал к открытому окну моей машины.

— Капучино, — сказал я продавцу, и обратился к Валерию: — а тебе?

— Ничего мне не надо, — покачал головой тот, — так что ты про броню говорил?

— Броню-броню, — начал вспоминать я. — Ах, да! Вот смотри, ты идёшь на дуэль, потому что у тебя есть честь. Дуэль и называется «поединок чести». Так?

— Так, — кивнул кузен.

— Если чести нет, то и защищать нечего. Ты же мог сказать графу Озёрскому: «не желаю рисковать жизнью, даже если меня потом все трусом назовут». Мог?

— Нет, конечно! — воскликнул Валерий.

— Это потому, что для тебя потеря чести страшнее смерти. За честь дворянин готов и умереть, и убить. А значит, дворяне должны с уважением общаться друг с другом, — кивнул я. И продолжил:

— И каждый, в том числе и мы с тобой, дворянин, хорошо подумает, прежде чем говорить грубое слово или распространять клевету о другом дворянине. Ведь за это можно заплатить жизнью. А низшего по происхождению за грубость можно и на месте убить.

Продавец принёс мой кофе. Я сунул ему купюру, и поехал, не дожидаясь сдачи.

— Никогда об этом не думал в этом смысле, — озадачился кузен. — Смотри, но ведь какой-нибудь человек, может быть только по происхождению дворянином, и быть в жизни только хорошим дуэлянтом, а в остальном полным подлецом. Тогда он может оскорблять кого хочет и когда захочет, и просто убивать всех на дуэлях?

— Такой риск есть, — согласился я, — но люди ведь тоже не дураки, кто с таким человеком будет дела иметь, водить дружбу? К тому же, сам знаешь, дуэли строятся таким образом, чтобы шансы были примерно равными, даже у разных противников.

Валерий задумался.

Я добавил:

— В этом и смысл дворянской чести: быть готовым выйти на смертельный поединок не только в такой ситуации, в которой имеешь преимущество или равные шансы, а в любой. В любой. Даже, когда смерть неизбежна.

— А если высший оскорбит? Из Их Высочеств кто-нибудь или само Их Величество? — спросил кузен.

— Даже Их Величество хорошенько подумает, прежде чем самого мелкого дворянина оскорблять, — ответил я, — вот представь, не нашего Государя Императора, конечно, а так, абстрактного какого-нибудь.

— Ну, представил, — сказал Валерий.

— Вот сидит этот наш воображаемый император во дворце в плохом настроении, и под руку ему попадает какой-нибудь камер-юнкер, княжич. И говорит ему император: такой-то ты, сякой-то, бестолковый, и плюёт ему в лицо.

Валерий вздрогнул.

— А, — хохотнул я, — вижу, что представил. А дальше, знаешь, что будет?

— Что? — спросил кузен.

— Ну ты бы что сделал? — спросил я, — стерпел бы такое?

— Нет, — растерянно ответил Валерий.

— А что, неужели бы императора на дуэль бы вызвал? — продолжил я.

— Нет, это невозможно, чтобы императора и на дуэль, — протянул кузен.

— Так как бы ты поступил? — настаивал я.

— Застрелился бы, — твёрдо ответил княжич Валерий Мартынов.

— Именно. Поэтому честь — она и есть броня. Только броня социальная. Вот император, точнее тогда ещё не император, а цесаревич, Александр Третий обругал Карла Гунниуса...

— Это из которых Гунниусов, лифляндских? — уточнил Валерий.

— Да, который винтовку Бердана из США привёз и здесь модификацию разработал, — кивнул я и напомнил: — у деда в поместье была такая, да и сейчас есть, наверное.

— Берданка, да-да! — воскликнул кузен. — Ты ещё расстраивался, с затвором у тебя не получалось что-то. Ну так что с этим Гунниусом?

— Обругал его цесаревич, тот вышел и прислал ему письмо. Либо цесаревич Александр извинится, либо Карл застрелится, — продолжил я рассказ.

— И что же Его Высочество?

— Отказался просить прощения, — ответил я.

— А Гунниус?

— Застрелился, — коротко ответил я.

Валерий помолчал, затем спросил:

— А цесаревич?

— Их Величество Александр Второй очень разгневались на сына и велели цесаревичу идти за гробом Карла до самой могилы. Этот случай сильно повлиял на поведение будущего императора. Он же фактически узаконил дуэли в своё правление.

Валерий внимательно слушал.

— Если монарх не уважает аристократию, у неё появляются вопросы. Отчего это вы, мол, царь-батюшка, себе такое отношение позволяете? — продолжил я, — Или вы, царь-батюшка, забыли, что случилось, когда Пётр Третий аристократов перестал устраивать. Или Павел Первый? Или сколько в Англии королей аристократия на тот свет отправила за неуважение её прав?

Я бросил взгляд на Валерия. Он, нахмурившись, слушал. Идеи конфликта князей и императора не нравились ему даже гипотетически. Я продолжил:

— Князей с большими резервуарами Яра — много, сам знаешь. У иных больше, чем у самого Его Величества. Императора императором делает не сила, не Яр, а поддержка аристократии. А аристократию аристократией делает не богатство, а честь. Готовность за неё убить и готовность за неё умереть. Это объединяет и тебя, внука князя Мартынова, и внука самого Его Императорского величества, и сына какого-нибудь средненького статского советника. Согласен?

Кузен медленно кивнул.

— Поэтому сам Император десять раз подумает, прежде чем нас трогать, — сказал я. — Дворяне поддерживают Государя, Их Величество поддерживает дворян — в обществе баланс и равновесие. А это значит, что есть и время, и ресурсы спокойно работать на благо нашей любимой Российской Империи.

— Никогда об этом не думал, — снова сказал Валерий.

— Потому что для тебя это естественно, как дышать, — рассмеялся я, — а я, пустышка, в отличие от тебя в свете бывал редко, зато много размышлял над тем, что будет, если меня кто-нибудь вызовет на дуэль. И что мне на дуэли без Яра делать. И почему на дуэль всё-таки нужно будет явиться.

— Кстати, о моей дуэли, — сказал Валерий, — сколько ещё ехать?

— Да мы уже приехали, собственно, — сказал я, — но время у нас ещё есть, и я сделал небольшой кружок, чтобы до конца высказать мысль.

— Ну ты даёшь, Матвей! — покачал головой кузен.

Я свернул с трассы на небольшую просёлочную дорогу. Проехав минут пять вдоль зарослей каких-то кустов, мы выехали на большую земляную площадку на краю скалы. Я

остановил машину. Вдали стояли белый внедорожник, на котором, видимо, приехал доктор и легковой «РуссоБалт» Петрова.

— Посиди здесь, — сказал я Валерию и вышел. Увидев это, Петров вышел из своего автомобиля мне навстречу.

— Доброго утра! — поздоровался я.

— И вам доброго утра, Матвей Михайлович, — откликнулся Василий Галактионович, — сочувствую вам по поводу вашего вчерашнего неудачного катания.

Это он мою разбитую физиономию заметил.

— Благодарю покорно, — ответил я, — однако, Василий Галактионович, как бы нам обоим не пришлось сочувствовать чему-нибудь более серьёзному здесь и сейчас.

— Да, вы правы, Грегори настроен весьма решительно — покачал головой Василий Петров. — Что ж, доктор готов, граф Озёрский тоже.

— Валерий Николаевич будет рад поскорее покончить с этим, — сказал я.

— Тогда начинаем, — кивнул Василий Петров и отправился к своей машине. Отходя, он тихо произнёс: — Надеюсь, они просто истратят разрешённое количество приёмов, и дуэль прекратится сама собой.

Я вернулся к Валерию:

— Выходи и иди рядом со мной. Мы объясним правила дуэли.

Тот молча кивнул и открыл дверь машины. Мы медленно двинулись в сторону Петрова и графа Озёрского, которого я сейчас увидел впервые.

Почему-то я ожидал увидеть невысокого, щуплого и лысоватого, несмотря на молодой возраст, брюнета с большими чёрными глазами. Чёрт его знает, откуда взялся у меня в голове этот образ, но представлял себе графа Озёрского я именно так.

На деле же граф Озёрский оказался крепким и стройным молодым человеком, ростом с моего кузена Валерия. У него была белая кожа, упрямая челюсть, большие зелёные глаза и ярко рыжие, просто пламенные волосы, по бокам и сзади выбритые машинкой, но образующие пышную развевающуюся шевелюру наверху. Да уж, по части популярности у дам граф мог легко соперничать даже с моим кузеном.

Мы приблизились друг к другу. Валерий смотрел на графа равнодушно. Во взгляде Озёрского горела ярость.

— Валерий Николаевич, позвольте ваш телефон, — я протянул руку. Валерий похлопал себя по карманам и вытащил свою «ладошку».

Достал свой телефон и Василий Петров.

— Сейчас мы запишем видео, где вы говорите, что на дуэль явились добровольно, и с условиями согласны, — объяснил я.

Я и Василий Галактионович встали так, чтобы и у него, и у меня, в кадр попадали оба соперника.

— Господа, объявляю правила дуэли. Дуэль ведётся с применением Яра, — начал я. — Дозволяется использовать не более одной техники для атаки и не более одной техники для защиты. Под техникой для защиты понимается любая блокирующая техника.

Я подумал и продолжил:

— Уклоны телом не считаются техникой для защиты. Ограничений на смертельные приёмы нет. Дуэль оканчивается со смертью одного из соперников, либо тогда, когда оба соперника используют доступный лимит техник.

— Во время дуэли дозволено подниматься в воздух не более чем на десять метров, данную площадку покидать запрещено. Дуэль проходит под присмотром любезного доктора

Чешского, — Петров показал в сторону белого внедорожника, из которого вышел полный господин с небольшой бородкой и в пенсне.

Соперники кивнули.

— Валерий Николаевич, — сказал я, — с условиями дуэли ознакомлены, условия принимаете, явились добровольно?

— Ознакомлен, принимаю, явился добровольно, — ответил Валерий Мартынов.

— Григорий Сергеевич, — обратился Петров к графу Озёрскому, — явились добровольно? С условиями дуэли ознакомлены, условия принимаете?

— Добровольно, принимаю, ознакомлен, — голос графа звенел от злобы, — давайте начинать.

Мы выключили запись.

— Встаньте подальше, ещё подальше, вот так, — примерил расстояние Василий Петров, — расстояние между соперниками соблюдено честно, Матвей Михайлович?

— Да, — сказал я.

— Желаете подать команду для начала? — спросил Петров.

— Почему бы и нет, — я пожал плечами, — господа, когда я скажу «начинайте», вы вольны использовать одну технику для нападения и одну технику для защиты.

— Начинайте! — крикнул я.

Мой кузен Валерий отлетел на пару метров назад и завис над землей на высоте не более полутора метров. Яра у него было много, и он мог позволить себе расходовать его на полёт.

Граф, в свою очередь, имея малый резервуар, конечно, хотел бы обрушить весь объём своего Яра на княжича, но, не хотел рисковать тем, что удар потратиться впустую, попав в щит Валерия.

На это мы с Василием Петровым и рассчитывали. Что оба противника не смогут применить смертельные техники, рискуя промахнуться или попасть в щит и потому будут вынуждены использовать по одной относительно слабой атаке, чтобы сохранить Яр для блокирования атаки противника.

Но мы недооценили буйный нрав графа Озёрского. Как и любой дворянин с малым резервуаром, он был обучен разным техникам уклонения и быстрого сближения с противником. Техники эти были комбинацией физической тренировки тела и тренировки Яра.

В обычных условиях это было нужно, чтобы уклоняться от атак противников с большими резервуарами, выжидая удачного момента для нанесения одного смертельного удара, тратя на него весь свой запас Яра. Как я уже говорил, носители малых резервуаров могли использовать больше энергии за раз без риска попасть под яровой шторм. Это достигалось тренировками.

Носители же больших резервуаров все свои силы тратили на то, чтобы научиться использовать как можно больше разнообразных атак и защит. Но сопротивление яровому шторму у таких бойцов было гораздо ниже. Такова природа больших резервуаров.

Граф Озёрский сорвался вперёд, и, используя Яр, как небольшие пружинки под ногами, побежал к Валерию, желая спровоцировать его на атаку, от которой Григорий Озёрский, скорее всего, легко бы увернулся. Валерий, однако, спустился на землю и спокойно встретил графа. Он просто, безо всякого Яра, нанёс ему удар, целясь в лицо.

Я переглянулся с Василием Галактионовичем. Обдумывая дуэль, мы были так обеспокоены тем, чтобы Валерий и Озёрский не поубивали друг друга Яром, что не

установили никаких ограничений на рукопашный бой.

Граф, обладая прекрасной реакцией, увернулся, нырнув под руку Валерию и сформировав из Яра едва видимый, но, наверняка, экстремальной прочности клинок, ударил кузена под руку слева, целясь в сердце.

Валерий, тем не менее, успел выставить щит, но, даже зная, что Озёрский будет бить всей своей силой сразу, не рассчитал того, какой мощности удар придётся этому щиту встретить. Щиту Валерия удалось поглотить большую часть атаки графа, но щит не выдержал, и на белом костюме кузена выступила кровь.

Озёрский, истративший весь свой Яр на этот удар, начал довольно профессионально бить Валерия руками и ногами, в надежде, что тот упадёт и истечёт кровью от удара его ярового клинка, которым он пробил щит моего кузена.

Длилось это всего несколько секунд, но граф Озёрский успел ударить Валерия раз двадцать. Быстрые и точные удары кулаков с сочным хрустом опускались на лицо Мартынова слева, справа, снизу, сверху по дуге и Бог знает как ещё.

Кузен вышел из себя. Он сформировал из Яра что-то вроде небольшого, но очень плотного кулака и воткнул его прямо в живот графу Озёрскому. Затем Валерий приподнял его над землёй.

Граф обвёл нас выпученными зелёными глазами. Стремительно слабеющей рукой он попытался дотянуться до кузена, но тот был слишком далеко от удерживаемого в воздухе Валерием графа Озёрского. Я, Василий Галактионович и доктор Чешский с ужасом ждали что же будет дальше.

Я надеялся, что Валерий успокоится на этом, и доктор сможет оказать помощь графу так, чтобы его могли затем спасти в больнице. Я уже собрался окрикнуть кузена, как вдруг тысячи мелких частиц Яра с огромной скоростью и силой полетели в разные стороны, расходясь из кулака Яра, который был в животе Озёрского.

Графа просто разорвало. Кровавый ливень пролился на Валерия Мартынова, покрывая его чудесный белый костюм густым красным узором. Земля была в крови в радиусе пяти метров вокруг него и того места, которое секунду назад занимал в пространстве граф Озёрский.

Ошеломлённые я и Василий Петров стояли под ранним, но уже жарким, средиземноморским солнцем. Доктор Чешский, верный своему долгу врача, подбежал к Валерию Мартынову.

— Позвольте мне осмотреть вашу рану, — строго сказал доктор и бесцеремонно разрезал вынутыми из саквояжа ножницами костюм на боку кузена.

Валерий покорно стоял, позволяя доктору осматривать его, и смотрел на пыльную сухую землю, покрытую красными брызгами, которые совсем недавно были графом Озёрским.

— Да уж, без объяснений тут не обойдётся, — медленно сказал Василий Петров.

Я поплёлся к своей машине и стал рыться в багажнике, в поисках какого-нибудь одеяла или покрывала: позволять Валерию сесть в бежевый салон «ЗИЛа» в пропитанном кровью костюме, означало уничтожить обивку.

Я хлопнул себя по лбу. Нельзя же так просто взять и уехать после такого события, по результатам которого от графа Григория Озёрского осталось... ничего. Я достал телефон Валерия и подошёл к нему. Тот безучастно посмотрел на меня.

— Разблокируй, — я протянул «ладошку» экраном к нему. Тот ткнул пальцем в экран,

сканируя отпечаток.

Я зашёл в телефонную книгу и нашёл номер князя Мартынова, нашего деда.

— Да, Валера? — ласково ответил дед: я ведь звонил с телефона Валерия. Вот что значит быть любимым наследником титула.

— Дед, это Матвей, — сказал я, — моя «ладошка» разбита. Я тебе сейчас скину геоточку. Тут только что прошла дуэль между графом Озёрским и Валерием Мартыновым.

Несколько секунд дед молчал.

— Понял, скоро буду, — наконец ответил он своим обычным спокойным голосом. Ничего не выдавало его тревоги о том, что он мог потерять наследника этим утром. Тревога, конечно, была, но он умело её скрыл.

— Кхм, ещё один момент, — остановил его я до того, как он положил трубку.

— Говори, — сказал дед напряжённым голосом.

— Валерию будет нужна новая одежда, — сказал я. — Или лучше захвати какую-нибудь накидку: он весь в крови.

Князь Мартынов хмыкнул и сбросил вызов.

— Мы с вами, Матвей Михайлович, теперь тоже под суд пойдём, — растерянно сказал подошедший ко мне Василий Галактионович.

— Да уж, — я кивнул, — ну, ничего, сами знаете, суд только для порядка проводится. Какой спрос с секундентов?

— Знаю, но, всё равно, я такого не ожидал, — пробормотал Василий Петров.

Несколько минут мы просто молча стояли и смотрели на доктора и Валерия. Появился вертолёт с гербами Мартыновых.

— А вот и ваш князь, — посмотрел вверх Петров.

— А вы будете ставить в известность родню графа Озёрского? — поинтересовался я.

— Да, придётся, хотя и не хочется, — Василий Галактионович полез в карман за телефоном и отошёл.

Я его понимал. Довольно трудно объяснить любящим родственникам как получилось, что их надежда и наследник титула вдруг превратился в красную жижу с мякотью, как упавший с пятого этажа арбуз.

Вертолёт деда приземлился. Выскочил слуга деда и открыл дверь вертолёта для князя Мартынова. Вид у того был самый смурной. Вскоре появились высокие полицейские чины, в том числе один из полицмейстеров Константинополя.

Нас с Василием Петровым и доктором Чешским доставили в полицию, где меня быстро допросили, посмотрели видео, на котором ещё живой и здоровый Озёрский и мой кузен Валерий заявляют, что явились на дуэль добровольно и с условиями проведения согласны, и меня отпустили восвояси. Напоследок меня предупредили, что будут ещё приглашать на допросы, а потом будет и суд.

Думаю, что с Василием Галактионовичем и доктором Чешским обошлись сходным образом. Суда я не боялся: максимум посадят на месяц с другими такими же дворянами. Вот Валерию грозило разжалование в солдаты и командировка куда-нибудь в беспокойные в военном смысле регионы.

Это была обычная практика для дуэлянтов. Причём на войне таким солдатам благородного происхождения по причине их природных способностей и отваги быстро удавалось дослужиться до прежнего звания, а через полгода-год и вовсе вернуться к своей прежней жизни. Например, к службе в том же полку.

В конце концов, командование — тоже офицеры, тоже дворяне, они понимают, что человека разжаловали за то, что он участвовал в поединке чести, а не за какую-нибудь пошлую драку в ресторане. Поэтому Валерию ничего страшного не грозило.

Было только одиннадцать утра, когда Тарас заехал за мной в полицейский участок. Не знаю, прошлый ли разговор, тревога ли за меня или что-то ещё повлияло на дядьку, но в этот раз, он ждал меня, выйдя из автомобиля и сразу открыл передо мной дверь, как только я приблизился.

— Матвей Михайлович, как же это получилось? — спросил Тарас, когда мы оба уселись в «ЗИЛ».

— Да ладно тебе, Тарас, сам знаешь как, — фыркнул я.

Тарас вздохнул.

— Помню был у вашего деда старый дворецкий, так он рассказывал про князя Мартынова, что тот по молодости трёх человек на тот свет на дуэли отправил, — сказал он.

— Ха-ха, это не считая тех, кого он убил в сражениях, — рассмеялся я.

— Да, этих никто не считал, — согласился Тарас.

— Тарас, мне нужно заехать в какой-нибудь ярмарочный центр, чтобы купить «ладошку», — вспомнил я о своей разбитой в драке с преступниками «Нокиа». Телефон давно разрядился, и заряжать его больше смысла не было.

Сказано-сделано. Через пятнадцать минут в магазине сотовых телефонов я, отмахнувшись от вертлявого приказчика, в смысле, продавца, который навязчиво предлагал мне какую-то американскую модель с яблочным огрызком, уверенно ткнул пальцем такую же модель нашей русской «Нокиа», какая у меня была до этого, но уже следующего поколения.

Старую, с разбитым экраном, я оставил в том же магазине, по закону обязанном принимать электронику для дальнейшей отправки на переработку и повторное использование того, что повторному использованию подлежит.

Мы ехали домой, когда «ладошка» завершила свою первичную настройку и обновления. Сим-карту русского всеимперского сотового оператора «Почтмейстер» я вставил в него ещё раньше. Я сразу нашёл в телефонной книге номер молодой графини Анастасии Владимировны Воронцовой. Хочешь не хочешь, а данное слово держать надо. Я обещал сообщить ей о результатах дуэли, если таковая вообще произойдёт. И дуэль, как известно, произошла.

— Алоу, — лениво произнёс её голосок после того, как я прослушал добрых гудков двадцать.

— Анастасия Владимировна, добрый день, — начал я, — звоню вам, как и обещал.

— Насчёт чего? — по-прежнему лениво спросила она. Понятное дело, звонит какой-то скучный пустышка Матвей Мартынов, о существовании которого она и думать забыла, да и вообще лучше бы не знала, и говорит что-то о каких-то обещаниях.

«Да прощаю я вам ваши обещания, всё равно уже не помню, о чём мы говорили, только оставьте меня в покое» — должно быть, думала она. Такова участь мужчины без Яра.

— Я дал вам слово сообщить о результатах дуэли, если она произойдёт, — сказал я так же лениво, как и она.

— Что там, что там? — сразу заинтересовалась Анастасия Владимировна. Голос снова стал «одухотворённым» и «возвышенным». Графиня неосознанно вошла в режим духовно богатой влюблённой девушки, — Валери цел?

— Валерий цел, его противник — нет, — ответил я, — о подробностях, к сожалению, говорить по телефону не могу.

Это действительно было так, не стоило трепаться по телефону о таких вещах, стоя посреди ярмарочного центра. И я действительно сожалел, ведь это означало ещё один визит Анастасии Владимировны ко мне домой.

— Я сейчас же к вам приеду! — воскликнула она.

И куда только подевался её ленивый расслабленный тон?

— Я сейчас не дома, Анастасия Владимировна, и буду дома не скоро, — внутренне ликуя, ответил я. — Мне нужно идти, графиня, я только что был на допросе, прощайте.

Не дожидаясь её ответа, я сбросил вызов. Пусть теперь немного поволнуется. В следующий раз, возможно, будет нормально отвечать на звонок, который сама же, фактически, и выпросила.

Сразу раздался новый звонок. Кому же я понадобился теперь?

— Матвей, — услышал я голос Елизаветы Амадуни, скользнув пальцем по экрану «ладошки», чтобы принять вызов, — ты в порядке?

— Привет, Лиза, — ответил я, — о чём это ты говоришь?

— Не смей делать из меня дуру, Матвей! — почти крикнула она. — Весь город уже знает, что произошло! Я волнуюсь за тебя! Всё в порядке?

— Прости меня, Лиза, — сказал я, — если весь город знает, что произошло, то ты знаешь, что я был секундантом и мне, соответственно, ничего не угрожало.

— Я всё равно испугалась, — сказала Елизавета Георгиевна, — я скучаю по тебе, хочу тебя увидеть!

Я прислушался к своему резервуару Яра. Пусто.

— Нет, Лиза, не хочешь. Я — пустышка, — ответил я.

Мне было жаль её. Ей будет тяжело даже вспомнить о том, как мы обнимались и целовались или как она гладила меня ножкой между ног под столом в ресторане, когда она увидит меня без Яра. Для меня, конечно, в такой встрече тоже ничего приятного не будет.

— Это бред! Я знаю, что я чувствовала, знаю, что я видела! — воскликнула она. — Я хочу увидеть тебя, Матвей. Я поверю, только когда увижу тебя пустым.

— Что ж, я могу заехать к тебе прямо сейчас, — вздохнул я.

— Жду, — ответила она. И добавила: — с нетерпением, Матвей.

Я прямо увидел, как её прекрасные сочные губы произносят это. Печально, что скоро её ждёт жестокое разочарование.

— Скоро буду, Лиза, — ответил я. И велел сидящему за рулём Тарасу: — Тарас, к дому князя Амадуни.

Тарас послушно изменил маршрут.

— Когда фрейлина Амадуни выйдет, откроешь дверь перед ней, — проинструктировал я.

— Естественно, Матвей Михайлович, — кивнул Тарас.

Мы подъехали к дому, где жила с обширной роднёй Елизавета Георгиевна. Ждать её мне пришлось каких-то сорок минут, которые я, собственно, утомлённый ранним подъёмом и интенсивным утром, проспал.

Мне нужно было, чтобы Тарас открыл перед ней дверь не только для соблюдения этикета. Мне нужно было показать, что я со слугой, чтобы фрейлина поняла, что общаться придётся в присутствии третьего лица.

Как и было велено, Тарас открыл перед ней дверь, и она села рядом со мной на заднее сиденье. Я приготовился увидеть её холодный равнодушный взгляд, так как мог ожидать только такой реакции после того, как она впервые узрит меня без Яра.

Вместо этого она, как и в прошлый раз, пользуясь тем, что водитель, в данном случае, Тарас, ещё не сел в машину, поцеловала меня, как ни в чём не бывало. Но теперь уже не в щёку, а сразу в губы, да ещё и успела на долю секунды просунуть свой юркий язычок мне в рот.

Да уж, незаметно, что её как-то беспокоит отсутствие у меня Яра. Поражённый, я просто сидел, не зная, как это осмыслить. Когда Тарас сел за руль, мы уже сидели по разным сторонам заднего сидения с самым приличным видом.

— Как насчёт ланча, Матвей? — спросила меня Елизавета.

— Да, конечно, — сказал я, — Тарас, отвези нас в...

— «Плазу», — закончила за меня фрейлина.

«Плаза» был достаточно приличным отелем, но в этом случае нас интересовал прекрасный ресторан на первом этаже.

Я был всё ещё одет в тот же серый костюм, в котором приехал на дуэль. На жаре он уже потерял свежесть, но для ланча в ресторане ещё мог сгодиться. В отличие от, допустим, ужина, куда нужно было бы надевать фрак или, в крайнем случае, смокинг.

Я лично, кстати, в этом вопросе всегда был консервативен, как и все мужчины в нашем роду и в качестве вечерней одежды носил только фрак, считая смокинг одеждой официантов. Но многие дворяне позволяли себе носить и смокинг. Это было абсолютно в рамках этикета, если речь шла об обычном выходе в свет вечером.

— Матвей, что у тебя с лицом? — спросила по дороге Елизавета.

— Я вчера нечаянно оказался в районе, где была полицейская облава и налетел на каких-то бандитов.

— Бедненький, — протянула Елизавета.

Тарас остановил машину перед входом в отель. Швейцар подошёл и открыл перед нами дверь. Выходя, я сказал Тарасу:

— Я позвоню тебе, когда будешь нужен. До тех пор — свободен.

— Слушаюсь, барин, — кивнул тот и уехал.

Елизавета Георгиевна взяла меня под руку, на этот раз прижимаясь ко мне совсем уже откровенно, мы вошли в открытую перед нами швейцаром дверь.

В ресторане нас сразу проводили к столику, где я заказал себе суп с креветками и велел сразу принести кофе. Елизавета заказала какую-то сладкую воздушную чепуху и коктейль.

— Расскажи скорее, Матвей, что же там случилось! Я сгораю от любопытства! — воскликнула фрейлина Амадуни.

— Подожди, Лиза, — я сделал глоток кофе, — прежде всего скажи мне, ты видишь, что я пустышка?

— Нет, конечно! — её глаза расширились от удивления. — Это вообще какой-то глупый розыгрыш, у тебя всегда есть Яр, когда я тебя вижу, и его много!

Я прислушался к себе. Яр действительно был, примерно с треть резервуара, что, учитывая его огромные размеры, действительно было много.

— Хм, вот как, — протянул я, — хорошо. Я расскажу тебе про дуэль, раз уж ты говоришь, что и так все всё знают...

— Лизонька! — раздался возглас. Справа от нашего столика стояла высокая блондинка с огромными голубыми глазами.

— Машенька! — воскликнула Елизавета Георгиевна, поднимаясь. Я тоже встал. — Познакомься с моим хорошим другом — стюардом Матвеем Михайловичем Мартыновым. Матвей Михайлович, это Мария Филипповна Воцинина.

— Очень приятно, сказала она, протягивая узкую длинную ладошку для поцелуя.

Это что-то новенькое. Раньше дамы не горели желанием того, чтобы я целовал им ручки.

— Я слышала о вас, но представляла себе совсем иначе, — произнесла Мария Филипповна.

«Естественно, представляла стюарда мальчиком с пустым резервуаром, чуть ли не

дурачком, а сейчас чувствуешь, сколько у меня Яра, и ничего не можешь понять» — подумал я.

— А ты здесь с кем? — спросила Лиза.

— Я жду подружек, мы договорились пообедать здесь, — ответила Мария Филипповна. — Как всегда опаздывают, ты же знаешь девочек.

— Это точно, — рассмеялась фрейлина Аматыни.

— А давайте я пока с вами посижу, можно? — спросила Мария Филипповна.

Я издал неопределённый звук, означающий, что я не против, если Елизавета Георгиевна не против.

— Да, конечно, присаживайся, — пробормотала Лиза, которая, конечно, жаждала подробностей и, думаю, хотела побыть со мной наедине.

Я подвинул стул сначала Елизавете, потом Марии Филипповне и наконец сел сам. Появился официант с моим креветочным супом.

— Слушайте, Матвей Михайлович, — сказала Мария Филипповна, — я слышала о дуэли вашего кузена Валерия с графом Озёрским! Вы же были там секундантом! Скажите, это было страшно?

— Да нет, отчего же... — ответил я, — дрались на дуэли же граф и кузен, мне ничего не угрожало.

— Ты такой смелый! — сверкнула глазами Елизавета Георгиевна, взяв меня за руку. Понятно, показывает этой Марии Филипповне, что я занят. Да та, кажется, и не претендует...

— Да, Матвей Михайлович, мне тоже почему-то кажется, что вы очень смелый, — сказала Мария Филипповна, — не побоялись суда, согласились быть секундантом...

Я почувствовал, как она под столом легонько задела мою ногу своей длинной и стройной ногой.

— Я не буду спорить, если прекрасным дамам угодно считать меня смелым, — ответил я, — однако позвольте мне вернуться к рассказу...

— Маша! Вот ты где! — к нашему столу подошли ещё две девушки. — А мы тебя ищем по всему ресторану! Лиза, привет!

— Здравствуйте, девочки! — откликнулась Мария Филипповна.

— Привет! — ответила и Лиза.

Я снова поднялся. Тем временем, мой креветочный суп неумолимо остывал.

— Добрый день, — я умеренно поклонился. Девушки с интересом уставились на меня.

— Это стюард Мартынов. Матвей Михайлович, — представила меня Мария Филипповна, как будто это не она, а Елизавета со мной пять минут назад познакомилась, а она сама, Мария Филипповна, напротив, пережила со мной и гибель княжича Гуриели и последующие минуты нежности в машине.

— Анна Евгеньевна Друцкая, — протянула мне ручку светло-русая зеленоглазая девушка среднего роста и изящного, тонкого телосложения. Я покорно коснулся её губами.

— Наталья Борисовна Гардер, — протянула руку кудрявая брюнетка с голубыми глазами и очень спортивной фигурой.

На этот раз мне на помощь пришёл официант, увидевший, что мне предстоит помогать сесть уже четырём девушкам сразу. Я мысленно сделал пометку оставить ему на чай побольше.

— Матвей рассказывал, — начала Мария Филипповна, — можно я буду называть вас

Матвеем, а вы меня — Марией?

«Да хоть горшком называйте» — пронеслось в моей голове.

— С удовольствием, Мария, — ответил я вслух.

Елизавета Георгиевна обожгла меня взглядом своих бездонных чёрных глаз. Кажется, после обеда мне предстояло познать ревность юной армянской княжны.

— Так вот, Матвей рассказывал... — снова сказала Мария Филипповна.

— О том, как он был секундантом на дуэли, — перебила фрейлина Аматуни, — между графом Озёрским и его кузеном Валерием.

— Ой, мы как раз об этом говорили по дороге сюда! — воскликнула Наталья Борисовна.

— Расскажите-расскажите! — зашебетала Анна Евгеньевна.

«Расскажу, если вы перестанете меня прерывать» — подумал я.

— Так вот о дуэли... — опять начал я.

— А что у вас с лицом? Вы тоже дрались, вступились за кузена? — кто-то из девушек снова перебил меня, кажется, Наталья Борисовна.

Все девушки, включая, Елизавету Георгиевну, которая знала правду о том, что у меня с лицом, с восхищением уставились на меня.

— Да нет, это я на скутере вчера неудачно покатался: перелетел через руль, — ответил я.

— Вы просто скромничаете, Матвей, — произнесла Мария Филипповна. Мне показалось, что она это сделала только для того, чтобы покичиться перед подружками правом называть меня по имени.

— Да, мой друг Матвей очень смелый, — с ударением на слове «мой» сказала Елизавета, снова заявляя свои права на меня.

«Да что же это такое творится?» — недоумевал я. Даже если учесть, что у меня сейчас много Яра, то всё равно поведение девушек было понятно не до конца. Ведь у многих дворян большие резервуары и девушек тянет к ним, но обычно они не устраивают такого явного соперничества за мужчину.

Я в который раз начал рассказ:

— В общем, к дуэли...

— Ты чего это пинаешься, Наташа? — воскликнула Анна Евгеньевна.

— Это ты, Аня, ноги вытянула под столом, никому места не оставляя, — ответила Наталья Борисовна.

«Что-то мне кажется, что Наталья Борисовна тоже хотела меня потрогать ножкой под столом, как до этого Мария Филипповна» — подумалось мне.

— Может быть, нам нужен столик побольше: вон как нас много? — предложил я, чтобы как-то избежать повторения подобных ситуаций.

— Да, пожалуй, что стоит, — поддержала меня Елизавета, которая знала, что точно будет сидеть рядом со мной.

— Нет, зачем! Мы и так хорошо сидим! Леня переходить туда-сюда! — раздался нестройный хор голосов Анны Евгеньевны, Марии Филипповны и Натальи Борисовны.

— Рассказывайте же о дуэли! — попросила Анна Евгеньевна.

Я набрал в лёгкие воздуха.

— НА ДУЭЛИ МОЙ КУЗЕН ВАЛЕРИЙ В ЧЕСТНОМ ПОЕДИНКЕ УБИЛ ГРА ОЗЁРСКОГО НА МЕСТЕ! — выпалил я одним предложением, не давая им возможность перебить себя.

Четыре пары прекрасных глаз смотрели на меня.

— Это всё, — сказал я.

— Как — всё?! А где же подробности? — разочарованно стали дуть губки девушки.

«Были бы вам подробности, если бы вы постоянно меня не перебивали» — пронеслось в моей голове. Я набрал в ложку свой креветочный суп и попробовал его. Он был безнадежно, бесповоротно, окончательно остывшим. Пообедал, называется.

Я махнул рукой официанту, чтобы он унёс суп.

— А вы куда не собирались после обеда? — спросила Елизавета девушек в надежде, что они вспомнят о каких-нибудь срочных делах и уйдут.

— Собирались за покупками, — ответила Анна Евгеньевна.

— Но ради такой интересной компании, — Наталья Борисовна стрельнула глазами в мою сторону, — можно и отложить это занятие.

— Тем более, вы должны нам рассказать подробности дуэли, — добавила Мария Филипповна.

Парадоксальный факт: хотя и такое ярко выраженное внимание со стороны такого количества молодых и красивых девушек было для меня очень лестным, никакого нормального общения у нас не получалось. Нужно было как-то сбежать.

Я достал свой новый телефон и взглянул на часы:

— Ох! — притворно удивился я. — Нам надо торопиться, Лиза, мы опаздываем!

Только бы она поняла мой намёк.

— Опаздываем?! — воскликнула фрейлина Амадуни, — скорее, официант!

Я засунул подскочившему официанту в нагрудный карман банкноту заведомо превышающую стоимость нашего с Елизаветой заказа и, не дожидаясь счёта, откланялся перед дамами в самом ускоренном порядке, который позволялся этикетом. Сдача, которая достанется официанту, будет ему щедрыми чаевыми.

— Сударыни, простите великодушно! — воскликнул я, всем своим видом выражая сожаление, что приходится покидать такую приятную компанию.

Девушки снова разочарованно надули губки.

Мы быстро вышли из ресторана, попав в просторный холл отеля.

— Клянусь, — шепнула мне моя пламенная фрейлина, — ещё минута и я бы выцарапала глаза этим вертихвосткам.

— Да ладно тебе, — ответил я.

— Флиртуют с тобой прямо у меня на глазах, ни стыда, ни совести, — продолжала сверкать пламенным гневом прекрасная княжна. — А ты и рад! — вдруг переключилась она на меня.

— Да нет, что ты... я ведь поэтому и решил сбежать, — попытался оправдаться я.

— Я так хочу остаться с тобой сейчас наедине, — безо всякого перехода сказала Елизавета. — Может быть нужно снять тут номер?

— Лиза, ты в своём уме? — шепнул я. — Какой номер? Сегодня же в вечерних газетах будут обсуждать не смерть графа Озёрского на дуэли, а то, что фрейлина Амадуни и стюард Мартынов сняли на двоих номер в Плазе, при этом не будучи даже помолвлены.

— Да, ты прав, — согласилась было Елизавета Георгиевна, — но что, если... мы снимем мы снимем два разных номера?

— А это идея, — согласился я.

— Сюда, скорее! — резко потянула меня за руку Елизавета.

Не успела она увести меня за одну из толстых колонн, на которых держался потолок холла, как из ресторана вышли мои новые знакомые: Мария Филипповна, Наталья Борисовна и Анна Евгеньевна. В моё отсутствие им было скучно сидеть в ресторане, и они вернулись к изначальному плану: пойти за покупками.

Проводив их глазами, я сказал:

— Давай вернёмся в ресторан, я так и не поел нормально. Пока едим, я позвоню Тарасу, чтобы заказал два разных номера.

В ресторане прежний официант встретил меня ещё более любезно, чем в прошлый раз. Ещё бы, после таких-то чаевых. Пока я ждал свой новый креветочный суп, я решил позвонить Тарасу:

— Да, барин, — услышал я его голос.

— Мне нужно, чтобы ты приехал в Плазу и заказал там два разных номера на одном этаже. Можно один люкс, если будет.

— Сделаю, барин, — ответил дядька.

— И, Тарас, — строго сказал я. — Чтобы никому ни слова.

— Да кому я могу рассказать-то, Матвей Михайлович, — начал бормотать Тарас.

— Никому, Тарас, — повторил я и отключился.

— Лизонька, — ласково сказал я. — Я очень вымотан сегодняшней дуэлью, допросом в полиции и твоими подругами...

— Да какие они мне подруги, так, виделись несколько раз! — фыркнула Елизавета Георгиевна.

— ... я бы очень хотел поесть в тишине, — закончил я.

— Хорошо, — неожиданно согласилась фрейлина, — я не хочу, чтобы ты чувствовал себя усталым.

«Какая заботливая!»

К супу официант принёс французский багет. Я, однако, хрустеть французской булкой любителем не был, а потому распорядился принести чёрного хлеба и икры.

Пока я молча ел свой креветочный суп, оказавшийся восхитительным сверх всяких похвал, мне позвонил Тарас.

— Сделано, Матвей Михайлович, — доложил он. — Один номер над другим, на разных этажах, как вы и просили.

— Спасибо, Тарас, — с сытостью ко мне возвращалось благодушие, — только я просил два номера рядом, и один из них желательнее люкс. А ты что сделал?

Несколько секунд Тарас молчал, соображая.

— Простите старого дурака, — опять начал он придуриваться, — сейчас всё исправлю...

— Исправляй, исправляй, — разрешил я.

Через десять минут он опять позвонил.

— Исправил, барин, — довольно сказал он.

— Молодец, — оценил я. — Ужинать я, возможно, буду здесь же, поэтому съезди домой, поешь, отдохни, приготовь мой фрак и, часам к шести вечера будь с ним тут.

— Понял, — ответил Тарас.

— Ключи от номеров мне занеси только, — напомнил я.

Через минуту Тарас появился в зале ресторана и, игнорируя вопросы распорядителя о том, ждут ли его, заказан ли столик и прочую дребедень, прошёл ко мне.

— Вот, Матвей Михайлович, — он положил оба ключа на стол передо мной. «Плаза» был консервативным отелем и не признавал карточек для открывания дверей.

— Спасибо, Тарас, — сказал я. — Что дальше делать, знаешь.

— Знаю, барин, — кивнул тот, — а всё-таки вы бы, Матвей Михайлович, подумали о том, что вам батюшка говорил.

Это он о том случае, когда отец мне объяснял, что с княжной Амадуни спать нельзя. И откуда он это знает? Впрочем, слуги всегда всё знают. Как это мне ещё удаётся от него свой Яр утаивать?

— Помню, Тарас, — ответил я, — а теперь ступай.

Тарас скрылся с глаз.

— Всё готово, Лиза, — сказал я фрейлине.

— Прекрасно, — она обнажила в улыбке красивые белые зубы.

— Предлагаю пойти так: сначала ты в свой номер. Через десять минут я — в свой, — объяснил я ей свой план, — оттуда созвонимся и решим, что дальше.

— Отличный план, Матвей, — похвалила Елизавета Георгиевна.

Любой твой план — отличный план в глазах девушки, которой ты нравишься.

Она взяла ключ от своего номера, встала из-за стола и вышла из ресторана. Мне нужно было занять время. Я заказал бокал шампанского и открыл новостную ленту на своём прекрасном новом безрамочном экране.

«Завершилась крупнейшая во второй половине двадцатого века полицейская операция в Константинополе» — заявлял заголовок сайта «Византия сегодня». Далее шёл небольшой текст:

«Некоторые из задержанных утверждали, что незадолго до встречи с полицией видели человека в маске, который с большой ловкостью передвигался по крышам и балконам района на улице Карла Пиратского. В Константинополе появился герой в маске?» — задавались вопросом журналисты.

Да уж, герой, налетел на нескольких мелких гангстеров и нахватал тумачков! А главное, никакому городу Российской империи не нужен герой в маске с нашей полицией. И эта операция, которая призвана ликвидировать один из последних очагов появления социально неблагополучных элементов — в очередной раз доказывает, что десять-двадцать

полицейских офицеров с Яром при поддержке рядового состава легко разгоняют криминалитет любой степени опасности.

Я пролистал ленту дальше. Мне встретился заголовок от новостного сайта «Римское Эхо». Почему «римское»? Потому что Константинополь был столицей Восточной Римской Империи и тогда назывался Римом. А у Западной Римской Империи был свой Рим, тот который в Италии.

«Дуэль между княжичем Мартыновым и графом Озёрским завершилась кровавым душем для всех присутствующих. Приехавшим на место трагедии родственникам нечего было даже опознать...»

Дочитать мне не удалось, так как позвонила Лиза:

— Матвей, я в номере, уже привела себя в порядок, давай приходи быстрее! — протараторила она.

Я допил шампанское и, пройдя через холл, поднялся пешком, чтобы ни с кем не столкнуться в лифте, на четвёртый этаж, где находился мой номер-люкс. В номере, как и везде в «Плазе», было прохладно, но всё же я не отказал себе в удовольствии сорвать с себя надоевшие за день пиджак и галстук.

По внутреннему телефону, стоящему тут же, я позвонил портье и велел принести холодного шампанского и закусок к нему. Я дождался пока молчаливый официант переставит со столика-тележки мой заказ и, получив чаевые, исчезнет. Вынул «ладошку» и позвонил Елизавете, сообщив ей, что всё готово.

Дверь я приоткрыл заранее, чтобы ей не пришлось стучаться и ждать, прежде чем я открою. Ведь если молодая княжна будет стоять в коридоре перед номером мужчины, это совсем неблагоприятно отразится на её репутации.

А уж если всплывёт, что эти два стоящих рядом номера снял один и тот же дворовый человек, в смысле слуга, то любому сплетнику достаточно будет сложить дважды два, чтобы распуścić слухи о том, что девица Амадуни с кем-то встречалась в отеле. А значит, её статус девицы, в смысле её девственности, в глазах высшего света уже под вопросом.

Елизавета Георгиевна запрыгнула ко мне в номер и впиалась мне в губы жадным поцелуем.

— Я так долго этого ждала! — воскликнула она. — Ты весь солёный от пота!

— Спасибо, что напомнила, — ответил я, когда у меня снова освободились для этого губы, — пойду в душ, я быстро.

— Нет, Матвей, — удержала она меня за руку, — меня всё устраивает. Забавно даже, что ты такой потный.

Она снова поцеловала меня и провела языком по моему лицу.

— Ну, я весь день парился в этом костюме, я хочу освежиться! — настоял я. — Сейчас, налью только тебе шампанское.

Я быстро открыл бутылку без пены и налил ей бокал.

— Я быстро! — повторил я и направился к двери в ванную. Она ничего не ответила, только посмотрела на меня долгим взглядом, прикусив губу.

Ванная комната была большой. Отдельно в ней стояла душевая кабина, отдельно джакузи. Я бы с большим удовольствием подремал в нём, но времени на это не было. В гостиной меня ждала жгучая красавица Амадуни.

Я разделся и залез в кабину под горячие струи. Помывшись, я сделал воду прохладной и решил постоять так ещё пару минут, закрыв глаза и подставив лицо под воду.

— Матвей, ну сколько можно, — раздался капризный голос Елизаветы. Должно быть, она приоткрыла дверь, чтобы я мог лучше её слышать.

— Сейчас, ещё пять минут, — ответил я, не открывая глаз. Постояв ещё секунд пятнадцать, я шестым чувством понял: что-то изменилось. Я открыл глаза и остолбенел. Всем телом и в особенности одной конкретной его частью.

Передо мной стояла, распустив свои прекрасные, густые, вьющиеся, чёрные волосы, совершенно голая Елизавета Георгиевна. Её нежное, зовущее к прикосновению тело с гладкой кожей, её красивая крупная грудь с торчащими тёмными сосками, узкая талия, резким изгибом переходящая в бёдра, которые в свою очередь, переходили в стройные ноги... Само собой, я остолбенел. Во всех, повторюсь, смыслах.

— Мне надоело тебя ждать, — негромко сказала она.

— К... конечно, проходите, Елизавета Георгиевна, — я посторонился, пуская её к себе в душевую кабину.

Она медленно зашла всё время глядя мне в глаза. Мои руки сами потянулись к ней, но невероятным волевым усилием я сдержал себя.

— Лиза, — ты княжна, — мы не можем.

— Мне всё равно, — сказала она, — я хочу тебя.

— Нет, Лиза, — ответил я, — так нельзя. Ты — княжна, как ты будешь потом выходить замуж?

— Сейчас делают операции... — неуверенно протянула она.

— И как ты сообщишь своему отцу, что тебе нужна операция по восстановлению девственности? — я поднял бровь.

Она молча смотрела на меня. Я чувствовал, что ещё мгновение, и я сам не смогу сдерживать себя. Я резко, на одной только силе воли, потому что ноги меня почти не слушались, вышел из душа и, надев халат, покинул ванную комнату.

В гостиной я быстро подошёл к столику с шампанским и налил себе полный бокал. Выпив его двумя глотками, я почувствовал, как Лиза берёт меня сзади за плечи и разворачивает.

— Я знаю, что нам делать! — сказала она и толкнула меня на диван. Халат на мне распахнулся.

Елизавета Георгиевна окинула меня взглядом и, довольно хмыкнув, опустилась передо мной на колени...

В общем, чуть позже мы перебрались в постель, где фрейлина продолжила начатое, после чего и я приложил схожие усилия для её удовлетворения. Формально её будущему супругу было не о чем беспокоиться. Но, после сегодняшнего, уже только формально.

— Я так хочу, чтобы мы могли провести неделю, а лучше — месяц... провести так, как сейчас, — прошептала Елизавета Георгиевна, водя пальчиком по моей груди. Мы лежали на огромной постели.

— Да, было бы здорово, — ответил я.

— Скажи, ты бы женился на мне? — спросила она.

«Вот дела!»

— Лиза, ты же сама говорила про меня: «Да кому ты нужен-то!», — произнёс я.

— Ты же знаешь, что я не всерьёз, — ответила Лиза.

— Ну, а если всерьёз, Лиза, то я сын младшего сына князя, да ещё и пустышка, — деликатно начал объяснять я, — зачем я тебе?

— Затем, что я с ума от тебя схожу, — сказала она, — затем, что никакой ты не пустышка, Яра у тебя ого-го, как много! И затем, что ты меня спас от Гуриели, вступившись тогда, когда думал, что у тебя Яра нет! Ты знал, что он может тебя убить, и всё равно вступился за меня!

— Я вступился, потому что не мог иначе... — попытался объяснить я.

— Вот именно! — воскликнула Елизавета Георгиевна, — Вот зачем ты мне, затем, что ты такой человек, который не может иначе!

— Хорошо, — попробовал я зайти с другой стороны, — по поводу моего Яра. У меня он то — есть, то — нет. Причин я не понимаю. Вот сейчас, например...

Я визуализировал резервуар. Увиденное меня поразило. Яра там было почти две трети!

— Сейчас его столько, сколько я никогда и не видел... Может быть только один раз, в детстве, до яровой комы... — растерянно прошептал я.

— Я же говорила тебе только что, — возмутилась фрейлина Амадуни, — что Яра у тебя очень много!

— Пойми, Лиза, — сказал я ей, — я не знаю, откуда у меня берётся Яр. Вчера его не было и мне надавала по морде какая-то мелкая шантрапа! Сегодня он есть, и его очень много. Что будет завтра?

Я приподнялся на локте, чтобы налить себе ещё шампанского. На стене напротив, как раз на уровне кровати было большое зеркало, которое доставило мне немало прекрасных минут наблюдения за нами со стороны, когда мы с Лизой ублажали друг друга.

На этот раз в зеркале я видел только себя, и, наверное, поэтому обратил внимание на своё лицо. Мои синяки и ссадины почти полностью зажили. В первую секунду я удивился, но потом понял, что дело в том, что ко мне вернулся Яр. Будучи жизненной силой, он обладал заживляющим действием на организм носителя.

— Так вот, — продолжил я, — я не знаю, что будет завтра. Я не пригоден к военной службе, не получу наград и званий. Карьеры при дворе тоже не сделаю: меня никто не будет воспринимать всерьёз.

— Да мне наплевать, — рассмеялась Елизавета, — я хочу тебя всё время, что вижу!

— Посмотрим, что ты скажешь, когда увидишь меня без Яра, — сказал я.

— Ты мне так уже говорил сегодня, а потом заявился с таким Яром, что у меня всё бельё мокрое было, пока я ресторане сидела с тобой. Да и Маша, Наташа и Анечка, тоже на тебя большое внимание обращали! — возразила фрейлина.

Я посмотрел на большие часы на стене. Время позволяло сделать второй заход. Вместо ответа, я погладил её по внутренней части бедра. Она сразу поняла намёк...

В шесть часов вечера она вышла из моего номера и быстро шмыгнула в свой. Мы договорились, что она съездит домой, и вместе мы поужинаем в каком-нибудь ресторане. Можно было бы здесь же, в «Плазе», но для сторонних глаз, было бы слишком заметно, что мы провели здесь вдвоём почти весь день.

Я позвонил Тарасу, чтобы вёз мне мой фрак и обувь для ужина. Ожидая его, я снова открыл новостную ленту, где меня ждала недочитанная ещё в обед заметка.

Заметка была такова:

«Дуэль между княжичем Валерием Мартыновым и графом Григорием Озёрским завершилась кровавым душем для всех присутствующих. Приехавшим на место трагедии родственникам нечего было даже опознать.»

Наш источник в высшем свете на условиях строжайшей анонимности рассказал нам о

том, что дуэль произошла из-за прекрасной юной аристократки, которую горячие кавалеры не смогли поделить между собой.

Кажется, инициатором дуэли был известный своей импульсивностью молодой граф Озёрский. Против этой версии однако говорит тот факт, что древний род Мартыновых славится своей тягой к дуэлям: великого русского поэта Лермонтова вызвал на дуэль и там застрелил майор Николай Мартынов, — представитель этого знатного семейства».

Ну сколько можно. Стоит кому-нибудь из Мартыновых принять участие в поединке, как все новостные ресурсы вспоминают и начинают мусолить ту давнюю дуэль. Конечно, в нашей семье все знают, что произошло на самом деле. И на самой дуэли между Лермонтовым и Николаем, и что послужило причиной вызова на дуэль. Но это предание внутрисемейное, об этом мы говорим только между собой.

Я вернулся к чтению:

«Как стало известно «Римскому Эху», секундантом княжича Валерия Мартынова выступил стюард Парящего дворца Его Величества Матвей Мартынов. Сын младшего сына князя Мартынова, Матвей Михайлович, по слухам, не обладает Яром.

Тем не менее, кажется, врождённая склонность Мартыновых к дуэлям, если не сказать бретёрству, заставляет юного стюарда участвовать в поединках, если не в качестве одного из соперников, то, хотя б в качестве секунданта.

Судя по всему, Матвею Михайловичу хочется, если не самому кого-нибудь покалечить на дуэли, то хотя бы посмотреть, как это будет делать его кузен».

Ну это уже ни в какие ворота не лезет! Всех умудрились зацепить! Меня, деда, моего отца, самого Валерия. Хотя нет, забыли упомянуть моего дядю Николая, отца Валерия. Впрочем, заметка ещё не закончилась. Я стал читать дальше:

«Сам князь Юрий Мартынов в молодости был известным дуэлянтом, поэтому он наверняка поддержит поступок внука. Отец княжича Валерия, наследник титула Николай Юрьевич Мартынов, справедливости ради, в дуэлях замечен не был. Правда, возможно лишь потому, что до сих пор, его дуэли обходились лишь ранениями противников и сам факт проведения дуэлей скрывался?

В пользу этого предположения говорит тот факт, что нынешнего наследника титула Мартыновых зовут так же, как и того, кто застрелил на дуэли нашего всенародно любимого поэта Лермонтова. Согласитесь, странно: с таким именем и ещё никого не убил! В любом случае, было бы очень интересно получить комментарий любого представителя рода Мартыновых».

Вот и Николая Юрьевича упомянули. Заметка закончилась. Внизу стояла подпись: «Бенедикт Алексеев».

В дверь постучали. Это был Тарас.

— Проходи, — я открыл дверь.

— Матвей Михайлович, я надеюсь, вы княжну не того?.. — спросил Тарас.

— Чего, «не того»? — спросил я. Меня позабавило поведение дядьки.

— Сами знаете, чего, — засопел Тарас, — сказал бы я, да только невместно мне такие вещи о княжнах говорить.

— Нет, Тарас, — успокоил я его, надевая брюки к фраку. — В этом плане всё хорошо.

— Вот и отлично, — сказал Тарас, помогая мне надеть сорочку и жилет, — а то ведь, Матвей Михайлович, жениться бы пришлось. А вы можете и познатнее найти кого-нибудь.

— Ха-ха, Тарас, ну ты даёшь, — рассмеялся я, — я же пустышка, кому я нужен-то.

— Ну, главное, что через вас со всеми Мартыновыми породниться можно, — глубокомысленно произнёс Тарас.

— Ах, ну да, конечно, — кивнул я.

И тут до меня дошло.

— Погоди-ка, Тарас, — сказал я, повернувшись к нему, — а почему это тебя не удивляет, что ко мне, пустышке, княжна Амадуни так тянется? М?

Тарас потупился.

— Ты думаешь, что она только из-за того, что я Мартынов? — спросил я.

Тарас молчал. Было понятно, что именно так он и думает. Что Амадуни просто хотят создать устойчивый династический союз с моим родом, используя меня, так как к моему кузену Валерию Мартынову очередь из самых знатных и богатых невест стоит.

— Ладно, можешь не отвечать, — вздохнул я. Вздохнул и Тарас. Не объяснять же ему про мой то появляющийся, то исчезающий Яр.

Процесс моего облачения во фрак завершился, и в сопровождении Тараса я отправился к машине. На улице я позвонил фрейлине Амадуни:

— Лиза, я вышел из «Плазы». Поедем в «Воробьяниновъ»?

— Нет, слушай, мне сейчас позвонила Наташа, ну ты её видел сегодня, помнишь? — сказала Лиза.

— Как же, конечно, помню, — ответил я.

— Почему это «конечно»? — подозрительно спросила Лиза.

— Лизонька, пожалуйста, — попросил я, — просто рассказывай дальше.

— Ну-ну, — буркнула она и тут же продолжила бодрым голосом, — в общем, она с девочками сейчас будет в ресторане «Филоксен». Ну там их кавалеры будут ещё. Всем не терпится с тобой увидеться...

«С каких это пор я стал интересен высшему свету?» — мысленно задался вопросом я.

— ...все хотят услышать подробности о дуэли, — закончила Елизавета Георгиевна.

— Ах, о дуэли, конечно, теперь всё ясно, — сказал я, — слушай, я не очень люблю все эти светские посиделки.

— Матвей, они очень настаивали, — начала упрашивать фрейлина, — пойми, мы аристократы, у нас есть обязанность вести светскую жизнь, чтобы поддерживать связи...

— Ага, только пустышка Мартынов не был никому интересен до дуэли, — возразил я.

— Так никто и не говорил, что тебя в свете за внутренний мир любить будут, — резонно возразила Елизавета Георгиевна, — в отличие от меня.

На это мне сказать было нечего.

— Ну, Матвей, ну, пожалуйста, — начала канючить фрейлина.

— Да тебе-то какая выгода? — спросил я.

— Пусть эти вертихвостки видят, что ты мой! — твёрдо сказала Елизавета.

«Боюсь, что обладание мной только в глазах моей сладкой княжны Аматыни может являться поводом для гордости» — подумал я.

— Хорошо, я буду там, — сдался я.

— Ура! Ура! — запищала Лиза.

— До встречи! — сказал я и сбросил вызов.

Я решил сам сесть за руль, чтобы немного отвлечься. Честно говоря, заметка в «Римском Эхе» меня задела больше, чем было оправдано ситуацией. Мы, аристократы, должны быть привычны к тому, что журналисты обмусоливают каждый наш вздох. Но мне показался оскорбительным тон статьи и то, как реальные факты там перемешивались с самыми необоснованными допущениями.

Этот Бенедикт Алексеев, кто бы он ни был, даже тот факт, что Валерий лишь отвечал на вызов на дуэль, умудрился выставить так, будто бы очередной Мартынов снова оказался зачинщиком смертельного поединка.

Не доезжая до ресторана, я остановился на обочине и пересел на заднее сиденье, чтобы валет у входа в заведение, распахнув заднюю дверь моей машины, не оказался перед видом пустого дивана, а мне не пришлось бы выходить спереди, открывая дверь самому, тем самым выставляя нас обоих в глупом свете.

Дальше всё прошло как обычно. Бесшумное вползание моей машины на парковку у главного входа в ресторан «Филоксен», встреча и провожание меня метрдотелем в зал.

Помня о том, что ожидается большая компания, я сразу выбрал большой стол.

Ещё в холле ресторана меня привлекла одна показавшаяся мне любопытной деталь. На стене, прямо в полированном камне было выгравировано стихотворение девятнадцатого века, которое начиналось словами:

«Вступает — на диво и смех Сиракузам -

Тиран Дионисий в служители музам».

Стихотворение пересказывало сюжет древнегреческой истории о поэте Филоксене и правителе, тиране Дионисии. Правитель потребовал от Филоксена, чтобы поэт оценил его творчество. Филоксен честно ответил, что Дионисий пишет плохо. Тиран отправил поэта в темницу.

Через какое-то время Дионисий снова позвал поэта, чтобы тот оценил его новые стихи. Филоксен молча выслушал и пошёл прочь из зала. Дионисий спросил поэта, куда он направляется, и Филоксен ответил, что идёт обратно в темницу, так как ничего нового он сказать Дионисию не может, ведь пишет правитель по-прежнему плохо.

Я пробежал стихотворение глазами. На мой взгляд, ресторан назвали «Филоксен» в честь другого известного древнегреческого Филоксена. А именно — в честь обжоры, имя которого было Филоксен из Лефкаса. Поэт же, о котором говорилось в стихотворении — это Филоксен из Киферы. Думаю, его упомянули в виде выгравированного на стене стихотворения просто потому, что звали его так же, а стихов о Филоксене-обжоре не нашлось.

Не успел я усесться, как появилась Елизавета Аматауни. Я снова встал, поцеловал её ручку, соблюдая все приличия, и подвинул стул, помогая сесть. Я столько раз это проделал за сегодня сначала с Лизой, потом с Марией Филипповной, потом с Натальей Борисовной и Анной Евгеньевной, что радовался тому, что с ними придут какие-то их ухажёры, которые и будут пододвигать им стулья, подливать шампанское в бокалы и выполнять все остальные, требуемые этикетом, глупости.

— Лиза, не знаю, как ты, а я сейчас буду много и быстро есть! — заявил я, вспомнив о том, как в обед у меня остыл креветочный суп из-за того, что приходилось отвечать на бесконечные реплики девушек.

— Тебе лишь бы поесть! — шутливо обиделась она. — Конечно, заморочил юной глупой фрейлине голову, получил от неё то, о чём и говорить-то неприлично, а теперь и слова сказать жалко бедной приезжей провинциалке!

— Да ладно тебе, — улыбнулся я, — ты тоже от меня получила то, о чём и говорить-то неприлично! И кто ещё кому заморочил голову!

Не дожидаясь её ответа, я взмахнул рукой, чтобы позвать официанта. Когда он появился, длинный и гибкий, как переваренная макаронина, малый с тонкими усиками и прилизанными волосами, я быстро спросил его, какое сытное блюдо приготовят максимально быстро: я хотел успеть наестся до прихода этих болтушек.

Я последовал совету официанта и сделал заказ. Что-то заказала себе и Лиза.

— Ну что, Елизавета Георгиевна, — весело сказал я, — могу поболтать с тобой, пока мне не принесли еду.

— Пф! — фыркнула она, — Больно надо.

Прошло около пяти минут, которые мы провели, перешучиваясь и подкалывая друг друга, как тот же официант, почтительно изогнувшись, поставил на стол мой ужин. Я, как и предупреждал фрейлину Аматауни, полностью сосредоточился на нём.

И правильно сделал. Я едва успел закончить трапезу, когда к нашему столу приблизились уже знакомые мне дамы в сопровождении каких-то молодых людей. Двое из них были в форме и выглядели соответственно: высокие и широкоплечие, с квадратными

челюстями, но при этом открытыми и добродушными лицами. Один был совсем блондином, другой, скорее, светло-русый.

Третьим — кажется, это был кавалер Анны Евгеньевны — оказался среднего роста длинноволосый шатен с острым подбородком и с выражением лица одновременно мечтательным и, если не суровым, то как минимум строгим.

Я поднялся, чтобы поприветствовать вновь прибывших.

— А вот и наш стюард Мартынов, Матвей Михайлович, — лучезарно улыбаясь во весь рот, пропела Мария Филипповна, представляя меня. Я чуть склонил голову в приветствии.

— Я же говорила вам, что он совсем не такой, каким вы его представляли заочно, по каким-то глупым слухам! — добавила Наталья Борисовна, объясняя присутствующим, очевидно, контраст между ожиданиями увидеть затюканную пустышку и нормальным молодым княжичем с почти полным и очень большим резервуаром Яра.

Правда, Наталья Борисовна как-то позабыла, что мужчины не чувствуют Яр друг друга, значит, наши гости мужского пола видят меня так же, как если бы я был пустышкой.

— Сергей Сергеевич Долгорукий, поручик Софийского полка, — представился один из них, тот, что был в гвардейском мундире.

«Ого, ничего себе», — подумал я. Сергей Долгорукий был из рода тех потомков Рюриковичей, которые прославились редкой и, вместе с тем, страшно (в прямом смысле этого слова) эффективной способностью к применению Яра на длинных расстояниях.

Слово «долгий» раньше использовалось также и в значении «длинный». Следовательно, «Долгорукий» прежде, чем стать фамилией, было прозвищем, намекающим на то, что князя любого достанут своими длинными, долгими руками.

— Очень приятно, — я пожал руку Сергею. Рука его, кстати, была нормальной длины.

— Александр Петрович Козлов, лейтенант Средиземноморской эскадры, — представился второй, тот, что был во флотском мундире. Что ж, Козловых много, так что его фамилия мало что мне сообщила.

Я пожал руку и ему.

— Антон Алексеевич Чигуриков, — представился длинноволосый молодой человек.

Тут влезла Анна Евгеньевна:

— На самом деле это псевдоним, Антон Алексеевич у нас поэт, а настоящая его фамилия...

— В данный момент не имеет никакого значения, — перебил её Антон, с большим достоинством пожимая мне руку.

«В нашем мире фамилия всё-таки имеет значение» — подумал я, — «с другой стороны, я вот Мартынов, но пустышка, и никакая фамилия тут не поможет». Возражать, однако, поэту я не стал.

Мы наконец уселись, причём я с удовлетворением отметил, что каждый кавалер ухаживает за своей дамой, и на меня на этот раз осталась только Елизавета Георгиевна.

В отличие от обеда, когда всё внимание дам было сосредоточено на мне, что было обусловлено тем, что их манил мой Яр, ужин удавался значительно полегче: у каждого из трёх молодых людей Яра тоже было очень много, поэтому каждый из нас оттягивал немножечко внимания девушек на себя.

Впрочем, я то и дело замечал быстрые взгляды, которые на меня бросали и Наталья Борисовна, и Мария Филипповна. Насчёт Анны Евгеньевны, которая была с поэтом, я не был уверен. Вообще, у этого поэта могло оказаться Яра даже побольше, чем у этих двух бравых

офицеров. Творческая энергия же у него откуда-то берётся.

Долго ли, коротко ли, мы выпили несколько бутылок шампанского и съели целую гору устриц. Все немного захмелели и общение стало более непринуждённым. Вдруг Антон, который уже пару минут смотрел в свой телефон, недовольно фыркнул.

— Что такое? — спросила Анна Евгеньевна.

— Да тут пишут, что погибший на дуэли граф Озёрский, оказывается был талантливым поэтом, писал проникновенные стихи о любви, дружбе, долге и чести!

— А кто пишет? — поинтересовалась Мария Филипповна.

— Какое-то сайт. «Римское Эхо», — поморщился Антон Алексеевич, — какую биографию сделали нашему рыжему! Тьфу! Стоит очередному бездарю глупо погибнуть, как он сразу становится великим поэтом!

— Антона Алексеевича такие вещи глубоко задевают, — объяснила Анна Евгеньевна, — он тонко чувствует поэзию и каждое плохое стихотворение он ощущает как укол иглой.

— Что ж, — рассмеялся я, — скажите спасибо, что моего кузена, который разорвал графа, не назвали Николаем в честь отца!

До остальных пока не дошло, а вот Антон Алексеевич подхватил мой смех:

— Получилось бы, что, как когда-то Николай Мартынов убил на дуэли поэта Лермонтова, так и сейчас бы современный Николай Мартынов убил на дуэли поэта Озёрского!

Тут уже весь стол грохнул от хохота. Кто-то задел бокал, шампанское пролилось на скатерть.

— Да уж, — смеялся поручик Долгорукий, — пришлось бы тебе, Антоша, позабыть с славе гениального поэта! Место уже было бы занято!

— Не удивлюсь, что так и получится. Толпа любит раздувать себе кумиров из ничего! — серьёзно ответил он. — Оглянуться не успеем, как наши внуки его в школах проходить будут.

Это предположение ещё больше всех развеселило. Среди общего хохота мы не сразу заметили, что наше внимание пытается привлечь неопрятный человек лет тридцати-тридцати пяти, с лысой макушкой и торчащими во все стороны чёрными волосами.

— Здравствуйте! — сказал он нам, показывая жёлтые крупные, напоминающие лошадиные, зубы. — Меня зовут Бенедикт Барухович. Алексеев моя фамилия. Я из «Римского Эха».

Смех резко смолк.

— Вот как, — сказал я, чувствуя некоторое хмельное озорство, — что ж, продолжайте, прошу вас.

— А вы, должно быть, стюард Мартынов, — обратился он ко мне, — ну, конечно, это вы!

— Конечно, — сказал я, вставая, — именно я, а кто же ещё.

— Скажите, что вы чувствовали, глядя как ваш кузен Валерий лишает наше отечество великого поэта, варварски убивая его? — спросил Бенедикт Алексеев. Антон, услышав вопрос, презрительно хмыкнул.

Я медленно подошёл к этому странному человеку и произнёс:

— На ваш вопрос я отвечать не буду, а вот вам на мой, пожалуй, ответить придётся. Кого вы назначите вашим секундантом?

Я дал ему звонкую пощёчину.

— Как вы смеете?! — визгливо возмутился Бенедикт. — Я журналист, я представитель общественности, меня нельзя на дуэль!

Несколько секунд прошли в полном молчании. Я смотрел Алексееву прямо в трусливо бегающие глаза.

— Матвей Михайлович, — наконец тихо обратился ко мне лейтенант Козлов, — я посмотрел в Паутине, вам с ним на дуэль никак нельзя.

— Это почему ещё, Александр Петрович? — спросил я, пристально смотря на замершего Алексеева.

— Он мещанского звания, а дуэль, сами знаете, возможна только между равными, — ответил лейтенант.

— Вот именно! — дерзко заявил Бенедикт Алексеев, — будьте уверены, стюард Мартынов, что я поставлю общественность в известность о вашем неуважении к журналистике!

— Вот как? — поднял бровь я. — Вы это точно уже решили?

— Именно так! — дерзко сказал, почти выкрикнул, Бенедикт.

— Что ж, тогда запишите ещё и это, — сказал я и плюнул ему в лицо.

— Как вы смеете! — снова завопил Бенедикт Алексеев. — Представителя прессы бьют! Полиция!

— Действительно, пойдёмте поищем полицию! — согласился я и, схватив его за волосы, потащил на улицу. Мои товарищи, включая и девушек, высыпали за мной в жаркий Константинопольский вечер.

На улице, всё так же держа Алексеева за волосы, я быстро выломал длинный тонкий прут из ближайшего кустарника и повёл журналиста по тротуару, приговаривая:

— Вот тебе, скотина, мнение Мартынова! — прут со свистом рассёк воздух и попал Алексееву куда-то по спине. — Вот тебе гениальный поэт! Вот тебе уважение ко мнению общественности!

На каждую фразу приходился удар прута. Мои спутники, смеясь, двигались следом за мной и несчастным, не знающим куда деться от боли и унижения, Бенедиктом Алексеевым. Проезжающие мимо автомобили замедлялись, из окон высовывались любопытные лица и «ладошки», чтобы заснять происходящее.

Вскоре прут сломался и я, плюнув напоследок вслед убегающему Алексееву, утёр пот. Ещё бы: на такой жаре столько руками махать во фраке.

— Ну ты даёшь, Матвей! — подскочил ко мне поэт Чигуриков или как там его настоящая фамилия. Он приобнял меня за плечи и расхохотался. — Отчаянная ты головушка!

Он взъерошил мне волосы. Я подошёл к Елизавете и предложил ей локоть, чтобы она могла взять меня под руку. Веселой компанией мы вернулись за столик. По примеру Антона мы все перешли на «ты»: после произошедшего общаться на «вы» было уже немыслимо.

Мы заказали ещё две бутылки шампанского. Пока мы, возбуждённые приключением, разливали напиток по бокалам, Антон Чигуриков, последние минуты три что-то бормотавший и смотревший в пустоту, вдруг вскочил на сиденье и закричал:

— Экспромт!

Только успокоившиеся после моей выходки посетители ресторана, снова усталились на нашу компанию. Многие достали телефоны, чтобы на случай, если удастся запечатлеть какой-нибудь курьёз.

Антон подождал несколько секунд, пока на нём сосредоточится всё внимание, и затем

прочёл только что сочинённые стихи:

«Бейте Бенечку за каждую сплетню!

Бейте прутом, бейте не плетью!

Сплетник все прутики склеит,

Будет у Бенечки веник!»

Мы снова рассмеялись. Поручик Долгорукий потянул его за рукав:

— Садись уже, поэт!

— Вы поняли, да? — спросил нас с горящими глазами Антон, — если Бенедикта будут бить прутом за каждую сплетню и оставлять ему прут после этого, то скоро он сможет склеить из них целый веник!

— Да поняли, мы поняли, — смеялся, обнимая его лейтенант Козлов.

— Погоди-ка, Антон, — вдруг сказала Елизавета, — так ведь Матвей сломал об него прут! Если все пруты будут ломаться, то у него так никогда не веник не наберётся!

Снова мы покатались со смеху, снова кто-то пролил шампанское.

— Можно из половинок прутов собрать два веника! — предложил Сергей Долгорукий.

Новый взрыв смеха.

— Вы ничего не понимаете в искусстве! — возмущался Антон.

— Да куда уж нам! — хохоча, отвечали мы ему.

— Из-за таких, как вы, графа Озёрского и запишут в гениальные поэты! — восклицал поэт.

— Антоша, — гладила его по плечу Анна Евгеньевна, — они же шутят.

— Поэзия — это не шутки! — отвечал тот, сам уже, впрочем, смеясь.

К нашему столу приблизился полицейский с погонами помощника исправника, то есть, по Табели о рангах, в звании примерно майора пехоты или штабс-капитана в гвардии. С ним были два полицейских рангом поменьше, но тоже нерядового звания.

Очевидно, они пришли сюда, узнав о моей расправе над Бенедиктом. При этом пришли целых три офицера. Значит, рассчитывают, что моих спутников придётся утихомиривать, а поскольку все они — господа знатные, нужно и полицейских присылать таких, у кого много Яра.

Если прислать обычных рядовых или приставов, то Долгорукий и Козлов их и слушать не станут, а Антон и подавно, он — натура артистичная, может и Яр применить. А к полиции в обществе должно быть уважение.

— Помощник исправника Игорев, — представился нам старший офицер. — Извольте следовать со мной, Матвей Михайлович.

— Куда это? — поинтересовался я.

— В участок, — сказал Игорев.

— Может быть вы мне домой повестку в суд пришлёте? — спросил я. — Сами видите, с дамами отдыхаем.

— К сожалению, требуется ваше присутствие для составления протокола, — ответил Игорев.

— А если я здесь вам дам показания? — цепляясь за последний шанс, спросил я.

Игорев подумал.

— Там могут быть моменты, которые вы можете захотеть оспорить, — неуверенно протянул он.

— Да что же тут оспаривать? — удивился я. — Пожалуйста, господа, записывайте!

Один из помощников Игорева достал планшет отечественного, естественно, производства, и стал снимать меня на встроенную камеру.

— Я хотел вызвать Бенедикта Алексеева на дуэль из-за его бесчестной статьи, которая очерняет всю мою семью, — объяснил я, — для чего дал мерзавцу пощёчину. Оказалось, что он мещанского происхождения, а значит, между нами дуэли быть не может. Он начал визжать, что и дальше продолжит писать о нас гадости на своём мерзком сайтике, и я прилюдно отхлестал его прутом. Вот и всё.

Игорев кивнул.

— Записали? — обратился он к помощнику.

— Так точно, — ответил тот и протянул мне планшет.

На планшете было только что снятое видео со мной, а под ним текстом шла автоматическая расшифровка моей речи. Я пробежал текст глазами.

— Всё верно? — спросил меня Игорев.

— Да, — сказал я. — Но, вообще-то, я хочу добавить ещё кое-что.

— Секундочку, — помощник Игорева, снова направил на меня планшет. — Продолжайте, прошу вас.

— Прошу учитывать, что я отхлестал господина Алексеева как частное лицо. Свободу слова я уважаю и считаю, что долг журналиста — сообщать людям правду. Просто конкретно этот журналист позволил себе ложные утверждения, порочащие как мою семью, так и меня лично. За это я его и отхлестал. Как человека, но не как журналиста.

— Это всё? — спросил Игорев.

— Да, теперь точно всё, — подтвердил я.

— Тогда подпишите, будьте любезны, — ответил тот.

Я пальцем расписался под текстом и, достав идентификационную пластиковую карточку цвета русского флага и с чёрным двуглавым орлом на жёлтом фоне в нижнем углу, приложил её к сканеру, поставив тем самым цифровую подпись.

В карточке была закодирована вся моя персональная информация от национальности и сословия, до группы крови и статуса резервуара. У безродных людей на карточке графа резервуара не печаталась вообще, у меня же, как у княжича и дворянина, она была, но там стоял беспрецедентный в истории статус «п». То есть, пуст.

— Могут быть ещё чем-то полезен? — поинтересовался я.

— Нет, на этом всё, Матвей Михайлович, — Игорев и его помощники щёлкнули каблуками, — на этом мы отклоняемся. Повестка вам придёт на домашний адрес.

— Всего хорошего, — попрощались и мы.

«Надо бы не забыть найти хорошего стряпчего» — подумал я. — «Или лучше адвоката?»

Стряпчими в допетровские времена называли личных слуг царя. Теперь же стряпчим назывался юрист, который, в основном, вёл внесудебные переговоры, решал финансовые вопросы. Этим он отличался от адвоката, который бы мне понадобился уже в суде, чтобы отстаивать мою невиновность. Но что-то мне подсказывало, что такой бесчестный человек, как этот журналист, легко может согласиться взять деньги, вместо того чтобы судиться.

За время разговора мы как-то успокоились, и дальше вечер пошёл менее бурно. Например, кто-то снова спросил меня о подробностях дуэли моего кузена Валерия с графом Григорием Озёрским. И на этот раз мне удалось рассказать историю без того, чтобы меня бесконечно перебивали.

Елизавета Георгиевна после того, как я отхлестал прутом у всех на глазах грязного писаку Бенедикта, а потом при всех же вернулся в ресторан с ней под руку, не спускала с меня влажного взгляда своих красивых глаз.

Вдруг у неё зазвонил телефон. У неё была та модель с огрызком яблока, которую мне сегодня предлагали в магазине. У остальных девушек, кстати, тоже. Должно быть, какая-то женская мода.

— Матвей, мне позвонил отец. Оказывается, во всех новостях уже сюжет с тобой и Алексеевым! — сказала она, — только вот отцу не очень понравилось, что я там тоже присутствую. Поэтому сейчас меня забирают домой. Проводи меня!

— Да я, пожалуй, тоже тогда домой отправлюсь, — решил я, — господа, дамы, было исключительно приятно с вами познакомиться! Прощу вас, не вставайте, не нужно!

Елизавета снова взяла меня под руку, и мы, слегка пошатываясь, вышли на улицу. Туда уже подъехал «Руссо-Балт» Аматыни без гербов. Подскочивший валет открыл заднюю дверь машины, чтобы туда села фрейлина Елизавета Георгиевна.

Она взяла меня за руки:

— Я буду ждать нашей следующей встречи, Матвей, — прошептала она. Не успел я ответить, как она скрылась в салоне машины.

Я проводил уезжающий со стоянку автомобиль взглядом, развязал галстук-бабочку, и пошёл пешком в сторону моря. Стояла густая чёрно-синяя южная ночь. Поначалу я подумал позвонить Тарасу, но вдруг кое-что понял.

Сейчас ночь и поблизости никого. Яра у меня более чем достаточно. Значит, мне не нужна машина, чтобы добраться домой! Я взял себя в руку. В том смысле, что поднял себя Яром, визуализировав поднимающую меня в небо огромную руку.

Наверху было хорошо, и я понёс себя в сторону моего дома, любуясь ночным видом моего Константинополя. Я полетел в сторону средиземного моря.

«Когда я летал в прошлый раз?» — начал вспоминать я. — «Когда врезался в Лену Бенесову, которая хотела поиграть на флейте на моей крыше, а в итоге затащила меня в постель. Впрочем, Елизавета Георгиевна тоже сегодня в некотором роде сыграла на флей... Так», — оборвал я себя. — «Во-первых, смеяться над проявлением девичьей нежности плохо, а во-вторых, когда же я летал в последний раз?»

«Вчера я разговаривал с Василием Петровым, секундантом графа Озёрского и налетел на бандитов в квартире во время полицейской облавы на Пиратского», — снова начал

вспоминать я. — «А позавчера? Третьего дня я разговаривал с дедом о наследовании Яра и встретился с усачом в переулке. Значит, летал я и познакомился с Леной поза-позавчера».

С этими мыслями я долетел до моря. На бреющем полёте я пролетел над водной гладью и снова взмыл вверх. Этого мне показалось мало. Я уже собрался осуществить следующую задумку, как в последний момент я вспомнил о своём новом телефоне. Я достал его из кармана и сформировал из Яра что-то вроде шара, внутри которого в абсолютном вакууме находилась моя «Нокиа». От этого шара тянулась тонкая нить Яра к моей руке.

Теперь можно было делать задуманное. Как был, прямо во фраке, с высоты своего полёта я нырнул в воду. От паденияхватило дух, и в тёплую воду я вошёл метра на три. Это было восхитительно. Я снова взмыл в небо и снова нырнул. И снова. И снова. Наконец, я утомился и прислушался к своему резервуару. Потратил Яра я прилично, но оставалось ещё много.

Представьте следующую картину. Звонит телефон. Большой экран светится, отображая имя звонящего. Вокруг «ладошки» темнота. Потому что она висит в ночном небе над ночным морем. По воздуху приближается едва различимая во тьме фигура. Это я в чёрном, и ещё больше потемневшем от воды фраке, лечу к своему висящему в вакуумном яровом шаре телефону, ориентируясь по тонкой ниточке Яра, которая тянется от шара к моей руке.

— Алоу, — ответил я на звонок.

— Матвей, — услышал я голос отца. Началось. — Ты что вытворяешь?

Находясь в эйфории от событий последних дней, я посчитал гнев отца довольно забавным.

— Кто это? — спросил я, как будто не видел определившийся номер и не узнал голос собственного отца.

Вопрос поставил отца в тупик. Не мог же он начать объяснять себя, говоря что-то вроде: «Это вас Михаил Юрьевич Мартынов беспокоит, ваш батюшка».

Представив это, я чуть не захохотал в голос.

— Ты это серьёзно? — наконец спросил отец.

— Отец, это ты? — снова притворился я. — Просто я же телефон сменил.

— Да, Матвей, это я, — отец, кажется, был недоволен, но по факту ко мне не могло быть претензий.

— В таком случае, здравствуй, папа, — перебил я его.

Раз уж он уже зол, терять мне особо нечего.

— Здравствуй, Матвей, — автоматически вежливо ответил отец. И снова спросил, — ты что вытворяешь?

За последние дни я столько всего сделал тайком от родственников, что даже не совсем понимал, о чём он именно говорит.

— Прежде чем я отвечу, — произнёс я, — не мог бы ты уточнить, о чём речь?

Я снова чуть не засмеялся, вспомнив, что ещё вчера, когда меня побили бандиты в квартире на улице Пиратского, во время моего неудачного паркур-путешествия, я всерьёз хотел избежать задержания полицией и объяснения с отцом или дедом.

После того, как на моих глазах Валерий превратил графа Озёрского в дождь из красных капель, после волшебных мгновений с моей прекрасной фрейлиной, после публичной экзекуции, которую я оформил Алексееву за его хамскую заметку, мне казалось, что задержание полицией мои старшие родственники восприняли бы как меньшее из зол.

— Прилюдно отхлестал представителя прессы прутом! — воскликнул отец.

Задумавшись, я совсем позабыл о разговоре с ним.

— Ах, это! — облегчённо вздохнул я. — Да я бы и сейчас это с удовольствием сделал ещё раз. Ты видел его заметку о нас?

— Видел-видел, — ответил Михаил Юрьевич, — но ты мог бы сообразить, что после дуэли Валерия, нам нужно вести себя подчёркнуто правильно? Иначе мы будем выглядеть обнаглевшими от собственной безнаказанности князьками?

— Так я ведь и поступил правильно: я хотел вызвать его на дуэль, но оказалось, что он не дворянин. Посуди сам, отец, если мы позволим всякой швали писать о нас свои отвратительные замечки, по причине того, что «мы должны вести себя правильно» после дуэли, — возразил я, — то тем самым мы покажем окружающим, что стыдимся того, что один из нас убил дуэли на противника, который, к тому же, и сам его вызвал!

— Хм, — задумался отец.

— Вызвать я его не мог, вот и отхлестал прутом. И обрати внимание, он сам ко мне пришёл просить прокомментировать поединок Валерия. Пришёл в ресторан, где я отдыхал с дамами и, между прочим, с Сергеем Долгоруким, если тебе знакома такая фамилия.

Естественно, фамилия Долгоруких всем знакома.

— Ты, кажется, думаешь, что я не знаю, с кем ты там отдыхал? — саркастично произнёс отец. — Но я знаю. А знаешь, откуда? Оттуда, что он уже написал новую заметку, где, конечно, не постеснялся упомянуть громкую фамилию Сергея. Как и нашу с тобой.

— Вот ведь подлец! — удивился я.

— Да, ему ни капли не стыдно, — согласился отец, — наоборот, он рад использовать своё унижение как повод для очередной своей заметки.

— Даже не знаю, что теперь и сказать, — ответил я.

— Вот и не говори, а подумай стоил ли твой поступок того, — сказал отец, — доброй ночи, Матвей.

— Доброй ночи, папа, — ответил я и услышал короткие гудки.

Пора возвращаться. Я полетел в сторону дома. Ночь была очень жаркой, как и обычно, но на мне была мокрая одежда, к тому же, скорость моего полёта была такова, что от сопротивления воздуха образовывался ветер. Всё вместе это давало мне ощущение приятной прохлады.

С высоты полёта я свой дом узнал не сразу, поначалу пролетев немного дальше, чем нужно. Когда я осознал свой просчёт, я немного покружил над своим районом, пока, наконец, не увидел крышу своего жилища.

Поначалу я намеревался спуститься сразу на неё и с крыши пройти к себе в комнаты, но вовремя вспомнил, что Тарас не в курсе появления у меня Яра. Поэтому я приземлился в стороне на расстоянии нескольких домов и медленно, наслаждаясь прогулкой, направился в сторону дверей моей квартиры, выходящих прямо на улицу.

Шёл я таким образом около пяти минут, когда вдруг на меня сзади и как будто сверху, набросилась какая-то фигура. Я скорее даже почувствовал, чем услышал. Приключения последних дней научили меня быть готовым ко всему, поэтому я выставил вокруг себя твёрдый щит из Яра раньше, чем осознал это.

Фигура ударилась об него и шлёпнулась на брусчатку тротуара.

— Ай! — услышал я вскрик.

Что-то не похоже это было на серьёзное нападение. Я обернулся. Передо мной лежала Лена Бенесова.

— Лена, ты в порядке? — я протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

Вместо ответа она лягнула меня по ноге. Это было довольно опрометчивым решением с её стороны, так как я всё ещё держал щит из Яра.

— Ай! — снова вскрикнула она.

Её поведение меня озадачило. Почему она меня бьёт? Ни одна знакомая дворянка ни разу не пыталась меня ударить, не говоря уже о простолюдинках. Может быть, так низкородные люди общаются между собой?

— Лена, — спросил я, — за что ты меня бьёшь?

— Дубина, — недовольно пробурчала она, поднимаясь, — я хотела просто неожиданно обнять тебя сзади. Прыгнула с помощью Яры. Ударилась об тебя, упала, разозлилась, захотела ударить тебя ногой, и снова ударилась. Что тут непонятного?

— Действительно, — сказал я с иронией, которой она, впрочем, не заметила. — Так ты в этом доме работаешь?

Она посмотрела на окна дома, возле которого мы находились.

— Ага, — сказала она и потянула меня за рукав, — давай отойдём, а то хозяева недовольны будут, что я у них под окнами дерусь и валяюсь.

Мы отошли.

— А чего ты мокрый-то? — она понюхала руку, которой трогала меня за рукав, — в одежде купался, что ли?

— Да, купался, — подтвердил я.

— Неужели тебе столько платят, что можешь купаться в таком фраке? — удивилась Лена.

«Ах, да, она же думает, что я — прислуга» — вспомнил я.

— Долго объяснять, — ответил я, — этот фрак мне отдал хозяин и велел в нём искупаться. Он вообще большой оригинал.

— Это как? — не поняла книжного выражения Лена.

— Ну, любит всякие оригинальные, необычные выдумки, — объяснил я.

— А куда ты пропал? — спросила Лена, — Я приходила как-то раз, там мужик этот...

— Тарас, — подсказал я.

— Внутри меня не пустил, про тебя вообще ничего не сказал, — сказала она.

— Да, он мне рассказывал, — ответил я и тут же пожалел об этом.

— А чего это ты не дал о себе знать тогда, раз он тебе рассказывал? — воскликнула Лена и попыталась меня толкнуть.

Так как я был всё ещё под Яровым щитом, она с тем же успехом могла толкать дом. И точно так же ушибить руки.

— Да убери ты эту защиту свою! — возмутилась она.

Я убрал.

— Убрал, — поставил я её в известность. И снова пожалел, поскольку она толкнула меня своими маленькими ручками в грудь так, что я чуть не упал.

— Почему не пришёл или не позвонил? — спросила Лена, сверкая зелёными глазами. — Поматросил и бросил, значит?

«Что такое «поматросил и бросил?» — подумал я. Кажется, моё незнание простонародного арго, в смысле сленга, может выдать перед Леной моё аристократическое происхождение.

— Я был очень занят, — даже не соврал я. И тут же соврал: — с таким хозяином, то во

фраке по ночам купаюсь, то ещё что-нибудь.

— А что ещё, расскажи? — заинтересовалась Лена Бенесова.

— Ну... — начал выдумывать я. — То, говорит, давай кровать, да и всю остальную мебель, к потолку приделаем, чтобы была перевернутая комната, значит. Мы с Тарасом возимся-возимся, а он говорит, ладно передумал, давайте всё обратно возвращайте, как было.

— А ещё? — спросила она.

— То, говорит, нарисуй мой портрет. А я и рисовать-то не умею. Он на результат посмотрит и говорит: «Надо выставку твоих работ организовать». Катаю его целый день по городу, по картинным галереям. Он везде меня с собой таскает и показывает: вот, мол, в прислуге талант проснулся. Распорядители галерей хохочут, до слёз даже доходит, — продолжил дальше выдумывать я.

Лена захохотала, показывая красивые, очень здоровые на вид зубы. Чего-чего, а хорошего настроения ей было не занимать.

— А как зовут твоего хозяина? — поинтересовалась она.

Я замялся. Ложь заходила слишком далеко.

— Слушай, Лена, — предложил я, — давай потом поболтаем, мне правда нужно идти. Скажи мне свой номер...

Я вынул ладошку из кармана.

— Ого, — удивилась она, — такой же рублей пятьсот стоит. Ты займ, что ли, брал?

— Да нет, хозяин отдал, — опять соврал я, — говорит, это прошлый век, самому по телефону разговаривать.

— Интересно, — с сомнением сказала она. Но номер всё же продиктовала.

Я сделал дозвон, чтобы мой номер у неё определился.

— Лена, мне нужно бежать, — я снова чуть было не потянулся целовать ей руку, спасло только то, что она её не подала. Вместо этого, когда я наклонился к ней, она подставила свои губы.

— А когда у тебя хозяина снова не будет дома? — шепнула она. — Я бы к тебе заглянула.

— Я обязательно позвоню, — ответил я. — До встречи, Лена.

Мягко освободившись от её объятий, я быстрым шагом отправился в сторону дома. Там меня встретил Тарас.

— Матвей Михайлович, — начал он гундосить, как только я появился на пороге квартиры, — что же вы делаете? Сказали бы мне, я бы сам этого Бенедикта прутом отходил...

— Всё, Тарас, — беззлобно оборвал я его, — я совсем недавно разговаривал на эту тему с отцом. Я не знал, что он мещанин и поначалу вообще вызвал его на дуэль.

— А будь он благородным, и согласись на дуэль, что бы вы сделали? — полюбопытствовал Тарас.

— Вероятно, попытался бы устроить дуэль на пистолетах, — пожал я плечами. — Или на кулаках даже, в крайнем случае.

— Не дело это, Матвей Михайлович, — укоризненно покачал головой Тарас, — руками махать, как кумушки за чаем. Неблагородно.

— Согласен, — кивнул я, — но я бы выбрал это только, если бы не получилось устроить дуэль на пистолетах.

— Тут, кстати, женщина одна крутилась, — сказал дядька, — С синими волосами, татуированная вся. Сказала, что журналистка из этого, как его там. Забыл.

«Ну само собой» — подумал я. Запоминать имена, факты и названия было для Тараса сущим мучением, и мы, в нашей семье, об этом знали и, следовательно, старались оградить беднягу от этой непосильной для него задачи.

— И что же она? — спросил я.

— Да ничего, про вас спрашивала, я ей дал от ворот поворот, — ответил Тарас, снимая с меня мокрый фрак. — А почему вы весь мокрый? Застудитесь же.

— Тарас, — закатил глаза я, — ты же отроду севернее Екатеринодара не бывал! Откуда ты взял вообще, что летом можно застудиться?

— Как это не бывал? — с обидой спросил Тарас, — в Фарго был с Их Сиятельствами, вашими дедом, батюшкой и братом его Николаем Юрьевичем.

Я замер от удивления.

— Ты. Был. В. Фарго? — раздельно, чётко выговаривая слова, чтобы убедиться, что мы друг друга полностью поняли.

— Был, — важно ответил Тарас, — отчего ж не быть.

— А почему я об этом не знал? — спросил я.

— Так это ж до вашего рождения было... — промямлил дядька.

— Я знаю, когда это было! — воскликнул я, — почему же ты мне не рассказывал?

— Да что тут рассказывать, Матвей Михайлович? — удивился Тарас. — Дед ваш в Америке скупал землю. В какой-то момент купил большой участок в штате... как его...

— Канзас? — подсказал я, снова забывшему название Тарасу.

— Да, Канзас или Арканзас, или ещё какой-то канзас, — кивнул тот, — купил он его, значит, а потом выясняется, что компания из города Фарго, которая участок продавала, никаких прав на продажу не имела.

— То есть, мошенничество? — уточнил я.

— Оно самое, как есть, — согласился Тарас. — Князь с сыновьями прилетал участок осматривать, так вот он, как про это услышал, своего представителя в Фарго отправил. Вскоре тот вернулся и сказал, что ничего поделывать не может, так как всё по закону. Разве что долгую тяжбу начинать.

— Представляю реакцию деда, — хохотнул я.

— Я помню, как ваш отец зашёл в комнату, и сказал: «Тарас, мы едем в Фарго», — Тарас поднял глаза, вспоминая. — Князь решил лично переговорить с этими мошенниками. Заходим мы в их офис в небоскрёбе. Любят они это уродство стеклянное из бетона, а я считаю, что такие высокие дома это в Китае каком или где там ещё они на головах друг у друга живут...

— Тарас, — окликнул я отвлётшегося дядьку, — Фарго.

— А, ну да, — опомнился тот, — князь с ним несколькими фразами перекинулся и понял, что это подставное лицо в конторе сидит. Веди, говорит, к главному. Тот говорит, не велено беспокоить. Ну я его слегка Яром прижал по болевым точкам, и он пошёл с нами. На нашей машине доехали до особняка. Большой такой, с охраной. Он позвонил, и ворота открылись.

— А дальше, что же? — сгорал от нетерпения я.

— Дальше мы все вместе зашли, и нас окружила охрана с оружием. Вышел хозяин дома. У него по одному только выражению лица понятно было, что он разбойник, за копейку прирежет. Князь тоже это понял и говорит нам: «Держите».

— Что держите? — не понял я.

— Щиты, — ответил Тарас, — и мы стали держать. Чтобы пули нас и князя не задели. А князь стал их, значит, одного за другим, не торопясь, очень кроваво наказывать. Одного пополам рассёк, так, что без звука две половинки на пол упали. Другого как тряпку скрутил и выжал. Третьего просто в кучу сжал, до размера мяча футбольного. А пули от наших щитов из Яра отскакивали. Как дождик по стеклу стучали.

— И что же с деньгами? — спросил я.

— Князь этого хозяина дома напоследок оставил. Когда стрелять стало некому, князь повернулся к нему и сказал, что за каждый рубль, который князь на этой сделке потерял, возьмёт с него квадратный сантиметр плоти.

«Американцу повезло, что не за каждый доллар» — подумал я. Рубль стоит тридцать долларов, потому что за каждый рубль пришлось бы отдать больше, чем рублей.

— Правда, американец этот, наверное, не понял, что такое «сантиметр», — продолжил Тарас, — у них же там фунты или футы или как там... В общем, князь ему показал на деле, что имеет в виду. О возврате денег речь не шла. Просто князь силой своего Яра стал вырывать у него сантиметр за сантиметром из тела.

— И что же американец? — спросил я.

— В конце концов, он отдал и деньги, и землю. Очень просил взять и в ноги кланялся. А князь поначалу ещё не соглашался. Говорит: «Я тебе заплатил определённую сумму за определённую площадь. Ты землю решил не отдавать, значит я эту площадь возьму в другом месте, а землю можешь и себе оставить». Когда мы уходили с деньгами и бумагами на землю, пол там весь был мокрым и красный.

— Да уж, — выдохнул я, впечатлённый приключениями моих старших родственников. — А потом что было?

— А потом мы поехали в эту... Майму, что ли? Жарко там ещё, — начал вспоминать Тарас. — Сериал ещё есть такой. Полиция Маймы, что ли?

— Майма — это город в Алтайской губернии, Тарас, — сказал я, — может быть, Майами?

— А ну вот, да, Майами, — подтвердил тот, — купались там, а девки местные там голыми загорают. С Яром там только мы были, так князю с сыновьями пришлось на яхте в море выходить, чтобы отдохнуть от их домогательств спокойно. Ну и мне, конечно, внимание оказывали...

Тарас задумался вспоминая, кажется, голых и загорелых флоридских девок.

— Одного не пойму, — сказал вдруг он.

— Ну? — спросил я.

— Посмотреть и потрогать их, конечно, приятно, но кто, а главное, зачем потом на них женится? — задумчиво поскрёб затылок Тарас. — Ладно, я с Яром, ко мне они сами лезут. А вот другой какой мужик, американский, ему же ещё небось добиваться её надо? После того как она голой задницей перед целым пляжем вертела? И не только вертела... Глупость какая-то.

— Да, точно, — согласился я. — Глупость и есть.

История с Фарго была чем-то вроде небольшой семейной легенды. Все, включая слуг знали, что там что-то произошло. Такое, что самому князю пришлось туда отправиться, чтобы разобраться. Но детали не рассказывались. И вот я, дожив бок о бок с Тарасом до восемнадцати лет, узнаю, что он там был и принимал участие. Вот так новости.

— Хорошо, Тарас, — сказал я, — ужинать я не буду, а буду я спать.

Я поднялся к себе, разделся и, быстро смыв с себя морскую соль, завалился спать.

Снился мне неприметный господин, агент Его Величества, который пытал меня, проверяя, есть ли у меня Яр. Во сне я встретил его в Парящем дворце во время моей смены и, имея на этот раз силу, решил с ним поквитаться за пытку. Однако он постоянно использовал какие-то неожиданные приёмы с Яром, снова и снова уходя от моих атак и атакуя в ответ. Я проснулся около двух часов ночи с ощущением проигранного боя.

Я сел на кровати и задумался. Не пора ли мне начать тренироваться с Яром, раз уж он у меня периодически появляется? Но для этого нужно нанимать инструктора, а все инструкторы — это официально зарегистрированные чиновники, которые обязаны сдавать отчётность о своих учениках.

То есть, о том, что у меня есть Яр, стало бы известно неприметному господину, который может опять заинтересоваться смертью Гуриели. Само по себе это небольшая проблема. Проблема в том, что я не знаю, как отнёсся бы мой дед к тому, что мой резервуар Яра пополняется нестабильно и непредсказуемо. Всё это сулило большие хлопоты и беспокойства, чего я совершенно не любил.

Может быть, есть какие-нибудь нелегальные учителя? Среди бандитов, как я знаю по своему опыту, тоже встречаются люди, обладающие Яром. Например, усач Фануччи, преступный авторитет, с которым я столкнулся на улице Пиратского, был таким. Но, опять же, он был очевидным самоучкой.

Более того, его главенствующее положение в этом районе обеспечивалось тем, что он был единственным из всего местного преступного мира, кто обладал Яром. И тем не менее, он проиграл битву мне, человеку совершенно неопытному. Значит, культура использования Яра у преступников развита слабо.

Так и не придя ни к какому выводу, я решил снова улечься. Только я закрыл глаза, как «ладошка» подала сигнал о входящем вызове. От неожиданности я подскочил на кровати. Я схватил трубку и увидел, что это номер фрейлины Елизаветы Георгиевны Амадуни. Девушка, вероятно, не могла уснуть и решила поболтать.

— Привет, Лиза, — ответил я как можно мягче, хотя на самом деле я был раздражён резким звонком телефона.

— Матвей, мне страшно! — услышал я голос фрейлины. — К нам приехал князь Гуриели со своими людьми. Они сейчас внизу разговаривают с моим отцом и братом.

— Они вам угрожают? — спросил я, помня о взрывном нраве покойного княжича: я предполагал, что его отец, князь Гуриели, едва ли обладает более сдержанным характером.

— Я не знаю, о чём они говорят, — тихо ответила Лиза, — но это связано со смертью княжича в Парящем дворце.

— Может быть, вызвать полицию? — предложил я.

— А что сделает полиция? — ответила вопросом фрейлина, — пока ничего не происходит, а потом, если начнёт происходить, может быть уже поздно вызывать.

— Хорошо, — я принял решение, — я сейчас буду, позвоню, как буду приближаться.

— Спасибо, Матвей, — услышал я и сбросил вызов.

Тихо, чтобы не проснулся Тарас, я отыскал в гардеробе свой второй беговой костюм, так как первый костюм находился где-то внизу у Тараса: он забрал его на стирку.

Одевшись, пристегнув защиту и надев маску, я прокрался на крышу и привычно уже взлетел. Полёты над ночным Константинополем начали становиться моим рутинным занятием. Мне это нравилось.

Полёт занял у меня минут десять. Когда я увидел вдали дом князя Амадуни, то достал телефон из нагрудного кармана и позвонил фрейлине:

— Лиза, я рядом, — сказал я, — включи и выключи два раза свет, чтобы я понял, где ты.

— Сейчас, — ответила она, — видишь?

Я ничего не видел, значит, её окна выходили на другую сторону.

— Пока нет, — сказал я, — я перезвоню тебе, когда буду с твоей стороны дома.

Я приблизился к дому. Внизу виднелось три тёмных силуэта машин. Судя по всему, на них и приехал князь Гуриели со своими людьми. Горящие огни большого четырёхэтажного особняка Аматуни создавали прекрасную иллюминацию. Для моей цели, а именно скрытного проникновения, конечно, было бы лучше, если бы было темно.

Я подлетел к окну второго этажа и заглянул. Внутри я увидел большую лестницу, спускающуюся в просторный холл на первом этаже. В холле горячо жестикулировали несколько черноголовых мужчин. Кто из них отец моей Елизаветы, а кто князь Гуриели, я мог только предполагать.

Чёткого плана у меня не было. Я прислушался к себе. Яра было ещё много, хотя я потратил заметное количество на полёт. Я снова вытащил «ладошку» и позвонил фрейлине. Динамик в нём был весьма громким, и в ночной тишине её голос прозвучал довольно громко:

— Матвей! — я быстро убавил звук, оглядываясь по сторонам. Кажется, никто не услышал. — Где ты?

— Я на втором этаже твоего дома, — прошептал я, — вижу через окно твоего отца и Гуриели, но не знаю, кто есть кто.

— Мой отец без усов, — ответила Елизавета Георгиевна, — а мой брат в белой рубашке.

Я снова посмотрел в окно и нашёл взглядом подходящего по возрасту мужчину без усов. Это, значит и был князь Георгий Аматуни. Был он среднего роста полноватым мужчиной лет пятидесяти, с чёрными с проседью волосами. Затем я увидел молодого парня лет двадцати в белой рубашке. Это, значит, у нас брат Елизаветы. Что ж, ситуация прояснялась.

— Ага, вижу, — сказал я, — ваши люди все в ливреях вашего дома?

— Вроде бы, да, — неуверенно ответила Лиза, — я не знаю точно, могу выглянуть посмотреть.

— Нет, пока не надо, — возразил я. — Всё равно, вряд ли дойдёт до сражения.

— Я сейчас буду с другой стороны дома, — предупредил я фрейлину Елизавету, — ты одна в комнате?

— Нет, с сестрой, — ответила она.

— Можешь её выпроводить? — спросил я, уже зная ответ.

— Нет, ей страшно будет одной, да и мне тоже, — сказала Елизавета Георгиевна.

— Она знает, кому ты звонишь? — уточнил я. — Нам нужно соблюдать секретность.

— Ну, — замаялась фрейлина, — не совсем...

— Ладно, сейчас нет времени, — оборвал я её, — но постарайся не рассказывать больше ничего. И ещё: я буду в маске, не пугайся.

Используя свои навыки паркура и кое-где немного помогая себе Яром, я добрался на другую сторону дома по наружной стене. Ближайшее ко мне окно было открыто, внутри было помещение со всякой всячиной. Моё внимание привлекла ливрея, которую носили слуги этого дома. Я забрался через окно и натянул её на себя. Ливрея была мне маловата, но выбирать мне не приходилось.

Я снова позвонил Елизавете и выглянул в окно:

— Лиза, пощёлкай выключателем опять.

На этот раз я увидел, как через два окна вправо и одним этажом выше от меня погас и снова зажёгся свет.

— Вижу, открывай окно, — распорядился я.

Окно открылось и, не прошло и полминуты, как я уже забирался в него. Это была девичья спальня. Непонятно только, Елизаветы Георгиевны или её сестры.

Там меня встретили моя фрейлина и девушка лет пятнадцати.

— Ой, а почему ты в маске? — спросила Елизавета Георгиевна. — И в нашей ливрее?

— В маске я, чтобы не узнали, а в ливрее, чтобы если начнётся бой, не попасть под горячую руку тех, кому буду помогать, — ответил я.

— Это моя сестра Алёна Георгиевна, — Лиза показала на девушку. Была она такого же роста, как сестра и такая же красивая. — Алёна Георгиевна, это...

Я дёрнул её за руку, чтобы она замолчала.

— Что? — спросила меня Елизавета.

Я чуть не завыл. Я дёрнул её за руку, чтобы без слов дать понять, что называть моё имя не нужно. Если придётся объяснять, то тогда мой скрытный маневр прошёл зря.

— Сейчас не важно, как меня зовут, — мрачно сказал я.

На этот раз Елизавета Георгиевна поняла. Ещё бы. Если бы она начала спрашивать «а почему?», «а что такого?» и прочее в этом духе, я бы просто из окна выскочил, причём не для того, чтобы улететь, используя Яр, а для того, чтобы разбиться о землю насмерть и покинуть этот мир, где нужно объяснять очевидные вещи.

Я тихо подошёл к двери и отворив её так, чтобы образовалась небольшая щёлочка, выглянул. В коридоре не было никого, но и обзора на происходящее внизу у меня не было никакого. Я шепнул Лизе:

— Я пойду дальше наблюдать, если что — звони. Ну или кричи.

Выскользнув в коридор, я прокрался до его конца и оказался на внутреннем балконе. Внизу меня ругались князя Аматауни и Гуриели. А вот напротив меня была огромная люстра. Мне пришла в голову блестящая идея: с помощью Яра мягко приземлиться на неё, чтобы с удобной позиции наблюдать за развитием событий.

Не откладывая в долгий ящик, я приступил к осуществлению задуманного. Взлетел, затем быстро и бесшумно приземлился на люстру. Люстра слегка покачнулась под моим весом. Я притаился. Конструкция этой люстры была такова, что снизу она была непрозрачной посередине. То есть, снизу меня увидеть было нельзя.

Вдруг у меня громко зазвонил телефон. Я молниеносно выхватил его и, кнопкой выключив звук, посмотрел на экран, ну, конечно же. Тарас, кто же ещё. Отвечать я не стал и убрал «ладошку» обратно. Я подобрался к краю люстры, чтобы взглянуть вниз, чтобы выяснить, обратил ли кто-нибудь внимание на странный звук над их головами.

То ли от моей возни, то ли просто от воздействия моего веса, то ли от всего вместе, люстра беззвучно сорвалась со своего крепления на потолке и полетела вниз прямо на спорящих внизу мужчин.

В последнюю минуту я поймал её силой своего Яра. Теперь я был в довольно глупом положении: я левитировал под потолком дома, куда незаконно прокрался со скрытым лицом, как тать в ночи. На левитацию у меня каждую секунду понемногу тратился Яр, ещё сильнее он тратился на то, чтобы удерживать на весу страшно тяжёлую люстру двух метров в диаметре.

Таким образом я мог продержаться, ну, минут пятнадцать. Звать на помощь и потом объяснять, кто я такой, мне совершенно не хотелось. Бросать люстру, рискуя убить отца Елизаветы Георгиевны, к которой я ничего кроме добрых чувств не испытывал, означало бы её расстроить, чего я совершенно не хотел.

Более того, князя Аматауни многие поколения были верны русским царям, постоянно выдавали своих дочерей за русских дворян и, являясь влиятельным родом в Грузинской губернии, показывали положительный пример другим местным дворянам.

Уронить люстру на такого ценного для моего Отечества гражданина мне показалось ещё бóльшим преступлением, чем расстроить мою прекрасную фрейлину и её почти такую же прекрасную сестру.

Тем не менее, время шло, и нужно было принимать какое-то решение. И я его принял. Я отпустил люстру и, сформировав волну Яра, отбросил князя Аматауни, а также всех, кто стоял с ним рядом, из зоны падения люстры.

Что же касалось Гуриели и тех, кто был с ним, то они были неприятны мне лично. К тому же, род Гуриели, как мне было известно, состоял в конфликте с Аматауни в том числе из-за верности Аматауни престолу и бракам женщин Аматауни с русскими дворянами. Поэтому я решил сэкономить Яр и спасти никого из них не стал.

У князя Гуриели или у кого-то из его людей была хорошая реакция: падающая люстра разбилась о защитный колпак из Яра, который кто-то из них успел выставить. Раздался страшный грохот. Те из людей Гуриели, кого защита укрыла не полностью, заорали от боли.

Особенно досталось одному несчастному: ему отлетевшая часть люстры оторвала руку в районе локтя. Впервые в жизни тогда я увидел технику, подобную той, которую он

применил. Он, весь белый от боли и потери крови, сформировал из Яра что-то вроде насадки на руку и ей остановил кровь.

Вдруг обломки люстры поднялись в воздух и полетели в сторону князя Ааматуни и его людей. Те, однако уже опомнились и стали защищаться. В следующую секунду внизу под мной уже кипела битва. Каждая из сторон думала, что первым атаковал их противник. Гуриели со своими людьми, кажется, отступать не собирался. По всей видимости, он и приехал сюда с тем, чтобы затеять конфликт.

Что только они не делали! Во все стороны летели обломки предметов, яровые атаки сталкивались с яровыми защитами. Не осталось забытым и старое доброе огнестрельное оружие. Один из людей Гуриели выхватил напоминающий букву «Т» пистолет-пулемёт и дал очередь. Пули полетели в стены и яровые щиты.

Огнестрельное оружие активно использовалось человечеством с момента его изобретения. Те факты, что в Российской империи многие владели Яром и что, как я знал от деда, через несколько поколений планировалось иметь полностью владеющие Яром сто процентов населения, не отменяли возможности использования этого эффективного для устранения противника инструмента.

Всё дело в скорости. Скорость пули быстрее скорости звука, либо почти равна ей, увидеть её невозможно. Яровые атаки, управляемые вручную, противник может почувствовать и блокировать примерно так же, как может увидеть и блокировать удар шпаги. Удар пуль же можно остановить только выставив щит. Причём пуля, из-за большой кинетической энергии служит отличным инструментом для перегрузки щитов противника, вынужденного тратить Яр на его поддержание.

Человек Гуриели быстро израсходовал патроны, так как выпустил весь запас магазина за одно нажатие на спусковой крючок. К слову сказать, по слухам, существовали специальные техники использования Яра, позволяющие разворачивать пули по дуге обратно в того, кто их послал. Насколько эти слухи правдивы, я пока что судить не берусь.

Битва продолжалась, человека три уже лежало на полу не шевелясь. В какой-то момент князь Гуриели взлетел в воздух, держа защиту так, чтобы её не пробивали атаки снизу.

«Что ж, это драка, а не дуэль» — рассудил я и накинул князю на голову вакуумный колпак из Яра. Примерно такой же, в каком держал над морем телефон во время моего ночного купания несколько часов назад.

Любой, кто воевал, знает, что война — это не честный поединок один на один, нет. Война — это когда десять человек поджидают одного и убивают его из засады до того, как он вообще понимает, что произошло. А потом счастливыми победителями возвращаются домой к любимым. То же касается драк с разбойниками и прочими отличными от поединков чести событиями.

Гуриели захрипел, задыхаясь, и, забыв о защите, сосредоточил все свои усилия на том, чтобы сбросить вакуум со своей головы и снова получить возможность дышать. Я не знал, какого класса резервуар у князя, но, учитывая, размеры моего, я мог спокойно тягаться с ним силами.

Другой разговор, что боевого опыта с Яром у меня было мало и действовал я всегда интуитивно, а тренирующийся с детства князь, да ещё, наверняка, бывший на какой-нибудь войне, мог применить какой-нибудь хитрый неожиданный приёмчик.

Но, к добру, к худу ли, до этого не дошло. Как только Гуриели перестал держать защиту от атак снизу, в него вцепились Яром люди Ааматуни. Тело князя с большим ускорением

ринулось вниз. В отличие от его головы, которую я держал в вакуумном колпаке с фиксацией на шее. Тело с неопишваемым звуком шлёпнулось на землю, голова же осталась висеть в двух метрах подо мной, удерживаемая моим Яром.

Такого я не ожидал. Я собирался немного придушить его, и спуститься к остальным сражающимся, чтобы как-то остановить бой. Теперь этот вариант стал недоступен. Я снова вернулся на балкон третьего этажа и, стащив с себя на ходу ливрею, которая порвалась-таки в подмышках, вернулся к комнате, где находились сестры Аматыни.

Я постучал.

— Лиза, это я, — сказал я. Дверь приоткрылась и на меня уставились две пары огромных, чёрных и очень испуганных глаз. Я протиснулся внутрь.

— Что там? Что там? — зашептали девушки.

— Долго рассказывать, — ответил я, направляясь к окну. — Князь Гуриели больше вас не побеспокоит. И никого уже не побеспокоит. Никогда.

Девушки синхронно издали испуганный вздох, зажав узкими ладошками ротки. Я понимаю, новость для них неожиданная, но зачем так театрально реагировать? Я обернулся и увидел причину — за мной, всё ещё удерживаемая моим Яром в вакуумном мешке, летела голова князя Гуриели.

Ничего не сказав, я молча открыл дверь в коридор и по дуге запулил голову князя обратно в холл, где отец и сын Аматыни при содействии слуг добивали людей Гуриели.

— Это ты сделал? — спросила Елизавета. Алёна Георгиевна же просто таращилась на меня во все глаза со смесью ужаса и восхищения.

— Я? Я ничего не сделал, — я приложил руку к груди, — да и кто такой «я»? Незнакомец в маске, которого, к тому же, тут никогда не было...

Я выпрыгнул в окно и взмыл в небо. Надеюсь, княжны Аматыни поняли, что я весьма прозрачно им намекнул, что о моём визите следует помалкивать. В полёте я проверил свой резервуар. Яра было чуть больше, чем когда я вышел из ресторана. Между тем, я чётко помнил, что израсходовал изрядное количество Яра на полёт, а потом на удержание на весу люстры.

Отлетая от дома Аматыни, я услышал шум сирен. Это приближалась полиция. Также я увидел светящиеся в небе огни — это летели по воздуху полицейские офицеры. Мне следовало быть очень осторожным. Я взлетел ещё выше и завис в ночном небе. Я достал телефон и увидел, что прямо сейчас звонит Тарас.

— Алло, Тарас, — ответил я на звонок и взлетел ещё выше, чтобы меня не услышали пролетающие снизу полицейские.

— Матвей Михайлович, вы где? — спросил дядька.

— Да дела кое-какие образовались, — ответил я, — скоро буду, Тарас.

— Барин, так отчего же вы меня-то не разбудили... — начал бухтеть дядька. Я отключился, не дослушав его.

И вовремя. Я услышал страшный рёв: в стремлении скрыться от полиции, я поднялся так высоко, что в меня чуть не врезался самолёт, заходящий на посадку в аэропорт имени Его Императорского Величества Александра Третьего. В последнюю секунду я спустился ниже.

Да уж, если бы меня затянуло в турбину, я думаю, мне бы хватило Яра, чтобы выставить защиту для сохранения своей жизни, но ведь подобное столкновение подвергло бы риску жизни пассажиров. А на то, чтобы своей силой помочь сесть целому самолёту, меня могло

не хватить. Впрочем, я что-то слышал о том, что с одним отказавшим двигателем самолёт ещё может нормально сесть.

Я посмотрел на время. Было три часа утра. Резко захотелось спать. Был самый тёмный предрассветный час. Вдали над морем разноцветными огнями горел Парящий Его Величества дворец, моё место службы. Тот самый, куда меня определил мой дед, поскольку к нормальной, то есть военной, службе я был негоден по причине отсутствия Яра. Вода, переливающаяся, клубящаяся, удерживаемая вопреки законам природы в воздухе под дворцом, играла с огнями города и самого дворца, отражала и преломляла их.

Пусть хоть напитки Их Величествам и Высочествам подносит: лицом во дворце примелькается, решили дед, отец и дядя. Быть может, в минуту величественной щедрости и нашему бесполезному Матвею перепадёт какая-нибудь хорошая должность. Ну, а нет — так нет, что с пустышкой поделаешь, куда его ещё пристроишь.

Впрочем, был и ещё один вариант, самый последний: отправить меня в дальние страны руководить мужиками и местными призывными либо наёмными солдатами. Обычно такое назначение для аристократа, то есть, крупного влиятельного дворянина, было равносильно ссылке.

Для мелкого же дворянина или для мещанина, выслуживающего себе дворянский титул, такая служба была карьерным трамплином. Однако они обычно имеют Яр, что автоматически делает их начальниками в глазах подчинённых. Мне же бы пришлось рассчитывать только на свои лидерские качества, наличие которых было, в общем-то, под вопросом, да на звание на погонах мундира.

Кстати, для мещан и прочих граждан, совсем лишённых Яра, существовал титул почётного гражданина. Так же, как и дворянство, человек сначала получал титул личный, а потом, при успехах на службе и потомственный, который наследовали дети.

Титул почётного гражданина в целом был равен нетитулованному дворянству (это то, которое «просто дворяне», а не графы и князья), он был создан специально для тех случаев, когда человек становился в обществе значимой фигурой, но не мог получить дворянство по причине полного отсутствия Яра. Мне он, конечно же, был не нужен, так как я уже и так родился внуком князя.

Так или иначе, пока я служил в чине стюарда при Парящем дворце Его Величества, и отправка в колонии мне не грозила. Конечно, всё могло измениться в любой момент. Например, из-за дуэли. Или из-за странной смерти княжича Гуриели. А уж если всплывёт, что я, тайно владея Яром, был в доме князя Амадуни, когда там остался без головы сам князь Гуриели...

Думая о своей нелёгкой судьбе, я долетел до соседней с моим домом улицы и приземлился, стараясь быть как можно менее заметным, за углом какого-то здания. Там я снял маску и, сунув её в карман, пешком дошёл до своего дома.

— Матвей Михайлович, проголодались? — сходу спросил меня Тарас, — я тут завтрак небольшой...

— Нет, Тарас, спасибо, — отмахнулся я, направляясь к себе наверх.

— ...приготовил. Драники, — закончил Тарас.

Я резко остановился. Драники — это другое дело.

— А какие драники? — спросил я дядьку.

— Есть с луком, есть с кабачком, — с готовностью ответил тот.

— Ну неси, что с тобой делать, — согласился я, — поставишь на столик, который

переносной, обеденный такой.

— Да я и не знаю даже, где он, — пожал плечами Тарас.

— И я не знаю, — ответил я, — но мне нужен столик.

Тарас хотел что-то ещё сказать, но вместо этого махнул рукой и ушёл искать столик.

Я поднялся в свои комнаты, сбросил беговой костюм и завалился на диван с телефоном в руках. Стоило бы позвонить Елизавете Георгиевне и выяснить, как у неё там дела, после прибытия полиции, но, если кто-нибудь посторонний, например, полицейский офицер, увидит, что я звоню ей посреди ночи, он может нахмурить брови и попытаться отыскать связь между моим звонком и событиями в доме Амадуни. Подобного расклада мне хотелось бы избежать.

Вообще за последние дни вокруг моей весьма скромной персоны возник какой-то не вполне даже здоровый ажиотаж. То об меня убивается княжич Гуриели, то меня допрашивает с пытками агент императора, то дуэль, то этот Бенедикт получает от меня горячих при всём честном народе русского города Константинополя, то на меня нападают бандиты на улице Пиратского. Теперь вот сам князь Гуриели так некстати потерял голову при моём участии...

Вошёл Тарас, спиной открывая дверь и неся в руках обеденный столик на ножках. Поставив его передо мной, он снова потопал вниз на кухню, чтобы принести мне мой завтрак. Я поднялся с дивана и прошёл в ванную комнату, где начал набирать в ванну воду. Я решил совместить приятное с приятным и позавтракать непосредственно в ванне.

Я вернулся в комнату как раз тогда, когда Тарас наконец расставил на столике тарелку с драниками, вазочку со сметаной и приборы. Из холодильника я достал бутылку «Гархуна» и отнёс её в ванную. Поблагодарил Тараса и, когда он ушёл, сам отнёс столик с драниками к ванне.

Завалившись в воду, я приступил к завтраку. На стене напротив ванны у меня висел плазменный телевизор. Открыв на нём горячо любимую мною книгу «Опыты» Мишеля де Монтеня, я принялся читать и завтракать. После завтрака я продолжил и дальше читать в ванной и не заметил, как заснул.

Проснулся я часа через три. Хорошо, что я не затыкаю пробкой ванну, иначе бы вода перелилась через край, пока я спал, потому что я не выключаю воду, принимая ванну, чтобы создавался эффект водопада. Тело немного ломило от однообразной позы. Почти не просыпаясь, я выключил воду и, покинув ванную комнату, дошёл до своей кровати, куда и повалился, чтобы продолжить сон.

Этому, однако, не суждено было случиться. Не успел я снова заснуть, как ко мне в спальню, сопровождаемый Тарасом, вошёл мой отец.

— Матвей, просыпайся, — строго сказал он. Когда отец говорит таким тоном, он ждёт полного повиновения.

Я сел на кровати.

— Что такое? — спросил я, пытаюсь открыть глаза.

— Я только что с моим братом Николаем отвёз Валерия в каземат, где он будет находиться всё время, пока ведётся суд, — сказал отец. — Тебя тоже будут вызывать и могут приговорить, вплоть до смертной казни.

Я зевнул.

— Сам же знаешь, что сначала секундантам определяют смертную казнь, а потом помилование выписывают. Максимум чинов лишат на полгода-год. Отдохну хоть от подачи шампанского великим князьям.

— Ты, братец, — с грустной иронией прищурился отец, — кажется, не вполне понимаешь нюансы.

Он уселся.

— И какие же нюансы? — поинтересовался я.

— А такие, — резко ответил тот, — при которых с нормальными, Матвей, нормальными, дворянами поступают так, как ты сказал. А не с теми, у кого нет Яра, которые не наследники и вообще никакой пользы Отечеству не приносят.

Я поднял бровь.

— Как это не приносят? А шампанское им кто подаёт? — спросил я.

— Прекратить глупые шутки! — рявкнул отец.

— Ну, если прекратить, — ответил я, — то ты же не будешь утверждать, что Государю Императору настолько мешает ничтожный стюард Мартынов тем, что он пустышка, что Государь воспользуется случаем приговорить меня к смертной казни?

— Всякое может быть, — ответил отец, — ты — фигура малозначимая, а врагов у нас немало. Могут повлиять на то, чтобы тебя лишили помилования, просто затем, чтобы нам досадить.

— Причём понимают, что серьёзного ответа от вас не последует, потому что лишение меня помилования и моя казнь, будут для вас только формальным поводом для скорби, а на деле же моя смерть станет для вас облегчением и избавлением от позора, — ядовито ответил я.

Отец молча посмотрел меня.

— С положением дел я тебя ознакомил, — сказал он наконец, ничего не возразив, — Теперь по поводу Бенедикта этого. Ты новую заметку видел?

— Нет ещё, — кивнул я. — Всё переврали, небось?

— Это само собой, — ответил отец, — мой тебе наказ: сиди дома. Сейчас тебе нельзя выходить на улицу, так как тебя будут везде ловить журналисты, чтобы спровоцировать на ещё какую-нибудь выходку.

Я промычал что-то невнятное, мол, посмотрим, как получится.

— Учти, это в твоих же интересах, — сказал Михаил Мартынов, — если вокруг тебя будет слишком много негативного шума, это может сыграть не в твою пользу. Конечно, если «Римское Эхо» будет позволять себе слишком многое, то будем судиться, обанкротим, по миру пустим.

— Так может просто купить их и самим писать, что хотим? — предложил я.

— Ну вот, сначала обанкротим, потом за бесценок и купим, — ответил отец. — Но только в крайнем случае. У нас свобода слова, всё-таки. Теперь по поводу Гуриели.

Я напрягся, но постарался не подать виду.

— Сегодня ночью князь Гуриели со своими людьми ворвался в дом к князю Аматауни, где, при не до конца выясненных обстоятельствах, вспыхнуло побоище, в результате которого князь Гуриели оказался обезглавлен.

Я присвистнул, делая вид, что удивлён.

— В связи с этим, — строго продолжил Михаил Мартынов, — я настоятельно рекомендую тебе прекратить общение с фрейлиной Аматауни, по крайней мере, на время. Причина та же: негативный ажиотаж вокруг тебя.

— Погоди-ка, — возразил я, — но ведь широкая общественность не знает, что я был во дворце во время гибели младшего Гуриели, земля ему пухом.

— Зато знает очень узкий и влиятельный круг общественности, — ответил отец.

— А что же теперь будет с князем Аматауни? — поинтересовался я.

— Будет долгое разбирательство, — сказал отец, — но, на данный момент, достоверно известно, что Гуриели с Аматауни в давней вражде, и что Гуриели приехал посреди ночи к ним домой, почти ворвавшись туда. То есть, есть основания подозревать его в недобрых намерениях.

— Значит, обойдётся? — произнёс я.

— Там много непонятного. Отец и сын Аматауни и их люди не отрицают, что было смертельное сражение, но никто из них не помнит, чтобы отрывал князю Гуриели голову. Также никто не понимает, почему и в какой момент упала люстра.

— Люстра? — притворился я, что не разобрал, о чём речь.

— Аматауни утверждают, что Гуриели или кто-то из его людей, сбил их Яром с ног, и зачем-то обрушил люстру, чуть ли не на себя же, — объяснил отец.

— Непонятно, — пробормотал я, всё ещё делая вид, что всё услышанное для меня новость.

— Право слово, Матвей, не знай я, что у тебя нет Яра, не проверь тебя при мне агент Его Величества, и не проверь тебя мой отец, я бы подумал, что ты тут как-то замешан! — воскликнул отец.

— Что на это ответить? — пожал я плечами. — Не путай совпадение со связью. Посуди сам: я всего лишь был с фрейлиной в момент, когда на неё напал, или что там он у окна делал, молодой Гуриели, с семьёй которого у них своя междоусобица. После этого я остался дружен с ней, и вот теперь на них напал сам князь Гуриели. Я тут ни при чём.

Отец смотрел на меня, кажется, сомнения понемногу покидали его.

— Другое, совсем несвязанное с предыдущими событиями, это дуэль кузена Валерия и графа Озёрского, как теперь пишут, талантливого поэта, — услышав это, отец хмыкнул. Я продолжил, — я был там секундантом и потом ко мне пристал этот писака, которого я отходил прутом. Всё.

Я не стал перечислять события на улице Пиратского, так как отец о них был не в курсе.

— Ну да, — протянул отец, — а всё-таки, если бы у тебя был Яр, ты бы точно оказался в этом замешан.

— Михаил Юрьевич, — влез Тарас, — может чаю?

Отец с удивлением посмотрел на него, кажется, только сейчас заметив.

— Нет, Тарас, спасибо, ступай, — ответил он.

Тарас с облегчением вышел. Он устал стоять за время моего разговора с отцом.

— Почему фрейлина проводит с тобой время? — спросил отец. — В ресторане вы были парами. Друцкая с поэтом, Гардер с Козловым и Вощина с Долгоруким или наоборот. А ты — с Аматауни. Это больше похоже на отношения, чем на дружбу.

— И зачем княжне заводить отношения с пустышкой? — спросил я.

— Не знаю, Матвей, не знаю, — покачал головой отец, — мы с твоим дедом ставим на то, что они хотят с нами породниться.

— Может быть, хватит тогда меня об этом расспрашивать, а напрямую спросите князя Аматауни, чего он хочет? — не выдержал я. — К тому же, сейчас он в уязвимом положении, если вы ему поможете разобраться с последствиями этого побоища в его особняке, он вам даст гораздо больше, чем вы бы получили только отдав меня в мужья за его дочь.

— А ты, кажется, и не против? — сказал отец.

— А когда кого-то в нашей семье волновало, против ли я или за? — пожал я плечами. — Дело в том, что я уверен, что князь Аматауни знает о нашей дружбе с фрейлиной очень мало и уж точно никаких планов изначально не имел. Может быть, они у него и появились, когда я забирал её из дома, чтобы сводить на ужин, но изначально хитрым планом это не было.

— Ну так и что же? — спросил отец, — если женим тебя на Аматауни, как отнесёшься к этому?

— Вообще, я пока молод, чтобы жениться, не находишь? — ответил вопросом на вопрос я.

— Зато она в самом возрасте, — сказал отец, — если восемнадцатилетний княжич для неё слишком молод, то её, вероятно, выдадут за кого-нибудь постарше. А значит, она достанется другому.

Это требовало обдумывания. Женитьба была для меня чем-то призрачным и далёким. Явлением взрослого мира. Но и отдавать кому-то Елизавету Георгиевну было бы как-то неправильно.

— Это нужно решать прямо сейчас? — спросил я, чтобы не давать однозначный ответ.

— Нет, — ответил отец, — прямо сейчас тебе нужно сидеть дома, чтобы тебя не достали журналисты.

— А всё-таки, — поинтересовался я, — скажи мне, отец, почему это внук князя должен прятаться, боясь высунуть нос на улицу, чтобы не наткнуться на какую-то лживую гниду? Разве это правильно?

— А кто тебе сказал, что мир устроен правильно? — мрачно ответил отец. Было видно, что мой вопрос он находит вполне справедливым. — Нужно исходить из того, как делаются дела на самом деле. Менять же что-то глобальное нужно тогда, когда ты находишься в сильной позиции. А мы, Мартыновы, сейчас находимся... ну не то, чтобы в слабой, но не в самой выгодной.

— Не говоря уже о том, что я всегда буду находиться в слабой из-за пустого резервуара, — ехидно подсказал я ему.

— Вот видишь, — кивнул отец, — ты сам понимаешь, каково реальное положение дел. И ещё кое-что: возможно, к тебе снова придёт агент Его Величества.

— А ему-то что нужно? — удивился я. — Я же наглядно — под пыткой — показал, что у меня нет Яра и быть не может!

— Потому что вокруг тебя последнее время много смертей аристократов, — ответил

Михаил Мартынов. — Не знаю, что у него в голове, может быть, он уже списал тебя с счетов. Просто предупреждаю.

— Ну, знаешь что, отец, — твёрдо сказал я. — Во-первых, если он снова меня тронет, я попытаюсь его убить. Если у меня не получится его убить, а у меня скорее всего не получится — и он меня сам не убьёт, защищаясь — я напишу открытое письмо Государю, которое размещу в Паутине. После чего покончу с собой, чтобы показать, что я не обычный жалобщик, которого обидел злой дядя.

Возможно, что мне показалось, но, по-моему, отец посмотрел на меня с чем-то похожим на уважение.

— Что ж, будем надеяться, он тебя не тронет, — ответил он. И, помолчав, добавил, — а тронет, так я его сам... А как ты его убивать-то будешь, без Яра-то?

— А как получится, — ответил я, приятно удивлённый фразой отца о том, что он готов убить за меня агента Его Величества, за что потом придётся очень серьёзно заплатить. — Вот сейчас у нас который час?

Отец посмотрел достал из кармана недремлющие часы «Vreguet» и, открыв крышку, сказал:

— Семь утра. А что?

Часы были чисто декоративной вещью, мужским аксессуаром, совсем необязательным для ношения.

— Ну вот, семь утра, — продолжил я, — значит, после разговора с тобой я позавтракаю, и мы с Тарасом поедем покупать мне какой-нибудь автоматический карабин. Понимаю, что вряд ли этого неприметного господина возьмут пули, но всё же с огнестрельным оружием у меня больше шансов, чем без него, верно?

— Как тебе угодно, — ответил отец, — думаю, что пули его не испугают.

— Надеюсь, до этого не дойдёт вообще, — сказал я.

— Вот только ты никуда не поедешь, — сказал Михаил Мартынов, — ты будешь сидеть дома и избегать общения с прессой.

— Значит, Тараса пошлю, — решил я.

— Можно, наверное, послать, — с сомнением сказал отец, — но боюсь, как бы пресса не начала пытаться из этого устроить шумиху...

— Представляю заголовок: «Пустышка Мартынов покупает оружие, так как просто избивать журналистов ему уже мало: он хочет пойти по стопам кузена и кого-нибудь убить!» — пошутил я.

Отец издал невесёлый смешок.

— Что-то вроде этого и может получиться, — сказал он.

— Ну тогда вели кому-нибудь из слуг, из тех, кому доводилось стрелять в людей, подобрать мне что-нибудь, из чего можно с комфортом застрелить личного агента Его Величества, и пусть они мне доставят в каком-нибудь... ковре, что ли, или свёртке бесформенном, — предложил я.

— Да, хорошая идея, Матвей, — согласился Михаил Мартынов.

— А, вот ещё, — придумал я, — пусть твой слуга отвезёт в курьерскую службу, а оттуда пусть уже мне доставят. В противном случае, твоего слугу могут выследить и выяснить, что именно он привёз ко мне.

— А тебе, Матвей, самому впору работать в Тайной канцелярии, — задумчиво сказал отец, — там как раз любят всякие схемы распутывать и придумывать.

— Да нет, — отмахнулся я, — это же как в детстве мальчишек местных подговорить помочь Тараса обмануть. Ты, наверное, шутишь...

— Конечно, шучу, — серьёзно сказал родитель. — Кому ты там нужен.

Я вздохнул.

— Приятно знать, что меня ценят в моей семье, — с иронией сказал я.

— Просто не хотел, чтобы у тебя были какие-то иллюзии, — по-прежнему серьёзно сказал отец.

— Да какие уж тут иллюзии, — снова вздохнул я. — Слушай, оставайся, что ли, на завтрак, раз уж я всё равно не сплю.

Михаил Мартынов снова взглянул на часы.

— Разве что чаю, — кивнул он.

— Я оденусь и выйду к тебе в гостиную, — сказал я, намекая, чтобы отец вышел, когда я буду одеваться. Ведь после ванной я прямо голым упал в кровать. Недавний опыт показал, что мне нравится размахивать половыми органами перед женщинами, но перед мужчинами делать это я против категорически. Тем более, перед собственным отцом.

Тот кивнул и вышел.

— Тарас, принеси нам завтрак с чаем, — услышал я, как отец отдаёт распоряжения Тарасу по интеркому, — и можешь предложить чаю Жану.

Жан — это водитель и валет отца. Глупый и напыщенный француз, который несмотря на то, что постоянно читал французских авторов, оставался ограниченным, лишённым самостоятельного мышления обывателем. В нашей семье, все мы, конечно, читали французских мыслителей. Причём мой отец читал в оригинале, в отличие от матери, которую картавый французский язык смешил своей жеманностью.

Когда я ещё жил с родителями, мы тихонько, между собой, чтобы не обидеть слугу, потешались над уверенностью Жана в том, что кроме французской культуры нет никакой другой, над его вопиющей безграмотностью по отношению ко всему, что было создано не французами. Тарас же Жану по-своему симпатизировал, так как считал его фанаберию, в смысле глупую спесивость, забавной.

Я вылез из-под одеяла и напялил снова домашний костюм, расшитый жар-птицами. Умывшись, чтобы окончательно проснуться, я вышел в гостиную к отцу. Тарас уже суетился за столом, расставляя приборы. Посреди стола уже стояла тарелка с блинами.

Тарас, бывший до моего рождения слугой в доме моего отца, благоговел перед ним и всячески старался ему угодить. Видя, что ко мне пришёл Михаил Юрьевич, дядька, пока мы разговаривали, заранее приготовил любимые моим отцом блины, как раз на случай, если тот останется на завтрак, чтобы ему не пришлось ждать. Предусмотрительность в исполнении Тараса удивительная.

Отведав своего любимого блюда, отец расслабился и немного подобрел. Он благожелательно посмотрел на меня и сказал:

— А здорово ты этого Бенедикта прутом-то!

— В плане? — не вполне понял я.

— Да я же видел, видео-то полно в Паутине, — сказал отец, — визжал он, как поросёнок.

— Да, это точно, — улыбнулся и я.

— Вот интересно наша жизнь устроена, да? — начал рассуждать отец. — Вот кузен твой поступил правильно, а всё равно виноват. Ты поступил правильно, а теперь и над тобой

смертная казнь висит.

Это он про секундантство моё.

— Подлеца отхлестал, — продолжил Михаил Мартынов, — так ведь на то он и подлец, чтобы его хлестать, что ж с ним ещё делать? А тебя теперь — в суд.

— Да, кстати, насчёт суда, мне же повестка должна прийти! — вспомнил я.

— Ну вот придёт, скажешь мне, — сказал отец, — посмотрим по ситуации, может, он отзовёт претензии. Там решим, будешь судиться или рот ему деньгами заткнём.

— Да лучше уж судиться и по суду выплатить, чем от него тайком откупаться, — фыркнул я.

— Подумай, Матвей, — ответил отец, — это ведь даст повод ему кричать о своей правоте направо и налево.

— Зато и нас покажет, как законопослушных граждан, которые строго следуют букве закона. Один Мартынов, я, пругом отхлестал, заплатил штраф. Другой, Валерий, на дуэли убил — в солдаты разжалован, на войну отправился, — сказал я.

— Есть логика в твоём рассуждении, — признал Михаил Мартынов, — и такая тактика в других случаях вполне имеет право на применение. Но сейчас слишком много внимания к нашей фамилии, нам так много не нужно. И громко оглашённое решение суда о твоей виновности может сыграть не в пользу высочайшего решения по делу твоего кузена.

«Ну, конечно» — подумал я, — «это ведь Валерий, дорогой наследник рода, как же, ради его удобства можно Матвею и потерпеть».

— Хорошо, — кивнул я отцу, — давай тогда миром с ним решать.

— Да, — сказал он, — лучше будет миром. Но, повторяю: посмотрим.

На этом разговор как-то угас, и мы закончили трапезу, перекидываясь лишь незначительными репликами. Вскоре отец поднялся и по интеркому передал Жану, который пил чай внизу с Тарасом, чтобы заводил машину.

— До встречи, Матвей, — сказал отец на прощание, — и помни: из дома ни ногой.

— До встречи, Ваше Сиятельство, — попрощался я с ним. — Скажи Тарасу пожалуйста, чтобы поднимался со стола убирать.

Когда отец ушёл, я переоделся в шёлковый, а может и не шёлковый, но очень лёгкий и прохладный, халат и поднялся на крышу. Раскрыв тент, я улёгся в тени на лежак и расслабился. Тут мне вспомнилось, что отец упоминал новую заметку Алексеева. Я взял телефон и вышел в Паутину.

Посмотрим, что этот шелкопёр, писака в смысле, там настрочил. Я открыл сайт «Римского Эха». На главной странице сайта была фотография разбитого лица Бенедикта Алексеева. Естественно, это было обработанное фото, так как я ему ничего не разбивал, а только плюнул сплетнику в рожу и дал пощёчину.

«МАРТЫНОВЫМ МАЛО УБИТЬ НАДЕЖДУ НАШЕЙ ПОЭЗИИ: ВТОЙ НАСЛЕДНИК МАРТЫНОВЫХ ИЗБИЛ ЖУРНАЛИСТА СРЕДИ БЕЛА ДНЯ!» — писал заголовок.

Ну, во-первых, я не наследник, во-вторых, прогнозы поэта Антона Чигурикова по поводу создания образа покойного Озёрского, как образа гениального поэта, начинают сбываться.

Я вернулся к чтению заметки:

«Сегодня наш главный редактор Бенедикт Барухович Алексеев отправился в ресторан «Филоксен», чтобы поинтересоваться мнением стюарда Матвея Мартынова о дуэли между его кузеном гвардии подпоручиком Валерием Мартыновым и армейским поручиком, талантливым поэтом Григорием Озёрским, приведшей к гибели последнего».

«Нормально так себе «поинтересовался», сходу обвинив в убийстве и варварстве» — подумал я и продолжил читать:

«Вместо ответа чувствующий свою полную безнаказанность юный аристократ начал избивать Бенедикта, отбирать у него дорогостоящую камеру и прилюдно оскорблять в самых неприличных выражениях».

Никакой камеры я у Бенедикта не помнил, неприличных выражений, кажется, не употреблял, да и можно ли называть пощёчину избиением?

«Всё это происходило под дружный хохот компании Матвея Мартынова, с которой юный стюард отмечал победу своего кузена на дуэли. Среди его спутников и спутниц, чьи имена нам пока неизвестны, был, между прочим, и наследник влиятельного рода Долгоруких, гвардии поручик Сергей Долгорукий».

Победу на дуэли мы, конечно, не отмечали, но хохот, когда я хлестал Алексеева действительно имел место. Что было, то было, из песни слова не выкинешь.

«Бенедикт попытался предъявить удостоверение журналиста, чтобы объяснить, почему он задаёт вопросы, но Матвей Михайлович продолжил избиение уже на улице с помощью толстой и тяжёлой трости и в конце плюнул журналисту в разбитое лицо. Молодому здоровому аристократу должно быть стыдно за избиение человека, который в два раза старше его по возрасту и ничего тяжелее ноутбука никогда не поднимал».

Наше издание надеется, что Государь обратит внимание на бесчинства дворянства, которое считает, что обладание Яром позволяет им поступать со всеми остальными гражданами так, как ему заблагорассудится».

То есть, теперь тонкий прут у них превратился в толстую и тяжёлую трость. Удостоверения журналиста он никакого не доставал. А хоть бы и достал, какая мне разница? Разве есть правило, что от журналиста можно терпеть то, чего ни от кого бы терпеть ни один приличный человек не стал?

Лишённый Яра пустышка, Матвей Мартынов, сын младшего сына князя, в версии «Римского Эха» превратился в обезумевшего от владения Яром наследника рода, который ни за что ни про что избивает честных граждан на улице.

Я вздохнул и закрыл заметку. Подписи под ней не было. Вероятно, Бенедикт Алексеев сам написал о себе в третьем лице, чтобы заметка выглядела так, будто её пишет другой обеспокоенный журналист.

Поскольку ночью я поспал всего ничего, я отложил «ладошку» и задремал. Но вскоре очнулся, ощутив чьё-то присутствие. Я приоткрыл один глаз и увидел перед собой женщину лет двадцати трёх — двадцати пяти, в круглых очках, с синими волосами и татуированными руками и шеей. Она снимала меня на телефон с логотипом яблочного отгрызка.

— Таша Гиксман, — произнесла она непонятные слова. Мгновение спустя до меня всё-таки дошло, что этими словами она обозначает в пространстве свою персону, — независимый корреспондент. У меня свой видеоканал на...

«А, корреспондент, понятно» — подумал я. И перебил, чего бы никогда бы не позволил себе в общении с приличным человеком:

— Вы не имеете права здесь находиться. Как, вы сказали, вас зовут?

— Таша Гиксман, — снова представилась она.

— Это вас родители так называли? — уточнил я.

— Нет, называли Натальей, но в Паутине я известна как Таша, независимый корреспондент, — заявила она.

— Прекрасно, просто прекрасно, — закивал я, — а теперь, пожалуйста, покиньте мою крышу.

— Я не могу покинуть, — уверенно возразила она, — у меня долг перед общественностью, перед моими любимыми подписчиками, ради которых я сюда и забралась.

Я взвесил варианты. Здорово было бы позвать Тараса, чтобы он выбросил её на улицу. Ещё лучше было отобрать у неё телефон, чтобы удалить видео со мной. Но я должен быть осторожным, она ведь за тем и влезла незаконно на мою крышу, чтобы спровоцировать меня на агрессию, заснять на видео и получить таким образом свою минуту славы. Я принял решение. Поднялся, подошёл к двери, которая вела внутрь дома и крикнул:

— Тарас, вызови полицию: тут самозванная корреспондентка лазает по нашей крыше!

— Подождите, Матвей, — заволновалась Таша, — зачем нам полиция? Ответьте лишь на несколько вопросов, пожалуйста.

— Для вас меня зовут Матвеем Михайловичем, — холодно ответил я, — и для начала перестаньте меня снимать.

Она поспешно засунула «ладошку» в карман.

— Хорошо, Матвей Михайлович, — затараторила она, — мне просто нужен ваш комментарий относительно ситуации с Бенедиктом Алексеевым и дуэли вашего кузена.

— У меня нет никакого желания с вами разговаривать, — отмахнулся я. — Уходите сами, пока не приехала полиция.

Она посмотрела на меня странным взглядом.

— А знаете что, Матвей Михайлович, — она подошла ко мне очень близко, — у меня есть одна идея, как склонить вас к сотрудничеству.

Таша наклонилась ко мне, чтобы поцеловать меня. Я отвернул от неё своё лицо и осведомился:

— Что это вы делаете?

Она ничуть не смутилась тому, что я отказался от её поцелуя, развязала мой халат и встала передо мной на колени...

— Мне очень нужен ваш комментарий, Матвей Михайлович, — она облизнула губы.

Видимо, это всё мой Яр. Хотя, я никогда не видел, чтобы Яр других дворян настолько сильно действовал на женщин.

— Тарас! — крикнул я, — погоди с полицией!

— Я уже вызвал, Матвей Михайлович, — донеслось снизу.

— Ну позвони, отмени, — крикнул я в ответ.

От Тараса снизу донеслось только недовольное бухтение, что, мол, то вызови, то не вызови, а краснеть перед полицейскими приходится ему, Тарасу, а совсем не барину.

Таша Гиксман очень старалась для того, чтобы её дорогие подписчики получили мои комментарии по интересующим их вопросам. В какой момент, я заметил, что она, не отрываясь от своего основного, так сказать, занятия, тихонечко вытаскивает из кармана «ладошку».

Я понял, что она хочет сделать. Включить камеру и заснять на видео весь процесс. А потом выложить это как компромат на меня. Что-нибудь вроде того, что я заставил её делать это под угрозой побоев, когда сам же её пригласил к себе для интервью. Я её не приглашал, но что ей помешает соврать?

Чтобы уберечь себя от этого, я незаметно для неё поднял Яром уголок халата и разместил его как раз над её плечом так, чтобы загородить камере обзор. Таша этого не заметила, так как её голова была повернута в мою сторону, ну и вообще, обзор у неё в тот момент был не слишком обширным.

Она, по-прежнему считая, что её манёвр остался незамеченным, положила телефон на пол, камерой вверх. Что ж, когда Таша будет просматривать отснятый материал, её будет ждать большой сюрприз.

Нехорошо, конечно, с моей стороны сравнивать, но у Таши получалось сильно лучше, чем вчера у моей фрейлины. Впрочем, ничего удивительного, наверняка у Таши огромный опыт, если она этим способом решает все свои затруднения.

А главное, что фрейлина сделала это исключительно из искренних чувств ко мне, в отличие от Таши, руководимой только корыстными мотивами да похотью, которую вызвал мой Яр. Старания Елизаветы Георгиевны гораздо ценнее, чем просто механический навык Таши Гиксман.

Навык её, впрочем, очень быстро довёл меня до состояния, когда я не мог уже что-то анализировать. Когда же это состояние прошло, Таша улыбнулась, встала с колен, подняла «ладошку» с пола и хотела что-то спросить, направив телефон на меня. Я, однако, вовремя заметил и заблокировал Яром её руку так, чтобы камера смотрела вбок.

— Я же просил вас убрать телефон, — сказал я.

— Хорошо, я убираю-убираю, — снова сказала она и действительно убрала устройство в карман.

— Отлично, — кивнул я и крикнул, приоткрыв дверь, возле которой я всё ещё стоял: — Тарас! Полицию!

Этого она никак не ожидала.

— Ты что делаешь?! — воскликнула она.

— Вызываю полицию, чтобы городской освободил мою территорию от незаконно проникнувшего на неё человека, — невозмутимо ответил я. — И обращайтесь ко мне на «ВЫ».

— Ты пожалеешь об этом! — она снова попыталась выхватить «ладошку».

Я этого ожидал. Понятно, что сейчас начнётся: «Я нахожусь на крыше константинопольского дома Матвея Мартынова, где он силой заставил меня орально его ублажать, сейчас мы ждём полицию...» И прочее в таком духе. Поэтому я просто Яром вырвал её телефон и раздавил его в воздухе в мелкие осколки.

— Счёт за телефон, как и за оказанную вами услугу, пусть это было и навязыванием сервиса, можете прислать мне по почте, я оплачу, — сухо сказал я.

— Даже тебе не хватит денег расплатиться! — крикнула она, — У меня всё сохраняется в облако!

— Что «всё»? — весело, делая вид, что не понял, спросил я.

Она, очевидно, имела в виду видео, которое снимала стоя на коленях. Только она ещё не знала, что весь обзор я загородил халатом.

— Увидишь! — крикнула она. И прыгнула с крыши, поддерживая себя Ярой.

Забавно, значит, даже в родне такого человека как Таша Гиксман, затесался тот, от кого ей досталось немного Яры, которую она теперь и использует для того, чтобы незаконно проникать в чужие дома и пытаться выпытать ответы для своего канала таким экстравагантным способом.

Всё это время Тарас внизу продолжал бухтеть. Я усмехнулся и снова крикнул:

— Тарас! Отменяй: она ушла!

Ответом снизу было неразборчивое, но очень недовольное ворчание. Я с улыбкой закрыл дверь и снова завалился на лежак. Я закрыл глаза, чтобы снова задремать. Перед глазами встала недавняя сцена с Ташей. Вспомнив выражение её лица, я рассмеялся, не открывая глаз.

— Ты чего ржёшь? — услышал я звонкий весёлый голос.

Я открыл глаза. Точно. Лена Бенесова. Она стояла передо мной, видимо, только что запрыгнув на крышу с помощью Яры. Проходной двор какой-то, а не крыша у меня.

— Привет, Лена, — сказал я. — Да так, вспомнил кое-что смешное.

— А чего это ты расслабляешься тут? Хозяина нет? — спросила она.

— Ага, нет, — сказал я. — Решил вот отдохнуть.

— Ты мне обещал позвонить, когда хозяина не будет! — возмутилась Лена.

«Да что же это такое!» — подумал я. Вслух же сказал:

— Я собирался тебе позвонить, просто сейчас ещё совсем рано, сколько там, восемь утра?

— Ага, — сказала Лена, — у меня до вечера время свободное. Решила посмотреть, что у тебя делается.

— А почему не позвонила? — спросил я.

— Вживую веселее, — рассмеялась она.

— Так, Лена, подожди тут, я схожу внутрь, проверю, точно ли хозяин не вернулся, — сказал я, вставая с лежака.

Я спустился на первый этаж и заглянул к Тарасу. Тот сидел за ноутбуком. При виде меня он встал.

— Ну что, решил с полицией? — спросил я.

Тарас посмотрел на меня по-птичьи, не поворачивая головы, что являлось у него признаком недовольства барином, то есть мной.

— Разобрался, — засопел он.

— Слушай, Тарас, сейчас ко мне придёт Лена, девка та, соседская, — игнорируя его

недовольство, начал инструктаж я, — она, как ты помнишь, думает, что я прислуга. Поэтому называй меня при ней просто Матвей. Фамилию мою ей не называй, кто хозяин нашего дома — не говори. Понял?

— Понял, барин, — буркнул Тарас.

— Вот и хорошо, отдохай, — сказал я и пошёл на крышу.

Когда я туда поднялся, то обнаружил там абсолютно голую Лену, лежащую на лежаке.

— Это что тут такое? — спросил я.

— Загораю, — ответила она. — А что, не нравится вид?

— Нравится, — улыбнулся я. Вид мне действительно нравился. Маленького роста, очень стройная, но объёмная в нужных местах, Лена была девушкой с фигурой весьма привлекательной.

— Вот и здорово, — сказала она.

— Ну ты тогда загорай, а я вниз пойду, жарко тут становится, — произнёс я.

— Эй! — крикнула Лена, — ты чего это! Подожди меня!

Она вскочила с лежака и быстро натянула часть своей одежды обратно. Я улыбнулся и пропустил её внутрь. Пока мы шли в мои комнаты, я сказал:

— Там внизу Тарас, но он знает, что ты здесь, я предупредил.

— Да, да, я помню Тараса, — хихикнула Лена, — как он мне эти провода показывал, что-то объяснял. Поверил, бедный, что я про проводку узнать приходила...

— Лена, — мягко сказал я, — как бы тебе объяснить... Он сразу понял, что ты пришла не за этим. Поэтому и стал всякую наукообразную ерунду говорить, чтобы ты сбежала.

Лена Бенесова встала как вкопанная.

— В смысле, понял?! — воскликнула она, — Да я ему!

Я засмеялся и, подняв её на руки так, что её ноги повисли в воздухе, утащил в свои комнаты. Там она, пользуясь близостью ко мне, стала приставать в сексуальном плане. К сожалению, Таша Гиксман в прямом смысле высосала из меня интерес к подобным занятиям на ближайший час-полтора. Поэтому я сказал:

— Слушай, у нас весь день впереди. Давай может поиграем во что-нибудь?

— Ну давай, — легко согласилась Лена.

«Вот это по-нашему!» — подумал я.

Я отыскал игровой ноутбук, который лежал у меня заваленный разной одеждой в одном из углов.

— Давай тогда и Тараса позовём, — предложил я.

— Давай, — сказала она.

— Только оденься получше, — сказал я и, подойдя к двери, крикнул вниз: — Тарас!

Приходи играть.

Через минуту, которую я потратил на то, чтобы подключить ноутбук к сети, к ноутбуку мышку и усадить за него Лену, появился со своим ноутбуком Тарас.

— А, это ты, — сказал он Лене, — здравствуй-здравствуй! Проводку пришла смотреть?

— Тарас, это Лена, Лена, это Тарас, — представил я их друг другу.

— Да виделись мы, виделись! — рассмеялась Лена.

Тарас уселся с другой стороны стола напротив девушки, я же уселся за свой компьютер. Для игры мы выбрали простую пошаговую тактическую игру с забавным мультяшным интерфейсом, где три команды червячков сражались друг с другом, делая ход по очереди.

Лена Бенесова, поначалу мало что понимавшая, вскоре разобралась и вскоре доставляла

нам с Тарасом немало сложностей. Наигравшись, мы стали смотреть сериал и, судя по всему, я снова задремал, потому что, когда я открыл глаза, моя голова лежала у Лены на коленях.

— А где Тарас? — спросил я.

— Он сказал, что ему на рынок надо и уехал, — ответила Лена. — Так что мы теперь с тобой только вдвоём.

— М, тогда как насчёт принять ванну? — спросил я.

— Я только за! — воскликнула Лена.

Я уже выскочил из халата, когда раздался звонок в дверь.

— Забирайся в воду, Лена, — сказал я, — я пойду посмотрю, кто там.

— А вдруг это хозяин вернулся? — встревоженно спросила Лена.

— Ну тогда его будет ждать приятный сюрприз в твоём лице, когда он зайдёт в ванну, — пошутил я. — Да всё-всё! Это не хозяин, точно.

Я пошёл вниз по лестнице. «Вот ведь жизнь у прислуги: тайком пользоваться вещами хозяев, пока тех нет дома. Вздрагивать, опасаясь, что хозяин вернулся и сейчас узнает, чем занимаются слуги в его отсутствие» — думал я.

Я попытался вообразить себя в подобной ситуации. Картина, представшая перед моим внутренним взором, меня весьма позабавила. Мои губы растянулись в широкую улыбку. Улыбку, так и застывшую у меня на губах, когда я открыл дверь:

— Экин? — удивился я.

Передо мной стоял парень, который пытался ограбить меня в районе Пиратского несколько дней назад. Тот самый, которому я велел начать жить честно и оставил на память отчётливо видимый сейчас шрам на брови.

— У меня посылка для Матвея Михайловича Мартынова... — начал было Экин и осёкся, узнав меня.

— Ты что тут делаешь? — спросил я, нахмурившись, но забыв стереть с лица улыбку, с которой открыл дверь.

— Да я... Ваше Благородие, курьером устроился вот, — растерянно сказал он.

— Молодец, — похвалил я, — давай посылку, чего встал.

Он передал мне свёрток.

— Что внутри, знаешь? — спросил я.

Он, всё ещё ошеломлённый встречей со мной, помотал головой. Я поставил свёрток к стене.

— Давай, распишусь, — я протянул руку.

Он дрожащей рукой передал мне планшет. Я расписался пальцем.

— Если ты живёшь честно, тебе нечего бояться, — сказал я. — Ну, а будешь озорничать, сам понимаешь, что я сделаю.

Я подмигнул. Экин хлопал глазами.

— Спасибо, Экин, будь здоров, — сказал я напоследок и захлопнул дверь.

Повернувшись, я увидел торчащую сверху мордашку Лены.

— А кто это был? — спросила она.

— Да так, курьер знакомый, — отмахнулся я.

— А почему он должен озоровать, и что ты ему сделаешь? — не отставала Лена.

— Потому что он бывший бандит, а я не люблю бандитов, — ответил я, — а сделаю я ему вот что...

Я поднял Яром Лену в воздух и направил сотни мельчайших частиц так, чтобы они щекотали ей шею, подмышки и всякие прочие чувствительные к щекотке места.

— ЗАЩЕКОЧУ ЕГО! — страшно закричал я.

Лена крутилась в воздухе, визжа и хохоча.

— Хватит-хватит, Матвей! — кричала она. — Отпусти! Хи-хи-хи! Хватит!

Я силой Яра отнёс её в ванную комнату и положил в набравшуюся больше, чем наполовину ванну. Её голова вынырнула из воды и уставилась на меня сверкающими глазами.

— Офигеть у тебя сила, Матвей! — воскликнула она. Конечно, воспитанная девушка никогда бы так не выразилась.

Я пожал плечами, мол, что есть, то есть.

Вдруг Лену посетила идея, я понял это по её внешнему виду яснее, чем даже если бы над ней загорелась лампочка, как в мультфильме.

— Матвей, а ты сможешь так держать меня во время секса? — спросила она озорно улыбаясь.

Это была действительно *идея*.

— Давай попробуем, — сказал я, сбрасывая халат.

Не буду вдаваться в подробности, но всё получилось. Повалявшись после этого со мной на кровати и подурочившись, Лена сказала, что хотела ещё успеть сегодня в какой-то магазин и, одевшись, убежала. Я остался дома один. На часах было всего только полпервого

дня.

Я уселся за компьютер. Не прошло и получаса как подала признаки жизни «ладошка»:

— Матвей Михайлович, — раздался в трубке вежливый голос, — Василий Петров вам звонит. Помните? Секундант графа Озёрского.

— А, Василий Галактионович, добрый день, конечно, помню, — поздоровался я. — Как ваши дела?

— Дела себе идут, вот сегодня был на очередном допросе, — ответил тот, — звоню вам сообщить, что, наверное, скоро и вас вызовут.

— Да уж вызовут, — беспечно ответил я, — отец вот, сегодня ко мне заходил с утра. Валерия в каземат с дедом отвозили. А нам-то, как секундантам, по закону, тоже смертная казнь может выйти.

— Да я вот поэтому вам и звоню, — сказал Василий Галактионович, — слышал о вашем вчерашнем случае с журналистом.

— Да, было дело, — подтвердил я.

Интересно, оставался ли в тот день хоть один человек в благословенном Константинополе, который не слышал о моём знакомстве с Бенедиктом Баруховичем?

— Так вы бы поосторожнее, Матвей Михайлович, — произнёс Василий Петров. — Ведё это же может повлиять на решение суда не в вашу пользу. Да и меня, признаться, может затронуть.

— Признаю, Василий Галактионович, — согласился я, — что нам сейчас внимание лишнее не нужно. Никому из нас.

— Да мне оно никогда не нужно, собственно, — скромно сказал Василий Петров.

— Как и мне. Но, в той ситуации, мне кажется, я совершил правильный поступок, — продолжил я, — сегодня же я, например, остаюсь дома и буду оставаться, как минимум до своей служебной смены в Парящем дворце. Как раз на случай встречи с журналистами.

— Вот и прекрасно, вы меня успокоили, Матвей Михайлович, — в голосе Василия Галактионовича послышалось облегчение. — Глядишь и помилуют нас. Посидим месяцок, может быть даже не в каземате, а под домашним арестом, да и обойдётся.

Хорошо, что я ему не сказал, что даже дома меня умудрилась достать Таша Гиксман и попытаться втянуть в скандальную историю. С другой стороны — ещё не вечер, и Василий Галактионович может вскоре сам об этом узнать из Паутины.

— Вот и здорово, — ответил я Василию Петрову, — могу чем-то ещё помочь?

— Нет-нет, — ответил Василий Галактионович, — может быть я вам могу быть чем-нибудь полезен?

Одно удовольствие с таким собеседником разговаривать.

— Нет, спасибо, всего доброго, — ответил я.

— И вам всего доброго, — попрощался Василий Петров и отключился.

Вообще, необходимость сидеть дома была для меня только в радость. Я легко мог провести дома неделю, не выходя вообще и занимаясь своими любимыми делами: чтением, видеоиграми, размышлениями, просмотрами качественных фильмов и сериалов.

Если считать сегодняшний день, то до моей смены во дворце было ещё почти три дня. Времени, которое я мог провести наедине с собой получалось предостаточно. Я встал из-за компьютерного стола и улёгся на диван с томиком Аверченко.

Не успел я погрузиться в книгу, как в дверь снова позвонили. Я протянул руку, нащупал на журнальном столике беруши («береги уши»), какими ещё Одиссей спасался от песен

Сирен. В дверь снова позвонили. Я услышал это, несмотря на затычки в ушах.

— Тарас! — крикнул я.

«Кошмар какой-то, совсем обленился» — подумал я.

И тут я вспомнил, что Тараса нет дома. Пришлось подниматься с дивана, вынимать беруши, заново завязывать пояс на халате и идти вниз самому. Открыв дверь, я увидел, что сама графиня Анастасия Владимировна Воронцова милостиво посчитала угодным удостоить меня визитом.

— Матвей Михайлович, добрый день, простите, что без предупреждения, — сразу затараторила она, не обращая внимания на то, что я предстал перед ней в домашнем халате.

— Добрый день, Анастасия Владимировна, — ответил я, — это вы простите мой внешний вид: я никого сегодня не ждал.

— Ах, Матвей Михайлович, я сейчас в таком состоянии, что даже не заметила, — начала обмахиваться веером графиня.

— Проходите же, — я посторонился.

Графиня Воронцова вошла в дверь и начала подниматься по лестнице. Пользуясь тем, что она стояла ко мне спиной, я взял свёрток с моим карабином, который по заказу слуги моего отца доставил Экин, и поставил его за дверь в комнате Тараса.

Мы поднялись в мои комнаты.

— Присядьте, Анастасия Владимировна, — я широко обвёл ладонью гостиную, предлагая ей самой выбрать место, куда сесть. — Я переоденусь и выйду к вам.

— Ах, не знаю, смогу ли я сейчас усидеть на месте, — завздыхала юная графиня, тем не менее садясь на диван.

Я заметил, как она бросила взгляд на книгу Аверченко и сразу отвернулась. Ещё бы, ведь эта книга не была любовным романом. Не была она даже сборником примитивных стишков о любви и одиночестве непонятой души. То есть, по мнению Анастасии Владимировны Воронцовой в этой книге не было абсолютно ничего, что могло бы быть достойно её внимания.

Я вернулся в спальню и прошёл в свою гардеробную. Там мне на глаза попался всё тот же домашний костюм, расшитый жар-птицами.

Я задумался. Два раза появляться перед графиней в одном и том же домашнем костюме немислимо. Кстати, откуда у меня этот костюм вообще?

Оставив размышления об этом на потом, я принялся искать, что же ещё можно надеть. На глаза мне ничего подходящего не попадалось, а на долгие поиски не было времени: нельзя заставлять даму ждать. Взгляд мой снова упал на костюм с жар-птицами. Он лежал кучей, неаккуратно, и моё внимание привлекла его внутренняя сторона.

Я поднял рубашку от костюма и вывернул её наизнанку. Оказалось, что костюм двухсторонний и изнутри расшит русалками. Что ж, логично. Надев костюм на другую сторону, я задался вопросом, насколько это честно по отношению к графине: ведь фактически на мне та же самая одежда, нестиранная с нашей прошлой встречи позавчера. Не найдя ответа на этот вопрос, я отложил его до лучших времён и вышел к ней.

— Матвей Михайлович, — в нетерпении воскликнула графиня Воронцова, — вы меня без ножа режете! Что же вы так долго?

— Чем я могу вам помочь, Анастасия Владимировна? — поинтересовался я. Правда, я уже знал ответ.

— Рассказывайте скорее, что случилось с Валери? — выпалила она.

«На-ча-лось» — отчётливо пронеслась в моей голове обречённая мысль.

— Вы имеете в виду на дуэли или после? — спросил я.

— На дуэли, конечно же, на дуэли! Он не пострадал?! — Воронцова выглядела так, как будто она на грани истерики. Самое интересное же было в том, что, насколько мне было известно, она не являлась ни невестой, ни даже дамой сердца Валерия. Помнит ли он хотя бы как она выглядит?

— Анастасия Владимировна, — тихо и медленно сказал я, — но ведь уже весь Константинополь знает, что пострадал как раз граф Озёрский. Пострадал настолько, что от него даже и собрать-то осталось нечего.

— Ну и что! — не сдавалась та, — он же мог ранить Валери!

— А он, кстати, и ранил, — вспомнил я, — куда-то в бок. Я видел кровь.

— Кровь... — в ужасе прошептала Анастасия Воронцова.

— Да, кровь, — скрывая злорадство сказал я. И продолжил, — а сегодня князь Мартынов отвёз его в каземат, где он будет находиться всё время, пока идёт разбирательство!

— Каземат... — так же прошептала графиня, медленно вставая.

Наверняка, в этот момент она представляла себя со стороны. Бледной, с расширенными от волнения и страха за «прекрасного принца» Валерия зрачками. Но если со зрачками более-менее складывалось, так как глаза Анастасия Владимировна старательно выпучивала, то с бледностью дела обстояли совсем туго.

Загорелая графиня хотела выглядеть нежной, взволнованной и болезненной, но выглядела той, кем являлась, — молодой и здоровой девушкой с забитой ерундой головой.

— Да-с, — протянул я и твёрдо закончил — прямо в каземат.

Глаза Анастасии Владимировны сделали круг по потолку гостиной. Со вздохом она картинно упала в обморок на сиденье дивана. Так вот зачем она вставала: упасть в обморок из сидячего положения было бы сложнее.

«Ну! Что это за комедия!» — подумал я.

Вслух же я старательно изобразил беспокойство:

— Графиня, что с вами? — я подбежал к ней и немного как бы приподнял её за плечи. Заметив её веер, который она оставила на журнальном столике, я начал её обмахивать.

— Ох, Матвей Михайлович, — прошептала она, открывая глаза, — мне вдруг стало дурно...

— Я сейчас принесу вам воды, — я старательно изображал испуг, едва сдерживая смех.

Хорош я был бы, если бы начал смеяться над упавшей в обморок от страха за любимого девушкой, мотивируя это тем, что заметил, что она притворяется.

— Не нужно воды, Матвей Михайлович, — остановила она меня, — вы как будто придаёте мне сил. Подержите меня так, как держите сейчас.

«Это что-то новенькое» — отметил я.

Проблема была в том, что даже мой скромный жизненный опыт мне подсказывал, что нельзя долго обнимать девушку, не переходя к поцелуям. Целовать же, пусть и весьма смазливую, графиню Воронцову мне совершенно не хотелось.

Во-первых, потому что мне пришлось бы потом поддерживать с ней какие-то отношения. Это, с её глупой экзальтированностью, в смысле восторженностью всем тем, что связано с любовью, было бы сущим адом.

Во-вторых, будучи графиней, она могла поговорить с графом Воронцовым, а тот с моим

дедом, и вскоре я бы мог обнаружить себя ведущим её под венец. Жить всю жизнь с ней в браке? Когда даже сейчас она ждёт моего поцелуя, хотя считается, что она влюблена в моего кузена Валерия? Что же она тогда будет творить дальше после года брака? А после пяти? Нет уж, благодарю покорно.

— Знаете, Анастасия Владимировна, — произнёс я, — я всё-таки схожу вам за водой. Я читал, что после обморока обязательно нужно попить...

Ничего я такого не читал, конечно. Я попытался мягко освободиться от её рук. Это оказалось не так-то просто. Графиня довольно крепко обнимала меня за шею. К счастью, она сообразила, что если будет за меня цепляться, то выставит себя в глупом и даже неприличном свете. Таким образом, мне всё же удалось вырваться из её объятий.

Я побежал вниз в комнаты Тараса. Там я нашёл чистую кружку и набрав фильтрованной воды, поднялся наверх. К моей великой радости, графиня Воронцова уже сидела с прямой спиной и поправляла причёску.

— Спасибо, Матвей Михайлович, — она приняла от меня стакан воды и, сделав для виду крошечный глоток, поставила на столик. — Скажите, по какому адресу в каземат к Валери можно отправлять письма?

— Я не знаю, к сожалению, — ответил я, — позже я спрошу у деда или отца, и отправлю вам, хорошо?

— Вы меня очень обяжете, Матвей Михайлович, — томно сказала она, — впрочем, я уже ваша должница после того, как из-за слабости моего девичьего организма упала у вас в обморок. Надеюсь, вы не будете требовать от меня ничего неприличного?

«Мне кажется, или это прозвучало так, как будто она надеется как раз на обратное?» — с сомнением подумал я.

— Обморок... — сказал я вслух, — давайте же я вам вызову доктора?

— Доктора? — удивилась она, уже забыв о своей мнимой слабости, — нет, спасибо. Скажите лучше, был ли на дуэли доктор?

— Да, конечно, — кивнул я, — на всякой дуэли полагается быть доктору. У нас был доктор Чешский.

Я чуть не прикусил себе язык, проклиная себя: «Зачем же я ей назвал имя доктора?!»

— Доктор Чешский, — повторила она. — Знаете, Матвей Михайлович, мне всё ещё немного нехорошо, я, пожалуй, заеду к нему, пусть он меня проверит. Заодно и про дуэль спрошу: как врач, он должен был быть лучше осведомлён о ране Валери.

Ошеломлённый тем, какое стройное обоснование она подвела своему, в общем-то, продиктованному любопытством, визиту к доктору Чешскому, я смог только сказать:

— Могут ли я ещё вам чем-то помочь, Анастасия Владимировна?

— Спасибо, Матвей Михайлович, — проводите меня до двери.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, она, чувствуя, может быть, не вполне осознанно, мой Яр, сама опёрлась на мою руку и прижалась ко мне горячим бедром гораздо больше, чем диктовала необходимость. Какой контраст этот спуск составлял с прошлым разом, когда она едва прикоснулась к предложенной мной из вежливости руке!

У двери она поправила платье и сказала:

— Спасибо вам, Матвей Михайлович, за всё.

— Рад помочь, — кивнул я.

Мгновение она постояла, задержав взгляд на моих губах, будто ждала, что я её поцелую. Я же таращился на неё с видом самым бестолковым, давая ей понять, что, если очень надо,

целовать ей меня придётся самой.

Я знал, что по её глупому, промытому любовными книжками и сериалами мировоззрению, девушка должна быть неприступной и гордой. А значит, сама она меня не поцелует.

Мой расчёт оказался верным.

— Прощайте, Матвей Михайлович, — с надрывом прошептала она. В её глазах я прочитал глубокое разочарование моей несообразительностью. То есть, в том, что она приняла за несообразительность. В том, что на самом деле было холодным расчётом.

— До свидания, Анастасия Владимировна, — кивнул я.

— «До свидания», — повторила за мной она, — значит, вы хотите, чтобы у нас было свидание?.. Простите, Матвей Михайлович, но я не могу, моё сердце принадлежит Валери! Прошу, не терзайте меня больше!

Всхлипнув, она выбежала за дверь. Ну и слава Богу. Я вздохнул с облегчением и медленно, нога за ногу, стал подниматься по лестнице. На полпути, я вспомнил о своей посылке, спустился вниз и забрал свёрток с карабином из комнаты Тараса.

Я вернулся в свою гостиную и распаковал свёрток. Внутри была коробка, а в коробке — скорострельный карабин производства Ижевского оружейного завода, запасной рожок и две коробки патронов. Я с удовольствием вдохнул запах нового, смазанного сухой оружейной смазкой металла.

К моему сожалению, у меня не было никаких навыков по разбору, чистке и вообще какому-либо виду ухода за оружием, поэтому я решил подождать возвращения Тараса. С карабином или, как я его ещё буду называть, автоматом, я пока просто пофотографировался. Кроме этого, я, признаюсь честно, не отказал себе в удовольствии взять штурмом свою комнату.

— Лежать! — орал я не своим голосом, забегая в гостиную со стороны лестницы, по которой до этого очень медленно поднимался, готовый к тому, что по мне начнут в любой момент могут начать стрелять супостаты, то есть противники.

Когда это развлечение мне наскучило, я снова уселся за компьютер, поставив автомат рядом. От нечего делать я зашёл в социальную сеть ЛистЛиц. «Лист» в этом конкретном случае означало «список», как, например, английское слово «list». Или, например, есть русское слово «листок», одно из значений которого — «газета». «Московский листок», «Русский листок», «Петербургский листок».

То есть, сайт содержал в себе личные страницы людей, пожелавших там зарегистрироваться, чтобы делиться новостями, переписываться, писать заметки и заниматься прочей социальной активностью онлайн.

Я к подобным вещам относился прохладно, так как считал выкладывание своих фото и смешных картинок у себя в анкете занятием скучным и бесполезным. Я предпочитал читать, размышлять по мере своих возможностей или ездить на море купаться и заниматься сёрфингом вместо того, чтобы тратить время на поверхностное общение в комментариях с незнакомыми или малознакомыми людьми.

Поэтому свою анкету в этой соцсети я проверял редко и, каждый раз, как я туда заходил, меня там ждало куча уведомлений о всякой ерунде. Я уже собрался как обычно, не вникая, нажать кнопку «отметить всё прочитанным», как моё внимание привлекли несколько заявок в друзья.

Заявки поступили от всей компании, с которой я был в ресторане «Филоксен»: от Сергея Долгорукого, Александра Козлова, Марии Воцининой, Натальи Гардер, Аннь Друцкой, Антона Чигурикова и, конечно, Елизаветы Амадуни.

Я быстро принял все заявки и зашёл в ленту новостей. Антон Чигуриков сделал перепост записи с чьей-то страницы, на которой было снятое из машины видео того, как я луплю прутом Бенедикта. Сам Антон прокомментировал эту запись изображением смеющейся рожицы.

В комментариях бушевала настоящая буря, одни писали о том, что в нашем государстве нет никакой свободы слова и законности, если аристократы себе позволяют такое отношение к представителям прессы. Другие возражали, что свободы слова как раз предостаточно, ведь ресурс «Римское Эхо» сразу написал о случившемся, да и полиция вскоре после происшедшего явилась.

Эти горячие споры оставляли меня совершенно равнодушным. В другое время я бы забавы ради написал бы комментариях, что для меня подобные поступки являются частью ежевечернего досуга, то есть, что я каждый день хлещу прутом какого-нибудь журналиста, исключительно для удовольствия и физкультуры, но сейчас, после разговора с отцом и Василием Галактионовичем, я твёрдо решил избегать скандалов.

Снизу раздались звуки какой-то возни. Я встал и, схватив карабин, подбежал к двери. Резко распахнув её, я наставил оружие в сторону входной двери. Я увидел шуршащего пакетами Тараса. Не успел я ничего сказать, как неведомая сила вырвала карабин у меня из рук и перенесла точно к дядьке. Взяв оружие в руки, он сказал с укоризной:

— Матвей Михайлович, разве так можно? Я же сперва автомат увидел, а потом только понял, что это вы. Зашиб бы ненароком барина или застрелил.

«Знал бы ты сколько у меня сейчас Яра, ты бы так не говорил» — подумал я.

— Да. Ты прав, Тарас, прости меня, — вместо этого сказал я вслух.

Он с любопытством посмотрел на карабин.

— О, Ижевский, — отметил он.

— Ага, — кивнул я, — отец сказал, что ко мне может явиться агент Его Величества, чтобы ещё немного подвергнуть меня пытке. Поэтому я решил вооружиться. Едва ли это его остановит, но это не значит, что я должен сдаваться без боя.

— Пока я жив, он вас не тронет, — твёрдо сказал дядька.

— Спасибо, Тарас, — кивнул я, — ты же, кстати, имел дело с оружием, посмотри, может его надо почистить или ещё чего, смазать, допустим.

— Посмотрю, Матвей Михайлович, — сказала Тарас, — только сначала обед приготовлю.

— А что там у тебя? — поинтересовался я.

— Мяса купил и улиток, — ответил он.

— Тарас, — строго сказал я, — сколько раз тебе говорить: не покупай улиток. Ты же их живьём жарить, это варварство какое-то.

— Матвей Михайлович, — занудил Тарас, — ну, а как ещё? Они же мелкие, что их каждую булавкой убивать, что ли?

— Лучше вообще не покупать их, тебе не кажется? — задал я риторический вопрос.

Тарас недовольно крякнул.

— Так их же всё равно купит кто-нибудь, — возразил он.

— Ну мы же не можем другим людям запретить покупать улиток, но мы можем нести ответственность за себя, — ответил я.

— А устриц вы же едите в ресторане! — не сдавался дядька.

— Ну, устриц мы быстро едим, а улитки медленно жарятся в своём панцире. В общем, всё Тарас, чтобы это было последний раз! — отрезал я. И пошёл к себе наверх.

По-хорошему было бы правильно заставить Тараса найти в Паутине информацию, где эти улитки живут, в море ли, или на реках ли или ещё где, а затем заставить его отвезти улиток туда и отпустить. Но я не мог так с ним поступить, зная, что Тарас наверняка пришёл с рынка усталым и голодным.

У себя в комнате я увидел, вернувшись за компьютер, что Антон Чигуриков выложил новое видео у себя на стене. На фоне белой стены, поэт в чёрном кителе, со спадающими на бледное лицо прядями, произносил следующие слова:

«Вчера на дуэли погиб граф Григорий Озёрский. Сейчас неважно, по какой причине состоялась дуэль. Важно, что погиб человек».

Антон скорбно замолчал. Примерно через минуту он продолжил:

«Погиб человек и это всегда трагедия. Но граф Озёрский был ещё и поэтом».

На этот раз Антон помолчал секунд тридцать, давая зрителями возможность осознать этот факт.

«Да, Григорий Сергеевич писал стихи!» — с надрывом воскликнул Антон. Опять пауза.
«Стихи о любви!» — снова воскликнул он. По щеке поэта побежала слеза.

Он автоматически вытер её и с удивлением уставился на ставший влажным кончик пальца.

«Я плачу...» — медленно произнёс он. И почти закричал:

«Ведь он писал стихи! Стихи и вдруг о любви, вы представляете?!»

Поэт нервно захохотал.

«Я плачу!» — воскликнул он. — «Плачу от того, что теперь вы, тупые, примитивные обыватели, будете прославлять его глупые, корявые и бездарные строчки с банальными рифмами из-за того, что его угораздило убится о противника, который даже не хотел поединка с ним!»

Он замолчал, чтобы набрать воздуха. И продолжил:

«Я вас ненавижу! Жалкое, безмозглое стадо! Отправляйтесь в ад со своим Озёрским! Может быть, там вас научат, что только идиоты думают, что стихи должны быть обязательно о любви!»

Антон выглядел абсолютно разъярённым. Вдруг он резко замолчал. Когда он снова заговорил, его голос был спокоен:

«Многие из вас найдут мои слова оскорбительными. Если вы не дворянин, не рекомендую соваться ко мне с попытками физического или унижительного возмездия: убью сразу. Дворяне же, прошу, почувствуйте себя свободно, если вдруг пожелаете вызвать меня на дуэль».

Он подумал и добавил:

«Может быть вы даже сможете меня убить. И после этого примитивное тупое стадо будет начнёт говорить, что вы лишили Россию великого поэта. И мои стихи начнут прославлять так, как уже сегодня начали прославлять писульки графа Озёрского».

Он поправил китель и закончил:

«Ведь у обывателя нет понимания, что такое хорошие стихи, а что плохие. Где хорошая рифма, а где плохая. «Стихи — это мелодия» — говорите вы. Обывателю важно, чтобы поэт прожил трагичную жизнь, страдал от любви к какой-нибудь распутнице, которая спит со всеми, кроме него или, лучше всего, глупо погиб».

На этом поэт вышел из кадра и видео закончилось.

Я устало потёр глаза и посмотрел на счётчик комментариев под записью. Несмотря на то, видео было выложено двадцать минут назад, количество ответов пользователей на него перевалило уже за тысячу. Однако.

Читать я их не стал, просто закрыв вкладку. Бедный Василий Галактионович: он совсем не обрадуется такому резонансному видео, затрагивающему вопрос дуэли.

«Интересно, как там дела у Елизаветы Георгиевны?» — подумал я, но решил, что лучше ей не звонить и не писать, чтобы ни у кого не возникало вопросов, откуда я вообще знаю о том, что произошло в особняке Аматуни прошлой ночью.

Зашёл Тарас.

— Улитки готовы, Матвей Михайлович, — сообщил он. — С чесночком.

— Неси, чего уж, — махнул я рукой.

Тарас быстро сбегал туда-сюда и накрыл на стол.

— Себе-то улиток оставил? — спросил я.

— Конечно, — хмыкнул Тарас.

Я мог бы и не спрашивать: он обожал всяких креветок, улиток, крабов, омаров и прочих морских созданий. В гастрономическом смысле обожал.

— Ну приноси тогда сюда их, посидим вместе, — пригласил я дядьку разделить со мной трапезу.

Тарас кивнул и направился вниз.

— И вина захвати! — крикнул я вслед.

Тарас вернулся с бутылкой красного сухого. Странно, но при любви к сладкому лимонаду, я совершенно не любил сладких и полусладких вин. Тарас разлил по бокалам вино.

Улиток удобно есть, доставая их из раковинок зубочисткой. Вкус улиток я не особенно любил, потому что они такие маленькие, что его толком и не чувствуешь. И уж точно их вкус не стоит того, чтобы жарить несчастных созданий живьём.

Но, что сделано, то сделано. С чесноком они шли достаточно хорошо. Помимо улиток, Тарас сделал какой-то салат с авокадо, сыром и какими-то листочками, рукколой, что ли.

— Одного не пойму, Матвей Михайлович, — начал вдруг Тарас, — если мне позволено будет спросить...

— Спрашивай, — разрешил я.

Тарас спросил:

— Если эта девка, Ленка, не знает, что вы — Мартынов, то почему она к вам лезет?

— Ну, в любовь без Яра, ты, конечно, не согласишься? — произнёс я.

Тарас фыркнул, мол, скажете тоже, барин.

— Я же вижу, как она на вас смотрит, — сказал он. — Я мог бы понять, что она, думая, что вы слуга здесь, убедила бы себя, что любят не за Яра, а за то, что человек хороший. По крайней мере, в теории мог бы понять.

— Но? — предложил я ему продолжить и сделал глоток вина.

— Но она смотрит на вас так, как будто у вас Яра как у князя, — сказал дядька, — Да и, честно говоря, она не выглядит девкой, которой интересно какой человек внутри.

— Пожалуй, что и не выглядит, — подумав, согласился я.

— Вот я и не понимаю, — покачал головой Тарас, — как такое может быть.

— Что ж, — пожал я плечами, — я предпочитаю не задаваться вопросами тогда, когда мне дают то, что я и не надеялся получить.

Тарас кивнул, соглашаясь с моим подходом.

— Я только вот что думаю, — сказал он. — А вдруг она — агент императора, которую к вам приставили после того случая с Аматауни и Гуриели, чтобы следить за вами?

Я засмеялся.

— Лена-то? Ты, должно быть шутишь!

— Не знаю, не знаю, — снова покачал головой Тарас. — Может быть, надо батюшке вашему сообщить...

— А вот этого не надо, — строго оборвал его я. — Он и так сам не свой из-за случая с Гуриели, потом из-за дуэли Валерия, моего секунданта и взбучки, которую я задал Алексееву. Это он ещё не видел, что поэт Чигуриков выложил сегодня в Паутину.

— Да, но... — начал дядька.

— Никаких «но»! — отрезал я. — Ты посмотри, мне уже даже из дома выходить нельзя!

— Кстати, вчера перед вашим приездом девка тут лазила эта татуированная, — сказал Тарас. — Это она на крыше была сегодня?

— Да, — хмыкнул я, — она. Но она не получила того, чего хотела, хотя и очень старалась. Я её больше видеть не хочу, позаботься об этом.

— Понял, — принял к сведению Тарас.

— Только не в том смысле позаботься, как в Фарго, — решил уточнить я. Не хватало ещё, чтобы Ташу Гиксман потом выбросило на берег моря со сломанной шеей.

Тарас — человек добрый. По своей воле он не обидит и мухи. Разве что, если муха будет нужна для приготовления какого-нибудь вкусного блюда. Но если указание дано, он его выполнит. Любое. По-своему, конечно, поняв, и обязательно что-то перепутав, но выполнит.

Тарас хохотнул.

— Я уж подумал, барин...

Засмеялся и я.

— Да я так и понял, что ты подумал.

Мы заканчивали с улитками, когда у меня зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя Елизаветы Георгиевны Амадуни. Я схватил трубку:

— Алло, Елизавета Георгиевна, рад вас слышать!

— Ты куда пропал, Матвей? — раздался взволнованный голос фрейлины. — Не звонишь, не пишешь, как будто тебе всё равно! У нас тут...

— Простите, что перебиваю, — быстро сказал я, — вы сейчас где?

— Я у себя дома! — ответила она. — У нас тут...

— Я вам перезвоню, Елизавета Георгиевна, прошу вас мне не писать, я очень занят, — протараторил я и бросил трубку, если так можно сказать про мобильный телефон. В детстве я видел в доме отца стационарный телефонный аппарат. Выражение «бросить трубку» шло из этих, полузабытых воспоминаний о раннем детстве.

Причина, по которой я так по-хамски повёл себя в разговоре с Елизаветой Георгиевной, была проста: я не хотел, чтобы те, кто будут расследовать заварушку в доме князя Амадуни, могли проследить связь между нами по звонку.

— Тарас, — обратился я к дядьке, — Собери мой беговой костюм прямо сейчас и жди меня в моей машине.

Тот кивнул и отправился выполнять поручение. Я открыл на телефоне карту Константинополя и прикинул маршрут. Затем я надел купальные шорты и спустился во внутренний двор, где меня уже ждал сидящий в автомобиле Тарас.

— Матвей Михайлович, — обратился он ко мне, когда я сел на заднее сиденье, — вам же Михаил Юрьевич запретили дом покидать.

— Тихо, Тарас, — ответил я. — Важное дело. Поезжай на Нахимовский пляж, остановишь у памятника.

Пока мы ехали, я вывел карту на встроенный в панель автомобиля планшет и дал дядьке распоряжение:

— Когда меня высадишь, поедешь воот сюда, — я показал пальцем, — там будет кафе быстрого питания, оставишь в туалете под раковиной мой костюм.

— А как вы его заберёте оттуда? — спросил Тарас.

— А с чего ты решил, что его заберу я? — ответил я вопросом.

Тарас недовольно покосился на меня. Я сказал:

— В общем, засунь его под одежду, когда будешь от машины до кафе идти, вдруг за тобой будут следить. Можешь купить там себе что-нибудь, но только на вынос. Понял?

— Понял, Матвей Михайлович, — буркнул Тарас.

— Потом проедешь круг по городу по Потёмкинскому кольцу, и заберёшь меня там же, под памятником. Если меня не будет — подождёшь. «Ладощку» я оставлю в машине. Понял?

— Понял, ваше благородие, — недовольно ответил Тарас.

Чтобы избежать дальнейшего разговора, я включил погромче радио. Там шла какая-то передача, где двое ведущих наперебой рассуждали о том, что нашей стране нужно всё раздать другим странам и народам, а самой желательнее перестать существовать. Мы с Тарасом одновременно презрительно фыркнули, и я переключил на другую волну, где играла какая-то музыка.

Тарас довёз меня до Нахимовской площади, где стоял белый памятник великому русскому адмиралу Нахимову. Там я выскочил из машины и пошёл к морю, не оглядываясь.

Проходя под памятником, я увидел двух уже немолодых иностранок. Они довольно громко спорили между собой на английском о том, является стоящий перед ними монумент работой того же скульптора, который создал виденный ими сегодня памятник Ушакову. Дело откровенно шло к ссоре, так как дамы начали обращаться друг ко другу официально:

— Ах вот как, мисс Уолесс?!

— Именно так, мисс Бекдел!

Улыбаясь их горячему отношению к архитектуре моей страны, я проследовал мимо. На пляже была куча народу, и, если за мной кто-то следил, то этот шпион мог бы потерять меня ещё до того, как я вошёл в воду, в которой тоже людей было немало. Я поплыл всё дальше и дальше, пока не оказался от берега на большем расстоянии, чем абсолютное большинство купающихся.

Тогда я взял себя в руку из Яра и быстро, как торпеда, понёс себя через воду в нужную мне сторону. Сдвинувшись, таким образом, около двух километров в сторону, я остановился и прислушался к своему резервуару.

Оказалось, что на преодоление сопротивления воды тратится меньше Яра, чем на преодоление земного притяжения. Интересный факт, который следовало запомнить на будущее. Я оглянулся. Вокруг меня на расстоянии двух или трёх километров не было ни души. Возможный шпион наверняка до сих пор пытается углядеть меня среди толп, отдыхающих на Нахимовском пляже.

Я взмыл в воздух и полетел туда, где Тарас должен был оставить мне мой костюм. Это был первый раз, когда я летал при свете дня. Средиземноморское солнце отражалось от крыш, стёкол домов и автомобилей, отражалось от самого моря. С воздуха было видно, как много в моём Константинополе зелени.

Мокрый после моря, я летел по воздуху, обдуваемый небесным ветром, но не чувствовал холода. Вскоре я увидел кафе, в котором собирался забрать костюм. Пролетев мимо него пару кварталов, я приземлился и пошёл пешком: было бы опрометчиво с моей стороны явиться туда в одно и то же время с Тарасом.

Когда я добрался до этой забегаловки, я сразу прошёл в туалет, где, позаглядывая под стойку с ручкойниками нашёл пакет с моим костюмом. Я тут же — очень быстро — натянул его, надел маску и быстрым шагом покинул заведение.

На улице я зашёл в какие-то кусты и оттуда взлетел в воздух, отправившись к дому князя Амагуни. На площадке перед домом стояли несколько машин, то и дело туда-сюда сновали какие-то люди. Я, быстро как мог, подлетел к окну спальни Елизаветы Георгиевны.

Окно было открыто. Молниеносно я влез в него и шмыгнул под кровать.

— Я ничего не знаю, отстаньте от меня! — услышал я возглас моей фрейлины.

Я увидел её ножки, обутые в изящные домашние туфельки. За ней следовала пара мужских ног в обычных ботинках.

— Елизавета Георгиевна, — произнёс холодный безэмоциональный голос. — По долгу службы я не могу от вас отстать, мне требуется задать вам несколько вопросов, и вы на них ответите, так или иначе.

Этот голос, интонация, показались мне знакомыми. Таким же манером разговаривал тусклый господин перед тем, как начать меня пытаться. Ну, если он тронет Елизавету Георгиевну, я сделаю всё, чтобы убить его, пропадай оно всё пропадом!

— Задавайте же скорее ваши глупые вопросы! — раздражённо сказала Елизавета Георгиевна.

— Полиции вы сообщили, что всё время находились в комнате, — начал бесцветный голос. — Слышали неразборчивые голоса, затем звуки сражения. Всё верно?

— Верно, — ответила фрейлина.

— Сколько времени вы слышали звуки сражения? — спросил голос.

— Да откуда же я знаю?! — почти закричала фрейлина. — Мне было так страшно, что казалось, оно длится вечность!

— В доме был кто-то посторонний во время описываемых событий? — спросил тусклый господин.

— Был, — сказала Елизавета Георгиевна. Моё сердце сжалось. Неужели она меня выдаст? Этого не может быть!

— Кто же? — спросил этот человек.

— Князь Гуриели и его люди, — твёрдо ответила фрейлина Амагуни.

— А кроме них? — разочарованно спросил неприметный господин.

— Я никого не видела, — ответила Елизавета Георгиевна.

— Расскажите подробнее о ваших отношениях со стюардом Мартыновым, — сказал голос.

В воздухе повисло молчание.

— Вы в своём уме? — медленно спросила фрейлина.

— Да, Елизавета Георгиевна, вполне, — ответил тусклый голос.

— Кем вы себя возомнили, считая себя в праве задавать даме подобные вопросы? — с той же обвиняющей интонацией произнесла она.

— Я осуществляю свою деятельность по личному распоряжению Его Величества, фрейлина, — холодно ответил голос. — Я полагаю, что этого факта достаточно, чтобы ответить на ваш вопрос о том, кем я себя возомнил.

— На подобные вопросы я отвечу только Его Величеству лично, — резко ответила Елизавета Георгиевна. — А теперь покиньте мою спальню, пока я не позвала отца и брата.

— Елизаве... — снова начал тусклый голос, но не смог завершить фразу.

Послышался звук удара, на пол упал горшок с каким-то голубым цветком. Очевидно, фрейлина перешла к швырянию предметами.

— Вон отсюда! — громко крикнула она. — Папа!

Ноги тусклого господина стремительно двинулись к выходу из спальни. Из коридора послышался раздражённый мужской голос. Тусклый господин ему что-то отвечал.

В дверь спальни постучались, фрейлина приоткрыла её и спросила:

— Ну? Что ещё?

— Лиза, у тебя всё в порядке? — я услышал голос немолодого мужчины, вероятно самого князя Аматыни.

— Да, папа, — ответила фрейлина, — просто дайте мне отдохнуть. Не пускайте больше ко мне этого хама. И, тем более, не пускайте его к Алёне!

— Хорошо, Лизонька, — ответил князь, и фрейлина закрыла дверь.

Она устало вздохнула и упала на кровать. Я снял маску и выполз на свет Божий.

— Матвей! — ахнула она и потянула меня руками к себе на кровать.

Некоторое время мы целовались и обнимались. Затем она возмущённо спросила:

— Ты почему так со мной разговаривал по телефону?!

— Чтобы ты не наговорила ничего лишнего, во-первых, — ответил я, целуя её в носик, — а во-вторых, чтобы, если наш разговор зафиксирует агент вроде того, который сейчас покинул эту комнату, чтобы было видно, что разговор не продлился и минуты.

— Я так разозлилась на тебя! — шлепнула меня ладонками по груди фрейлина Аматыни. — Я думала, что ты просто не хочешь со мной сейчас общаться!

— Как видишь, Лиза, я не только хочу, но и специально прилетел к тебе, при том, что отец сегодня с утра настрого запретил мне выходить из дома, — ответил я, — чтобы журналисты не втянули меня в какой-нибудь новый скандал, спровоцировав своим хамским поведением.

— Угу, — улыбнулась Елизавета Георгиевна, — да, пожалуй, это разумно.

Она потрогала мои штаны от бегового костюма.

— А чего ты мокрый? — спросила она. — Не стерпел, пока под кроватью был?

— Потому что я часть пути проделал по морю, шутница, — ответил я. — У меня под одеждой пляжные шорты, в которых я вошёл в воду на Нахимовском пляже, чтобы оторваться от возможной слежки.

Она залезла руками мне в шорты.

— Ой, какой ты холодненький! — отметила она. — Тебе срочно нужно снять шорты, чтобы высохнуть.

— Ну, раз нужно... — согласился я.

Сказано-сделано. Я стащил с себя беговой костюм, зашёл в ванную комнату Елизаветы Георгиевны, там снял мокрые шорты и отжал их над ванной, повесив затем сушиться на змеевик.

Когда я вышел, она уже ждала меня под одеялом и принялась усердно меня согревать своим горячим телом, как только я к ней залез.

— Что говорит полиция? — спросил я через некоторое время.

— А что они скажут? — ответила фрейлина, — дело ясное. Мы у себя дома, к нам приезжают, нападают, мы защищаемся. Всё по закону.

— К тому же, известно, что ваши семьи в давней вражде, — добавил я.

— Ага, — кивнула Елизавета Георгиевна.

— Этот агент императора, я слышал, он спрашивал обо мне, — сказал я. — Я решил, что убью его если он тронет тебя или явится ко мне, чтобы меня пытаться.

— Да, он такой мерзкий и страшный, фу, — согласилась фрейлина Аматуни. — Ты правда его убил бы, если бы он меня обидел?

— Слушай, два раза у тебя были проблемы с Гуриели, два раза я вмешался, двумя Гуриели на свете стало меньше, — ответил я.

— Точно! — рассмеялась она.

— И это люди княжеского достоинства, несмотря на их отвратительные личные качества, — продолжил я, — что уж тогда говорить о каком-то, не пойми какого происхождения, шпионе.

Она поцеловала меня.

— С ума от тебя схожу! — заявила Елизавета Георгиевна.

— Слушай, Лиза, я вообще-то ненадолго, — сказал я, посмотрев на настенные часы. — Я пришёл тебе сказать, чтобы ты пока мне не звонила, видишь, этот агент и так проявляет к нашим с тобой отношениям нездоровый интерес...

— Как это «не звонила»? — воскликнула она. — Хочешь от меня отвязаться?

— Лиза, — я просунул руку ей под одежду и погладил грудь, слегка сжав сосок. — Зачем ты говоришь глупости? Ты же видишь, что я тайком, соблюдая меры предосторожности, близкие к параноидальным, добрался до тебя. Скрытно от полиции и от тайных агентов, только чтобы тебя увидеть и дать знать, что я помню и думаю о тебе.

— Ещё бы ты не помнил и не думал! — шутливо надулась фрейлина. — А если серьёзно, Матвей, хорошо, давай через неделю созвонимся через наших слуг?

— Если за нами будут следить всерьёз, такой маневр никого не обманет... — протянул я, — с другой стороны, обвести вокруг пальца шпиона будет даже забавным. Сделай вот что: попроси слугу купить «ладошку», батарейку с проводом, которая позволяет заряжать телефон без розетки и новую сим-карту, любой тариф «Почтмейстера» с выходом в Паутину. Пусть отвезёт в банк и положит в ячейку на своё имя.

— Не вижу, как это поможет нам связаться друг с другом? — сморщила лобик Елизавета Георгиевна.

— Через неделю поедешь туда, достанешь этот телефон и вставишь сим-карту, — объяснил я, — прямо в банке выйдешь в Паутину и заведёшь почту с названием, ну скажем, мэрисю@почта.ри, и отправишь на адрес, который похожим способом заведу себе я.

— А как я узнаю, какое имя ты себе заведёшь? — спросила фрейлина Аматуни, смотря на меня своими большими чёрными глазами.

— А, ну да! — спохватился я. — Сейчас придумаю. Имя-имя, будь оно неладно... Имя...

— Может быть Марти Стю? — предложила Елизавета Георгиевна. — «Мартынов» плюс «стюард», м?

— Отличная идея, умница! — похвалил её я. — Да, заведу почту мартистю@почта.ри. Напишешь мне туда о том, как у вас дела, всё ли в порядке, насколько соскучилась по мне...

— Нужен ты был! — легонько толкнула меня фрейлина.

— Ну не нужен, тогда можешь и не писать, — пожал я плечами.

— Ой, всё! — отмахнулась Елизавета Георгиевна. — Напишу, а что дальше?

— Дальше я прочитаю, и в зависимости от этого либо позвоню тебе открыто, либо, так же как сегодня, заберусь к тебе в окно, — ответил я.

— Какой ты умный! — сказала она непонятно, насколько всерьёз. И засунула руку под одеяло. — Такой умный и такой замерзший... Тебя нужно погреть! Особенно в одном месте...

Она полезла под одеяло. Я посмотрел на часы. Времени у меня было очень мало, скоро нужно было вернуться под памятник Нахимову, где меня должен забрать Тарас.

— Лиза, погоди! — остановил я её.

— Это ещё что такое? — высунула она из-под одеяла недовольную мордашку.

— У меня мало времени... — начал я.

— Ты, Матвей, совсем уже разбаловался! — возмутилась Елизавета Георгиевна. — Я тебя тут ублажать собираюсь, пока челюсть не сведёт, а ты ещё выделываться будешь?!

— Может быть, ты дашь мне закончить? — строго спросил я. Фрейлина сразу замолчала.

— У меня мало времени, поэтому есть одна идея, — вернулся я к своей мысли. — Поскольку, я не хочу оставлять тебя без своей ласки, а на то, чтобы делать это по очереди, у нас времени нет, то почему бы тебе не сесть мне на лицо, чтобы мы могли делать это одновременно?

Елизавета Георгиевна несколько секунд молчала, обдумывая моё предложение. По тому, как она, задумавшись, начала покусывать нижнюю губу, я понял, что идея весьма её заинтересовала.

— Только в душ заскочи быстренько, — сказал я. — Время на исходе, а успеть нам нужно многое.

Фрейлина пулей метнулась в ванную комнату. Ещё через мгновение она, обнажённая, сидела у меня на лице, а я чувствовал на себе её горячий язык.

Когда мы закончили, я быстро сбегал в ванную, натянул почти высохшие пляжные шорты, а сверху свой беговой костюм и, нежно попрощавшись с Елизаветой Георгиевной, вылетел в жаркие субтропические сумерки. Мой серый костюм был прекрасной маскировкой на фоне серого неба, а через сорок минут, самое позднее, на мой любимый город опустится тьма, которая скроет меня от любых глаз.

Я долетел сразу до того места на море, которое было напротив Нахимовского пляжа. В воздухе я снял с себя мой беговой костюм, и сложил его в пакет, в котором мне оставил его Тарас, и который я держал в нагрудном кармане. Туго завязав края пакета, я нырнул в воду и, помогая себе Яром, быстро доплыл до берега. Отдыхающих на нём сильно поубавилось, но было всё ещё много.

Я медленно подошёл к памятнику адмиралу Нахимову, где меня уже ждал Тарас.

— Накупались, Матвей Михайлович? — спросил он, косясь на пакет с костюмом,

который он сам пару часов назад оставлял под раковиной в кафе быстрого питания.

— Ага, — небрежно бросил я, проходя мимо него и, размахивая пакетом, отправился на парковку к своему «ЗИЛу».

— Не моё, конечно, дело, Матвей Михайлович, — недовольно забурчал Тарас, смотря на меня боковым зрением, когда я уселся назад, а он за руль, — но вы...

— Ты прав, Тарас, — перебил я. — Это не твоё дело. Поезжай домой, и о моём купании — молчок.

— Хорошо, ваше благородие, — ворчливо ответил дядька.

Мы приехали домой и я, сонный и усталый, пошёл в ванну, чтобы смыть с себя морскую соль. В ванной я проверил, сколько у меня Яра. Получалось, что его стало больше, чем было до полёта к Елизавете Георгиевне. Будучи не в силах ни о чём думать, я устало прикрыл глаза.

Я проснулся около десяти утра в своей кровати. Как это часто со мной бывало, я заснул в ванной, а потом, почти не просыпаясь, добрался до постели, где и продолжил спать.

Я лениво взял «ладошку» и увидел на экране уведомление из мобильной версии приложения «ЛистЛиц». Я открыл приложение и сморщился, будто от зубной боли: ко мне в "Друзья" изволила пожелать добавиться графиня Анастасия Владимировна Воронцова.

Её запрос в друзья сопровождался следующим посланием:

«Матвей Михайлович, сгорая от стыда, я пишу вам эти строки. Когда я была у вас с визитом, чтобы узнать о положении дел вашего бедного кузена Валери, мы оба — не отрицайте! — почувствовали нечто, что промелькнуло между нами. Я убеждена, что на жизнь нельзя смотреть однобоко и что чувства важнее условностей общества. Я верю, что Валери простил бы нас, если бы смог почувствовать то, что мы с вами, Матвей Михайлович, испытываем друг к другу. Но, так как Валери сейчас находится в каземате, я считаю, что лучше пока не сообщать ему о пробудившихся между мной и вами чувствах. Но что же нам делать с нашей страстью?».

Никакого интереса вникать в порождённый её туманным сознанием текст у меня не возникло, поэтому я просто нажал кнопку «Принять заявку», решив, что отвечу что-нибудь позже.

Я вышел в гостиную, ещё не вполне проснувшись, и, вздохнув, уселся за стол. Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и в створке показалась голова Тараса:

— Кофе, Матвей Михайлович? — спросил он.

— Да, — кивнул я. — Спасибо, Тарас.

Я встал из-за стола и пересел за компьютер. На глаза мне попался исписанный моей рукой листок. Я уставился на него так, будто бы увидел его впервые в жизни. Оказалось, что это был листок с моими записями контактов людей и компаний, которые создают программное обеспечение и видеоигры.

Тарас принялся сервировать мой завтрак. Я же стучал по столу пальцами, думая о том, как бы так наиболее продуктивно построить разговор с этими организациями, чтобы моя идея их заинтересовала. Я взял в руки телефон и набрал номер.

— Студия «Бандар-лог», приказчик Василиса Алексеевна, чем могу вам помочь? — прозвучал в динамике мелодичный голос.

— Доброе утро, — поздоровался я. И представился: — Матвей Михайлович Мартынов.

— Чем я могу вам помочь, Матвей Михайлович? — участливо спросила Василиса Алексеевна.

— У меня есть идея, которая перевернёт игровую индустрию, — заявил я.

— К сожалению, Матвей Михайлович, — сказала ничуть не удивлённая моим заявлением Василиса Алексеевна, — по субботам работают только непосредственно программисты, руководство будет теперь только в понедельник с утра.

— Это срочно, — сказал я. — Я ведь сейчас просто обращусь к вашим конкурентам. Как вы думаете, что вам скажет ваше руководство, если узнает, что после разговора с вами я принёс золотую идею соперникам вашей компании на рынке?

— Простите, Матвей Михайлович, — вежливо, но твёрдо ответила Василиса

Алексеевна, — но у меня чёткое указание: не беспокоить руководителей по выходным дням.

— Я вас понял, спасибо, — сказал я. — Хорошего дня.

— И вам хорошего дня, — тем же мелодичным голосом ответила администратор.

Я сбросил вызов. Интересно, они все по субботам не работают? Во дворце мы служили по сменам, а график работы простых людей я, будучи внуком князя, представлял весьма смутно.

Может быть, нужно было сказать ей, что я внук князя Мартынова? Но после того, как отец отверг мою идею, как только узнал о её существовании, не выслушав даже сути, мне хотелось добиться успеха настолько независимо от отца, деда или дяди, насколько это возможно. Конечно, существовал риск того, что у меня ничего не получится, но могу же я хотя бы попытаться, верно? Я решил для себя, что могу.

А вот мой кузен Валерий, скажем, уже не может. Он — наследник титула, его жизнь спланирована дедом и отцом ещё до его рождения. А я — и пустышка, и отпрыск младшей ветви, могу себе позволить то, что позволяют своим детям мещане-обыватели: попробовать поступить так, как хочется, а не так, как необходимо. Правда дети обывателей порой выбирают пробовать вещества, меняющие химический баланс организма и вызывающие зависимость, или беспорядочные половые связи на грани скотства, а не то, что требует интеллектуальных или волевых усилий, но это уже их проблемы.

Я сел за обеденный стол и сделал глоток кофе, набирая следующий номер.

Всего за час я обзвонил десять компаний, константинопольских и не только, везде мне отвечали милые девушки-приказчики, которым начальство строго-настрого запретило беспокоить их по субботам либо не запретило, но начальства на месте в момент моего звонка не было.

Вполне вероятно, что я выбрал неудачный день. Всё-таки, должно быть, далеко не все организации в Российской Империи работали полную неделю. Но меня не оставляло ощущение, что от таким образом компании просто отвязывались от постоянно предлагающих им свои идеи людей.

Я задумчиво жевал свой остывший завтрак, а именно *грeнкi* с яйцами. Появился Тарас: — Матвей Михайлович, ещё грeнок?

— Сколько раз тебе, олуху, говорить: грeнкóв, а не грeнок! — выплеснул я злость на ни в чём не повинного, кроме плохого запоминания правильного склонения слов, Тараса. — Один — грeнОк, много — грeнкОв!

Тарас засопел.

— Прости, Тарас, — опомнился я. — Нет, добавки не надо, ступай.

Тарас молча вышел. Ну вот, теперь будет дуться пёс его знает сколько времени. Впрочем, так мне и надо, сам виноват: нечего обижать прислугу, тем более ту, которая тебя ещё младенцем на руках таскала.

«Нокиа» зазвонила. Незнакомый номер.

— Слушаю, — мрачно буркнул я, отвечая на вызов.

— Матвей Михайлович, — послышался мужской голос. Что-то в интонациях обладателя голоса сразу выдавало в нём того ещё пройдоху. — Вы сейчас звонили в мою компанию, «Пантелей». Мне Газма́ сказала, что у вас было какое-то предложение. Слушаю внимательно.

Я действительно звонил в учреждение с таким названием. Девушка, которая ответила на звонок и представилась просто Газмо́й, не сказала, что ей запрещено беспокоить начальника по выходным, она просто сообщила, что его сейчас нет на месте и записала моё имя и номер телефона.

— Ваша компания занимается видеоиграми, я правильно понимаю? — уточнил я.

— Да, правильно, — согласился этот, пока что не представившийся, человек.

— В общем, — начал я. — Представьте себе любую игру с сюжетом, в которую можно играть на компьютере.

— Представил, Матвей Михайлович, — ответил мужчина.

— А теперь представьте, что мы делаем эту игру, рассчитывая не на одного пользователя, а на множество сразу, позволяя не только проходить сюжет в команде, но и сражаться друг с другом...

— Матвей Михайлович, — перебил меня звонящий, — нам нужно срочно встретиться!

— Извольте, — растерялся от такого напора я. — Приезжайте хоть сейчас, я живу на улице имени Николая Юденича...

— Подождите-подождите, будьте добры, — затараторил мужчина, — я ручку возьму... Слушаю, Матвей Михайлович!

Я продиктовал ему адрес.

— Вы, кажется, изволили сказать «хоть сейчас»? — переспросил человек. — Буду! Скоро буду!

— Хорошо, жду, — ответил я, не вполне понимая, чего мне ждать от встречи.

Я снова пересел за компьютер. Под поисковой строкой была «карусель» из сменяющих друг друга заголовков новостей. Как раз попалась какая-то, явно от всей души обработанная в редакторе изображений, фотография Таши Гиксман, и подпись: *«популярную журналистку подверг оскорблению действием скандально известный княжий Мартынов»*.

«Каково, а?» — подумал я. — «Это Я — скандально известный? Если учесть, каким способом вчера Таша пыталась добыть на меня компромат, это утверждение по меньшей мере странно. А уж у кого она с такими навыками популярна, уже даже просто предполагать неприлично».

Я не стал нажимать на заголовок. Вместо этого я включил следующую серию сериала. Когда она закончилась, я оделся во всё тот же домашний костюм, и вовремя, так как именно в этот момент по интеркому раздался голос Тараса:

— Матвей Михайлович, тут к вам Мавродий Сергеевич Пантелеев.

Вероятно, это и был тот человек, который мне перезванивал. Компания называется «Пантелей», и мой посетитель носит фамилию Пантелеев.

— Отлично, я жду его, проводи, — ответил я. — Сделай нам чаю.

Перед тем, как сеанс связи закончился, я услышал, что Тарас отчётливо крикнул. Зная характер своего слуги, я понял, что посетитель Тарасу не нравится, доверия не вызывает, и он бы с удовольствием этого посетителя вышвырнул, а чай если бы и подал, то очень горячим и исключительно ему за шиворот.

Тарас отворил дверь, запуская кудрявого человека среднего роста, по виду, пожалуй, грека.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — пригласил я.

— Пожалуй и присяду, — весело, даже игриво, согласился Мавродий Сергеевич.

Он действительно сел на диван, тут же, впрочем, вскочив.

— Матвей Михайлович, — заявил он, — сразу скажу: ваша идея ПОЙДЁТ.

Он замолчал, торжественно глядя на меня.

— Вот как? — произнёс я.

— Именно так, Матвей Михайлович, — энергично закивал Пантелеев. — У меня позвольте сказать, нюх на такие вещи, уж будьте известны.

— И что же говорит вам ваш нюх? — поинтересовался я.

— А то, что в игре, которую вы предлагаете, игроки будут пытаться превзойти друг друга, а под это дело им можно продавать разные улучшения игры, — ответил Мавродий. — Десять рубликов заслал, стал сильнее всех на час. Или не всех, но многих, зато не на час, а на год.

— Действительно, подобная идея была и у меня, — сказал я. — Скажите, с какого этапа начинается разработка? С сюжета игры, или сначала пишется код?

— Сначала вкладываются деньги, Матвей Михайлович, — увесисто произнёс Мавродий Сергеевич.

— Позвольте, — возразил я. — Я дал вам идею, а уж реализация с вас.

— Вот как? — весело спросил теперь уже Мавродий Сергеевич. — И сколько же вы хотите получить за идею, скажите мне ваши слова?

Я подумал. Вошёл Тарас и поставил поднос с чаем. Посмотрел на меня, как бы

спрашивая, справимся ли мы дальше сами или нужно полноценно накрывать на стол. Я махнул ему рукой, мол, иди уже, разберёмся. Дядька вышел.

— Пятьдесят процентов, — твёрдо заявил я. — Это честно, учитывая, что вы получаете в партнёры по бизнесу не кого-нибудь, а Мартынова.

— Я бы оценил вложение имени Мартыновых примерно в семьдесят на тридцать, — задумчиво покрутил кистью руки Мавродий. — В мою пользу.

— Пятьдесят на пятьдесят и ни слова больше о моей фамилии в таком тоне, — отрезал и заткнул ему ноздри Яром.

Он вытаращил на меня глаза и задышал ртом.

— Хорошо-хорошо, Матвей Михайлович, как скажете, — забавно затарахтел, пытаясь одновременно дышать и говорить Мавродий Сергеевич.

— Вот и отлично, — смягчился я. — Итак, вернёмся к обсуждению.

— Простите великодушно, — попросил Пантелеев, — а нос вы не могли бы мне освободить?

— Ах, да, — спохватился я и перестал препятствовать дыханию Мавродия Сергеевича.

Тот с шумом вдохнул воздух через ноздри.

— Спасибо, Матвей Михайлович, — сказал он. — Приятно иметь дело с деловым человеком.

— Так что? — сказал я. — Берётесь за реализацию?

— Братся-то берусь, — протянул тот, — да только моя компания разрабатывает мобильное приложение, и то едва концы с концами сводим... А тут нужно штат расширять, да желательно бы кое-кого из других компаний переманить...

Я молча слушал.

— ...а денег нет, — закончил Мавродий Сергеевич.

— Что ж, с этого и надо было начинать. Всего хорошего, спасибо, что заглянули, — ответил я. — Я найду разработчика, у которого будут деньги...

— Нет-нет-нет! — быстро протрещал Пантелеев. — Вы говорите совсем не те слова, которые нужны! Мы с вами, прямо сейчас организуем общество. Да-да-да! Я всё придумал!

Я несколько не преувеличу, если скажу, что он буквально пустился по комнате в пляс.

— Перестаньте паясничать! — строго сказал ему я.

— Матвей Михайлович, — ответил тот, останавливаясь, — я вам сейчас всё объясню, и вы-таки войдёте во вкус и пуститесь в пляс вместе со мной!

— Я слушаю, — ответил я без особого энтузиазма.

— Именно вас-то мне и не хватало! — энергично воскликнул Мавродий Сергеевич. — С вашей идеей, и с вашим происхождением!

— Говорите уже, — нетерпеливо бросил я.

— Мы с вами организуем новую компанию, — начал наконец объяснять Пантелеев. — Вы будете её лицом. Мы откроем акционерное общество, нет, лучше так, азартное общество. Первичный вклад человека будет составлять, ну, скажем, пять рублей, а через неделю мы дадим ему десять. Неплохо, да?

— А в чём для нас выгода? — не понял я. — И как это связано с нашей видеоигрой?

— Ну, на игру у нас пока нет денег, так? — полуспросил Мавродий Сергеевич. — Значит, нужно где-то их взять. В моих руках нет ремесла, я не умею чинить авто, чтобы заработать монету. А вы умеете?

— Не умею и уметь не собираюсь. Где мы возьмём деньги, если на каждый вклад в пять

рублей мы будем возвращать вкладчику ещё пять сверху? — возмутился я. — Вы сюда пешком добирались? Небось без шляпы? Нельзя по такой жаре да с непокрытой головой-то...

— Вы смеётесь Матвей Михайлович, но у меня нет смеха, — отмахнулся Пантелеев. — Дослушайте мою речь, взвесьте её на вес, рассмотрите её на смотр.

— Ну? — сказал я.

— Мы с вами даём им десять рублей обратно, и они тут же приносят ещё сто, чтобы через неделю получить от нас сто пятьдесят! — торжествующе воскликнул Мавродий Сергеевич. — И, самое главное, информируют о нашей компании друзей-родных и всякого встречного-поперечного!

— Которые тоже несут нам деньги, из которых мы потом выплачиваем старым вкладчикам... — до меня начало доходить.

— И так до бесконечности! — хлопнул в ладоши Пантелеев.

— И так до тех пор, пока пирамида не развалится, — угрюмо поправил я. — И тогда последние вкладчики, которые будут в основании пирамиды, потеряют все свои вложения. Вы предлагаете мне мошенничество.

— Ну, что поделаешь, — пожал плечами Мавродий Сергеевич. — Дело есть дело, ничего личного. К тому же, мошенничество, это на вокзале по ладони гадать за пять копеек или за гривенник, а когда обманом получаешь миллионы — становишься уважаемым человеком.

— Я и сейчас уважаемый человек, — всё так же мрачно возразил я.

— А я — нет! — воскликнул Пантелеев. — И у нас обоих нет денег на разработку вашей идеи, которая сама по себе может принести миллионы!

— Мне не нужны деньги, добытые обманом у моего же народа, — отрезал я. — Я не зря являюсь внуком князя Мартынова. Я, мы, аристократы, несём ответственность за русских.

— Хорошее уточнение, Матвей Михайлович, — обрадовался чему-то Мавродий Сергеевич. — А что, если, скажем, это будет население не нашей любимой Российской империи, а какой-нибудь ещё страны?

Я задумался. Прислушался к себе. Народ какой-нибудь другой страны меня не волновал никак.

— Пожалуй, если это будет происходить в другой стране, то можно, — ответил я.

— Прек-рас-но! — воскликнул Пантелеев. — Всё остальное я беру на себя!

Откуда ни возьмись в его руках появилась папка, а из неё — стопка бумаги. В которой Мавродий принялся быстро рыться.

— Так, этот не подходит, этот не подходит, — отбраковывал он какие-то листки. — Ладно, сделаем без бланка.

Он взял чистый лист и начал что-то на нём писать.

— Так, — бормотал он. — Матвей... Михайлович... Маартыбынооов... Ага... Год рождения ваш?

— Тысяча девятьсот шестьдесят шестой, — ответил я.

— А назовём как? — снова забормотал Пантелеев. — А так и назовём! Матвей Михайлович Мартынов — «МММ»!

Он подал мне листок. Вот что я прочёл:

«хх. хх.1984 г. Мавродий Сергеевич Пантелеев 1944 г.р. и Матвей Михайлович Мартынов 1966 г.р. учредили коммерческое общество «МММ» из расчёта прибыли

пятьдесят на пятьдесят процентов».

Юридическая ценность этого документа вызывала сомнения, но меня подобные вещи не волновали по определению. Со спокойной душой я поставил подпись.

— Имели ли вы дело с аристократами раньше? — поинтересовался я. — Только честно, Мавродий Сергеевич.

— Нет, не доводилось, — ответил тот, подписывая документ.

— Нас не интересуют бумажки, если они не подписаны Его Величеством, — сказал я. — Если я не получу своё, я убью вас.

— Не извольте беспокоиться, — расплылся в фальшивой улыбке Пантелеев, — нас с вами ждёт долгое и плодотворное сотрудничество.

— Вот и отлично, — кивнул я. — Что дальше?

— А дальше я сам, — ответил Мавродий Сергеевич. — Сделаем сайт с регистрацией документов. Гражданам Российской империи в доступе будет отказываться под предлогом того, что мест для новых членов сейчас нет, а всем остальным — милости просим!

Он рассмеялся.

— Заработаем денег, сделаем игру и заработаем ещё больше! — снова начал приплясывать он. — Наша игра перевернёт индустрию! Мы войдём в историю!

— Мартыновы уже давно вошли в неё, — вставил я.

— А теперь войдёт лично Матвей Михайлович Мартынов! — весело ответил Мавродий Сергеевич. — Войдёт и Пантелеев! Я пришлю фотографа на днях, а может, и сегодня! Вы будете лицом нашей организации, настоящий княжич! До встречи!

Он, всё так же пританцовывая, вышел из моей комнаты и отправился вниз по лестнице, напевая: «Деньги дают надежду, машины-квартиры-одежду»... Послышался звук открываемой и закрываемой двери, и уже с улицы слабо донеслось что-то вроде: «деньги, мои любимые деньги». Текст этой песни был мне незнаком, и я рискнул предположить, что она была чистым экспромтом, рвущимся из самого сердца Мавродия Пантелеева.

Я остался один, решил немного поиграть. И уселся за компьютер. Пока игра загружалась, я задумался над тем, что все мы, как правило, говорим «играть в компьютер», в то время как правильно говорить: «играть на компьютере». Мы ведь играем в видеоигру на специальном устройстве, которым является компьютер. Так же, как мы играем в футбол на специальной площадке, которой является футбольное поле. Правда, я-то в футбол не играю, считая эту игру глупой.

Игра запустилась, и я с головой погрузился в процесс, оставив на время размышления об изменчивости языка. Сюжет, на мой вкус, был довольно интересен, но ещё интереснее для меня были характеры встреченных мною персонажей, которые создатели игры смогли раскрыть с помощью всего лишь нескольких вовремя озвученных фраз. Вообще, мне всегда было интересно не то, что происходит, а то, как это происходит.

Через час-полтора мне немного надоело играть, и мои мысли снова потекли в произвольном направлении.

В любом сюжете что-то происходит. И это странно. Ведь в обычной жизни, как правило, не происходит ничего. В любом сюжете мы часто видим человека, которого обстоятельства вырвали из обычного течения жизни, и который переживает самые разные, самые страшные и самые удивительные приключения только для того, чтобы вернуться к обычной жизни обывателя.

Североамериканский охотник за головами расстреливает десятки бандитов для того,

чтобы заработать тысячу долларов и купить себе ферму. Он совсем не хочет рисковать своей головой или кого-то убивать, он хочет выращивать свиней. Но в фильме нам показывают счастливый финал, когда герой, получив награду, уезжает в закат, а не дальнейшую жизнь героя, когда он, по уши в грязи, пытается связать кабана, чтобы его кастрировать. Мы видим его полный приключений путь ко столь заманчивой для него цели.

Если же речь идёт о продукте для женской аудитории, то и там героиня оказывается вырвана из обычного течения жизни каким-то событием. Например, на кануне свадьбы она «совершенно случайно» изменяет жениху, и весь остальной сюжет строится на её «глубоких и сложных» переживаниях по этому поводу для того, чтобы, в конце концов, она определилась, с кем хочет быть, и опять же вернулась к обычной скучной жизни.

Сюжеты о человеке, который осознанно сделал выбор отказаться от обычной жизни и продолжать искать приключения просто потому, что не может жить как все, тоже существуют. Но, во-первых, их меньше, а во-вторых, они, как правило, рассматриваются зрителем (или игроком) тоже с позиции обывателя, который сидя в тепле и безопасности, наблюдает за героем, но, в действительности, совсем не хочет оказаться на его месте.

Я свернул игру, чтобы записать свои мысли по этому поводу, чтобы вернуться к ним, когда буду разрабатывать сюжет моей игры нового типа, которая, как выразился Мавродий Сергеевич, перевернёт индустрию.

Когда я закончил с записями, я сохранил файл и снова увидел перед глазами открытую в Паутине вкладку. Моя лента новостей с сайта «ЛистЛиц» показывала запись, которую разместил на своей странице Александр Петрович Козлов, лейтенант Средиземноморской эскадры, с которым я познакомился в ресторане «Филоксен». Я уже собрался раскрыть заметку, когда вспомнил об одном срочном распоряжении, которое нужно было дать Тарасу.

— Тарас! — позвал я дядьку.

Тот поднялся в гостиную, всё ещё обиженный на меня за выволочку, которую я ему устроил.

— Поезжай, купи какой-нибудь телефон, переносную батарейку для него, чтобы можно было зарядить, если он сядет и новую сим-карту с выходом в Паутину. Не вставляй её сразу. После этого поедешь в какой-нибудь крупный банк, где людей побольше. Там включишь телефон и создашь электронную почту. Сейчас я тебе напишу, как должен выглядеть адрес.

Я взял какой-то клочок бумажки и нацарапал: «*мартистю@почта.ри*» и подал Тарасу со словами:

— Электронный адрес должен быть именно таким и никаким другим. Бумажку с адресом потом сожги. После того, как создашь почту, «ладошку» и батарейку с проводами положишь в ячейку в банке, с доступом по кодовому слову для любого человека, который его знает. После этого до завтра свободен, если ничего экстраординарного не произойдёт.

Я решил, что если я дам ему отдохнуть, при том, что он и так, служа мне, особо не напрягается, то, таким образом, заглажу свою вину перед Тарасом. Он кивнул всё с тем же недовольным видом, но, зная его всю жизнь, я почувствовал, что мои извинения приняты.

— Всё понял, Тарас? — уточнил я.

— Понял, Матвей Михайлович, — ответил Тарас.

— Всё, поезжай, — отпустил я его.

Теперь можно было вернуться к чтению записи, которую выложил лейтенант Козлов.

Новость представляла собой снимок экрана из какой-то из соцсетей, на котором некто Леонид Брежнев заявлял следующее:

«Давайте не будем отрицать. Поэта Озёрского убили мы».

Над снимком экрана была подпись самого Александра Петровича:

«Мне казалось, что это сделал Валерий Мартынов в честном поединке. Но, раз Леонид Михайлович сознаётся сам, я думаю, полиции стоит проверить эту версию».

Я посмотрел комментарии. Там были десятки жёлтых смеющихся на самый разный манер мордашек и множество язвительных комментариев.

«Да вы убили, Леонид Михайлович. Вы и убили-с...» — перефразировал кто-то слова сыщика из «Преступления и наказания».

«Может быть, стоит наладить выпуск футболок, белых с мелкими красными каплями, каким по слухам, стал костюм дуэлянта, убившего графа Озёрского, кем бы он ни был — Валерием Мартыновым, Леонидом Брежневым или кем-то ещё? Эти футболки можно продавать в память о великом поэте, невольнике чести, Григории Озёрском». — предлагал другой комментатор. Ему тут же отвечал третий:

«Да чего уж! Можно сразу провести Озёрские чтения в память о нём, да там же и футболки эти продавать!»

Одним словом, в комментариях былолюдно, оживлённо и весело. Однако социальная активность в Паутине никогда меня не привлекала, а потому я, по своему обыкновению, просто закрыл вкладку.

Внизу послышались звуки, я подошёл к двери и выглянул. Это вернулся Тарас.

— Всё сделал, Матвей Михайлович, — доложил он.

— И бумажку сжёг с адресом? — уточнил я.

Тарас застыл на секунду и начал рыться по карманам. Ещё через секунду он вихрем вылетел за дверь. Тарас не был бы Тарасом, если бы чего-то не забыл или не перепутал.

Я вздохнул и спустился вниз по лестнице, чтобы закрыть дверь, но, когда я к ней подошёл, в неё снова влетел дядька.

— В машине была, барин, — пропыхтел он, направляясь в свои комнаты, — прямо сейчас и сожгу...

Я снова вздохнул и вернулся к себе наверх с мыслями: «Хорошо хоть, что он забыл её в машине, а не в урне возле банка». Зазвонил телефон:

— Матвей Михайлович, — послышался голос Пантелеева. — Сайт доделываем, сейчас к вам фотограф приедет.

— А мы прямо дома, что ли, будем фотографироваться? — спросил я.

— Да это абсолютно неважно, всё что нужно, потом дорисуем, лишнее уберём, — небрежно ответил Мавродий Сергеевич.

— Хорошо, буду ждать фотографа, — ответил я.

— А, и ещё, Матвей Михайлович, — сказал Пантелеев. — Сколько вы готовы сейчас вложить?

Я прикинул в уме.

— Тысячи две рублей, — сказал я наконец.

— Прекрасно, — ответил Мавродий Сергеевич. — Переведите мне сейчас, если не затруднит?

— Хорошо, — ответил я.

— Спасибо, Матвей Михайлович, — сказал Пантелеев. — Всего хорошего.

— До свидания.

Я поиграл ещё минут сорок, когда в дверь позвонили. Помня о том, что я дал Тарасу отдых до конца дня, я пошёл открывать сам, однако, когда я вышел на лестницу, то увидел, что дядька уже открыл. Это было ожидаемо, ведь ему было ближе дойти до двери, чем мне.

— Ваше благородие, — с сомнением сказал Тарас, — тут к вам, говорят фотограф.

— От Мавродия Пантелеевича, — проснулась в дверь женская головка с розовыми волосами и в круглых очках. — Я фотографка ваша.

— Фотографесса, тогда уж, — поправил её я, поморщившись от такого коверкания языка. — Тарас, всё в порядке, пускай.

Дядька подвинулся и девушка, отличавшаяся от Таши Гиксман, как будто только цветом волос, забежала по лестнице вверх. У неё также были густо татуированные руки и шея, и, насколько позволяла увидеть её майка, спина тоже. Ну, почему бы и нет.

— Матвей Михайлович, — обратилась ко мне фотограф, — меня зовут Евабелла, пожалуйста, делайте, как я говорю, хорошо?

Я пожал плечами.

— Так, сядьте, пожалуйста, за компьютер, — распорядилась Евабелла, — так, смотрите на меня.

Фотоаппарат начал щёлкать.

— Теперь вправо, повыше, пониже, вот так, — ещё серия щелчков.

Она подошла ко мне и взьерошила мне волосы. Вернулась на свою позицию и сделала ещё несколько снимков.

— Может быть, мне надеть что-нибудь другое? — спросил я.

— Да не, это всё неважно, замажем, подрисуем — отмахнулась фотограф. — Главное, чтобы лицо было ваше.

Щёлк-щёлк-щёлк.

— Давайте поднимемся на крышу, — предложила Евабелла.

— А откуда вы знаете, что у меня есть выход на крышу? — спросил я.

— Я подписана на Ташу Гиксман, — ответила фотограф.

«Естественно, ты подписана» — подумал я.

— Должна сказать, что в этой ситуации я целиком на её стороне, — заявила Евабелла, пока мы шли на крышу. — Я вообще всегда выбираю сторону женщины.

— Вот как? — произнёс я. — А о какой ситуации идёт речь?

— Вы на неё напали, склоняли к неприличным действиям, — сказала Евабелла.

Мы зашли на крышу.

— Разве этому есть какие-то доказательства? — спросил я.

— Зачем мне доказательства, если я верю ей на слово? — ответила фотограф и присела на корточки, взяв меня в прицел фотоаппарата. — Вверх смотрите пожалуйста.

Щёлк-щёлк-щёлк.

— А то, что она незаконно проникла на территорию, находящуюся в моей собственности, согласно договору найма, это вас не смущает? — поинтересовался я.

— Нисколько не смущает, — легко ответила Евабелла. — Влево смотрим.

Она сделала ещё несколько снимков и обошла меня с другой стороны.

— Как же вы тогда со мной работаете? — спросил я. — Если я такой плохой человек?

— Меня наняли, я работаю, — ответила фотограф.

— То есть, финансовый вопрос важнее, чем женская солидарность? — уточнил я. —

Кто платит, тот и заказывает музыку, в смысле фотосессию?

— Что поделаться, таково общество капитализма, — ответила Евабелла.

«То есть, это не Евабелла легко продаётся, забыв о своих принципах, а проклятый капитализм её заставляет. Понятно», — подумал я.

Щёлк-щёлк-щёлк.

— Думаю, достаточно, — сказала она.

— Отлично, спасибо, — сказал я.

— Разве что, — протянула Евабелла, — я сделаю несколько фото для себя...

— Не понял? — произнёс я.

— Я давно не практиковала фото обнажённой мужской натуры, — медленно сказала она, глядя мне в глаза.

— А вас не беспокоит, что придётся снимать бесплатно человека, который, по словам Таши Гиксман, так плохо с ней обошёлся? — ехидно спросил я.

— Ну, я же это делаю для своей практики, — хитро ответила Евабелла. — Что, если вы снимите вашу рубашечку?..

Она подошла ко мне и в самом деле начала снимать с меня рубашку.

— Нет, спасибо, — мягко я убрал её руки. — Мне скандалы не нужны, тем более фото в таком виде.

— А что, если, я не буду вас фотографировать, а вы просто разденетесь для меня?

Она снова начала меня раздевать. Я вывернулся и вернулся в квартиру. Она пошла за мной.

— Спасибо за вашу работу, всего хорошего, — я сделал рукой жест, указывающий на дверь.

— Вы не знаете, от чего отказываетесь, — тихо и хриловато сказала Евабелла.

— Догадываюсь, спасибо, — холодно ответил я. — Вас проводить до двери или вы слишком независимы для этого?

— До свидания, — обижено буркнула Евабелла и сбежала вниз по лестнице.

«Нашла дурака» — подумал я, закрывая за ней дверь.

Интересное дело. Я, человек закрытый, необщительный и, в какой-то степени, нелюдимый, даже сидя дома, так сказать, в самоизоляции, постоянно становился участником каких-то событий, умудрялся, не покидая квартиры, встречать новых людей, становиться объектом (если не жертвой) домогательств, ложных обвинений и учредителем обществ. Странная штука наша жизнь, как говорят китайцы.

Впрочем, это всё шутки, ничего подобного они мне не говорили, и вообще, какой-либо духовности и мудрости я на Востоке не видел. Что неудивительно, если учесть, что всю духовность им придумал немец-филолог из Великобритании Фридрих Мюллер в середине девятнадцатого века. Не обошлось там и без добрых русских людей: с этим профессором одно время работал русский востоковед Сергей Фёдорович Ольденбург.

Я вспомнил, что надо перевести деньги Пантелееву. Я открыл банковское приложение на «ладошке» и отправил Пантелееву две тысячи рублей, оставив себе триста на карманные

расходы. Если всё получится, мои деньги возвратятся сторицей, если не получится, я заберу свои две тысячи у Мавродия Сергеевича. А в самом крайнем случае... Что ж, у Тараса уже есть опыт из Фарго, подскажет.

Я повалился на диван и подумал о том, что оба моих беговых костюма требуют стирки. Естественно, сам я этим заниматься даже и не думал, просто постарался запомнить, чтобы сказать об этом завтра Тарасу. Я бы мог позвать его поиграть в какую-нибудь игру по локальной сети, но раз уж я дал слуге отдых, то пусть он и от меня отдохнёт. Вот если сам придёт, тогда другое дело.

Я взял книжку и начал читать. За этим занятием я провёл около часа. Встав, чтобы размяться, я принялся махать руками и ногами. Захотелось есть. Я вспомнил, что ел последний раз ещё утром. Я залез в холодильник, но, кроме сыра и колбасы там ничего стоящего не было. Сделав себе из них бутерброд, я полез в Паутину, чтобы заказать себе еду.

Я спустился к Тарасу и постучал в дверь. Раз у человека свободное время, то я не должен кричать ему, ожидая, что он тут же примчится выполнять мои указания.

Дверь открылась.

— Нужно чего, Матвей Михайлович? — спросил меня Тарас.

— Решил еды заказать, ты что будешь? — сказал я.

Тарас подумал.

— Мяса какого-нибудь можно и спагетти, — ответил он.

— Хорошо, — сказал я и пошёл к себе.

Я заказал нам стейков и пасту Болоньезе, которую Тарас научился готовить в Америке, и к которой пристрастил меня. Себе я заказал ещё и шесть бутылок лимонада. Приложение, предложило мне ещё сырный набор по скидке, я добавил в заказ и его. С моего счёта списалось около восьми рублей. На экране «Нокии» появилось уведомление из приложения ЛистЛиц. Я нажал на него. Заявка в друзья от Е-Б. Отчетт. Что это за фамилия такая? Кто это вообще?

Я нажал на профиль и понял, что это фотограф Евабелла, которая приходила сегодня от Мавродия Сергеевича. Нажав кнопку «отклонить», я вышел из приложения. Вообще, это какое-то хамство: зачем добавляться в друзья, к человеку, которого, по собственным же словам, осуждаешь?

«Нокиа» зазвонила, на этот раз меня пожаловал звонком сам князь Юрий Мартынов.

— Да, Ваше Сиятельство? — ответил я.

— Матвей, — услышал я голос деда. — Михаил к тебе вчера заезжал, я знаю. Так что перейду сразу к делу.

— Слушаю, — произнёс я, внутренне напрягшись. Ну почему мои родственники никогда не звонят и не приезжают, чтобы сообщить мне что-то хорошее?

— Вокруг дела пресёкшейся со смертью отца и сына ветви рода Гуриели, ведётся большое разбирательство, помимо обычной полиции, подключена тайная. Твой знакомый агент Его Величества снова их навещал.

Я чуть не брякнул: «Я знаю», да вовремя спохватился. Пришлось бы тогда рассказывать, что я вчера не только выходил из дома, нарушив запрет отца, но и, с помощью Яра, которого у меня якобы нет, долетел до дома Аматыни, где, сидя под кроватью, слышал разговор агента с Елизаветой Георгиевной.

— Так, понятно, — произнёс я, вместо этого.

— Что тебе понятно? — сразу насторожился дед.

— Да ничего, собственно, — ответил я. — Продолжай.

— Вот и я думаю, что ничего тебе непонятно, — сказал дед. — Повторяю, вслед за Михаилом: с Аматыни пока не общайся. С журналистами тоже. Из дома не выходи.

— Мне повестка по поводу того, что я Бенедикта Алексеева прутом отхлестал, прийти должна, — безэмоционально ответил я. — И по поводу дуэли Валерия ещё допросы. Всё равно не выходить?

— По повесткам, сам понимаешь, что нужно явиться, — раздражённо сказал князь Мартынов. — Что ты глупые вопросы задаешь?

— Да я так, уточняю, — ответил я. — Что-нибудь ещё?

— Тайная полиция начала тобой интересоваться, — сказал дед. — И, в деле гибели князя и княжича Гуриели, полиция копает отношения Аматыни-Гуриели, а вот тайная полиция, кажется, копает под тебя. По крайней мере, такую информацию доносят мои информаторы.

— Да пусть копают, — безмятежно, насколько мог, сказал я. Даже рукой махнул для убедительности, хотя князь этого видеть не мог. — Я же из дома даже не выхожу.

— Вот и не выходи, — твёрдо сказал старый князь. И сменил тему: — Ты Михаилу звонил на днях, спрашивал про активы, говорил деловая идея какая-то тебя посетила, рассказывай?

— Да нет, ничего, просто фантазии какие-то, — соврал я. — Я в Паутине почитал на эту тему: ничего не получится.

— Понятно, — ответил Юрий Мартынов. — Я так и думал. Ну, всего доброго.

— До свидания, Ваше Сиятельство, — ответил я, слушая короткие гудки.

«Так он и думал, смотрите-ка», — мысленно возмутился я, положил «ладошку» и отодвинул подальше..

Я спустился вниз и, постучавшись, вошёл в комнату к Тарасу. На его вопросительный взгляд я ответил взмахом руки, дескать, не беспокойся, я сам разберусь.

— Тарас, а где мой карабин? — спросил наконец я, когда самому разобраться не получилось. Было весьма самонадеянно с моей стороны думать, что я смогу сам что-то понять в системе, по которой Тарас раскладывал вещи в своей комнате.

— Щас, Матвей Михайлович, — кивнул Тарас, поднялся с кресла и принялся чесать затылок. — Карабин-карабин. Куда же я его положил?..

Он принялся оглядываться и для чего-то даже похлопал себя по карманам, в которые карабин длиной в руку поместиться никак не мог.

— Куда же я его подевал? — бормотал Тарас. — Смешно даже.

— Грустно, девицы, — ответил я прочитанной где-то фразой. Впрочем, мне и самому было смешно от бестолковости Тараса.

Наконец автомат был обнаружен нами за спинкой дивана, на котором спал дядька. Как и почему он там оказался, Тарас объяснить не смог.

— Ты его посмотрел, почистил, сделал, что надо? — спросил я.

— Конечно, барин, — кивнул дядька.

— Хорошо, — ответил я. — Я пойду посмотрю какие-нибудь видео в Паутине, как собирать-разбирать его. А ты отдыхай.

— Матвей Михайлович, что ж я, барину своему не подскажу как автомат разобрать, что ли? — укоризненно спросил меня Тарас.

— Да зачем, отдыхай, — ответил я.

Тарас засопел. Я понял, что, по какой-то причине, я его очень обижу, если откажусь от его помощи.

— Ну, Бог с тобой! — согласился я. — Показывай!

— Сейчас, Матвей Михайлович, за ветошью сбегаяю! — обрадовался дядька.

В этот момент доставили еду, которую я заказывал через Паутину. Наскоро, меньше, чем за час пообедав, мы с Тарасом приступили к процессу моего ознакомления с оружием.

Следующие пару часов я провёл, смазывая части автомата сухой смазкой, разбирая и собирая его, сначала просто так, потом на скорость и один раз даже попробовал сделать это с закрытыми глазами, но быстро запутался и решил попытаться в другой раз.

— Слушай, Тарас, — обратился я к дядьке. — Раз уж мне всё равно нужно сидеть дома, может надо на крышу стол для пинг-понга поставить?

— Так мы ж играть не умеем, — ответил тот.

— Ну вот и будем учиться, — сказал я.

— Могу хоть сейчас съездить, — сказал на это Тарас.

— Да я же тебе дал отдых до завтра, — возразил я. — Нет, лучше поступим вот как: я закажу стол, ракетки, мячики и сетку в Паутине, нам привезут на дом и установят.

Тарас пожал плечами.

— Вот и отлично! — я поднялся и пошёл к себе наверх, где у меня лежал телефон.

Около часа у меня занял заказ, заодно я заказал и снаряжение для бадминтона на случай, если настольный теннис мне или Тарасу не понравится.

В течение следующих суток ничего примечательного не происходило. Я читал, потом принимал заказ из спортивного магазина, наблюдая за муками грузчиков, которые пытались поднять тяжёлый стол по узкой лестнице моей квартиры. Особенно забавен был Тарас, от советов которого «угол, угол поднимай! Да не этот угол!» или «сбоку, сбоку заходи!» грузчикам не было никакого проку и который в итоге сжалился над ними и поднял стол на крышу с улицы Яром.

Потом мы пытались играть в настольный теннис, но ничего не получалось, потом мы играли в бадминтон. Потом я снова читал, валялся в ванной, смотрел сериалы и играл на компьютере.

Наутро пришёл тренер по пинг-понгу, которого я пригласил накануне опять же через Паутину, и дела на поприще настольного тенниса у нас с Тарасом пошли намного лучше. Никто мне не звонил, не писал, никуда не вызывал, не подвергал сексуальным домогательствам, иными словами, воскресенье я провёл как нормальный человек, не считая моей самоизоляции.

Единственной вещью, которая меня беспокоила весь этот день, была Константинопольская жара, поэтому вечернюю темноту я встретил лёжа на шезлонге у себя на крыше и выбирая переносной каркасный бассейн для того, чтобы поставить его во внутреннем дворе дома. Лучше было бы, конечно, поставить его тут же возле шезлонгов, но места не хватало.

Я уже выбрал модель бассейна, когда вспомнил, что перевёл две тысячи рублей Мавродию Пантелееву и что денег на бассейн у меня сейчас нет. Я сделал на «ладошке» заметку, чтобы завтра позвонить Мавродию Сергеевичу и узнать, как продвигаются наши дела.

Захотелось пить. Я глянул на лежавшего на соседнем шезлонге Тараса. Он, кажется, задремал. Я вздохнул и пошёл за лимонадом вниз сам. В моём холодильнике напитка не оказалось, и я спустился ещё ниже, на первый этаж, где стоял большой холодильник.

Я уже вернулся к лестнице, чтобы пойти на крышу, когда в дверь позвонили. Кого это принесла нелёгкая в воскресный день поздним вечером?

Я открыл дверь. Передо мной стоял Экин.

— Ваше благородие, впустите меня! — взволновано затараторил он. — Мне срочно нужно кое-что вам рассказать!

Я посторонился, давая ему прощмыгнуть в моё жилище.

— Знаешь, Экин, я ожидал, что, когда я оставил тебя в живых и пометил лицо шрамом на брови, ты сделаешь всё, чтобы больше со мной не встретиться... — начал я.

Экин попытался что-то сказать, тараща на меня глаза из-под густой сросшейся монокрови.

— Подожди, я не закончил, — я сделал останавливающий жест ладонью, — о чём это я? Ах, да. Я думал, ты постарайся держаться от меня как можно дальше. Но через несколько дней я снова увидел тебя. И где? На пороге моей квартиры! Тебе удалось развеять моё удивление, когда ты сообщил, что принёс мою посылку, а принёс её именно ты, потому что ты устроился работать курьером в службу доставки...

— Ваше благ... — снова начал он.

— Ты ведёшь себя некультурно, Экин, — произнёс я, сжимая ему горло Яром и приподнимая над полом. — Я сожму сильнее, если ты не дашь мне закончить. Понял?

Он сделал попытку кивнуть. Я расценил это как положительный ответ и продолжил:

— Должен признаться, я подумал, что если уж не после нашей первой встречи, то хотя бы после второй, ты забудешь дорогу ко мне домой, однако ты снова тут. Что у тебя? Не томи, выкладывай.

— Ваше благородие, — снова затараторил Экин, — вас хотят убить!

— Так что же ты молчал! — воскликнул я. — Такая важная новость, а он молчит! На будущее тебе совет: важные новости сообщай людям как можно раньше. Для тебя может быть и ерунда, что меня хотят убить, а я могу подобной потери и не пережить!

— Вашблагородь... Да я же и говорил... — попытался оправдаться Экин.

— Так ведь нужно было не говорить, а сразу сказать, — отрезал я.

Экин растерянно заморгал своими чёрными выпуклыми глазами. Действительно, на подобную фразу возразить невозможно.

— Шучу, Экин, — рассмеялся я, — просто хотел процитировать шутку из одной книги. Ну, кто собирается меня убить? И как ты понял, что именно меня собираются убить, если имени моего не знаешь?

— Как это не знаю, ваше благородие? — уверенно возразил он, — Мартынов Матвей Михайлович. На посылке имя ваше было указано.

— А, — я с трудом удержался, чтобы не шлёпнуть себя по лбу в присутствии постороннего. — Точно! Продолжай.

— Убить вас хотят бандиты, на которых вы наткнулись в квартире во время полицейского рейда! — выпалил Экин, опасаясь, что я снова его перебью.

Это было неожиданно. Яром я крепко прижал руки Экина к его телу, сделав его абсолютно беспомощным.

— Откуда ты знаешь об этом случае? — прошипел я. — Я был в маске, а тебя там точно не было.

— После убийства Фануччи, который держал наш район, между Пиратского и

Айвазовского, — испуганно начал объяснять Экин. — Разные компании из местных с Пиратки и Айвазы хотели подмять район под себя...

— И тогда градоначальник Меншиков устроил рейд по району, чтобы прекратить беззакония, — закончил я.

— Да, пришли полицейские и многих, кто при делах был, да почти всех, арестовали, — кивнул Экин, — в том числе и тех, на кого вы в квартире налетели.

— А ты откуда это всё знаешь? — спросил я.

Что-то тут пока не складывалось.

— Дак у меня столько знакомых там! — воскликнул тот. — Дело не в этом. А в том, что эта компания тоже планировала захватить власть на Пиратке. И у них было секретное оружие: у одного из них есть Яр, он хочет стать новым Фануччи. Тогда его, этого с Яром, в квартире, да и вообще на районе, не было. Когда тех, кто из квартиры, арестовали, они ему передали, что их арестовали по вине парня в маске.

— Так откуда они, да и ты, знать могут, что это был я?! — крикнул я, чтобы ещё его припугнуть.

— Простите, Матвей Михайлович, — суксил лицо, почти заплакав, Экин, — я с одной бабой мучу, был у неё после работы и рассказал ей, что встретил человека, который мне бровь порезал и велел жить честно... А она, дура, видимо, кому-то ещё растрепала, брату, может, или не знаю кому, так до тех и дошло.

— То есть, получается, ты рассказал, кто я такой, и теперь меня хотят убить, я правильно всё понял? — спросил я.

— Виноват, Ваше благородие, Матвей Михайлович, пощадите, — запричитал он. — Я же потому и пришёл, чтобы предупредить...

— Так откуда известно, что парень в маске и я — один и тот же человек? — спросил я. — Ты вообще знаешь, что там произошло?

— Якобы они вас побили, а вы одного из них в окно выкинули, — ответил Экин. — Только я помню, как вы с нами тогда разделались и не верю. Вы, наверное, их просто задержать пытались, не покалечив, поэтому они живы остались, да?

— Что-то вроде того, ага, — соврал я, чтобы не объяснять ему о том, что у меня обычно нет Яра и не было тогда, когда я налетел на бандитов в квартире. И что, когда я с ними разделался, это был редкий случай для меня случай наполненного резервуара.

— Я не знаю, откуда им это известно, — продолжил Экин, — может быть и неизвестно с точностью. Но зато известно, кто убил Фануччи и по чьей вине произошёл полицейский рейд.

— Так ведь этот рейд открыл для них карьерные, так сказать, возможности, — удивился я. — Благодарить должны, цветы слать.

Экин молчал, осмысляя сказанное. Было видно, что он не понял то, что я сказал. Что ж, бандиты редко бывают умными. Видимо, по его логике, раз убил авторитета района, значит, нужно за него мстить, даже если смерть этого авторитета всем на руку. Или может быть, тот, кто отомстит за погибшего Фануччи, поднимет свой собственный криминальный статус?

— Скажи, Экин, — спросил я, чтобы не терять время, — кто хочет меня убить? Чья именно это идея?

— Шавика идея, — моментально ответил он, — парня зовут Шавик, это тот, у кого Яр есть.

— И каково политическое положение этого Шавика на данный момент? — спросил я.

Экин вытаращился на меня, всем своим видом показывая, что с удовольствием ответит на мой вопрос, если я только задам его в более понятной для Экина формулировке.

— Много кто признаёт авторитет Шавика? — задал я вопрос по-другому. — Каковы его шансы захватить власть на этой... как ты говоришь... Пиратке?

— Шансы есть, если он вас убьёт, — ответил Экин. — Четыре из пяти человек, которые были в той квартире, сейчас ещё под стражей. А тот, кого вы из окна выбросили, сейчас в больнице и потом тоже под суд пойдёт.

— О, он выжил? — я даже обрадовался. Зачем зря брать на душу грех убийства. Может быть, этот человек теперь посмотрит на жизнь иначе, лежа на больничной койке. — Надо записать его данные, может быть помогу ему с работой, когда он снова выйдет на свободу.

— Он, Матвей Михайлович, уже не выйдет, — вздохнул Экин, — на него трёх *баранов грузят*, так что, в лучшем случае, каторга. А то и вообще смертная казнь.

— Каких баранов? Почему за них грозит каторга? — не понял я.

Экин бросил на меня взгляд, выражающий удивления тому, что я не понимаю очевидных вещей.

— Каторга, потому что *бараны холодные*... — начал он.

— Повар он, что ли?..

— *А холодные* они, потому что мёртвые. *Баран* это мертвец. Ну или сильно пострадавший, — закончил Экин.

— Ну и ладно, Бог ему в помощь, — потряс головой я, стараясь избавиться от отвратительного ощущения, которое у меня вызывал криминальный жаргон, и вернул разговор в изначальное русло: — А Шавику почему нужно меня убить?

— Потому что, во-первых, по вашей вине он потерял пятерых человек, которые много что решали при разборках, — ответил курьер, — из-за этого он теперь не может задавить всех своих противников силой, значит...

— Значит, нужно заслужить авторитет другим способом, — закончил за него я. — А во-вторых?

— Да. А, во-вторых, если он отомстит за смерть Фануччи, то сможет утверждать, что он топит на районе не только за себя, а за всех, кто там живёт, — сказал Экин. — И будет говорить: «смотрите, я же даже за Фануччи отомстил, княжича не побоялся!»

— А почему это он, кстати, не боится последствий за убийство княжича? — поинтересовался я.

— Он ничего не боится, — просто ответил Экин. — Для него главное — власть. Ну и деньги.

— Но власть важнее? — уточнил я.

Экин помолчал, размышляя.

— Да, власть важнее, — твёрдо ответил он наконец. — Он думает, что он умнее всех, что сможет соскочить, даже если всех будут принимать за убийство внука князя.

Нужно сказать, что уличный жаргон Экина я понимал с трудом, иногда угадывая значения слов только по контексту. Но в целом картина была мне понятна: эго-маньяк Шавик, используя все доступные ему ресурсы, старается подмять под себя криминальный мир района Пиратского. Поскольку он потерял пятерых бойцов, он частично потерял и преимущество в силе. Значит, ему нужно подкреплять авторитет другим способом. Если для этого нужно убить юного стюарда Мартынова, то есть меня, то так тому и быть.

Я прекрасно понимал принцип мышления такого человека, как Шавик. Власть,

самоутверждение через подчинение других, для таких людей важнее, чем личная безопасность. Цель — захват власти — оправдывает и средства, и риски. Иногда мне даже казалось, что такие люди считают себя бессмертными. Мол, умирают только всякие дураки, а я умный: вовремя подсуежусь и смерть обману. Такой характер — не редкость среди аристократов.

— И много у него людей сейчас? — спросил я.

— Человек десять, — ответил Экин. — Они сомневаются в нём, и каждого из них он не может запугать Яром, если они все выступят против него одновременно. Он это понимает, поэтому ему срочно нужно что-то, чтобы заставить их впрягаться за него. Шавик смог убедить их, что вас нужно убить, что это поднимет авторитет не только его, но и всей их компании.

— Они сейчас на Пиратского? — спросил я.

— Нет, у них есть точка сбора в районе гаражей за городом. Там гаражи для лодок со спуском к воде, а на вторых этажах комнатки, как навроде дачи.

Я наконец перестал держать Экина Яром. Нужно было подумать, что делать. Позвонить в полицию — означало рассказать о своём участие в смерти усача Фануччи, его подельников, из которых выжил только Экин, и, просто-напросто раскрыть то, что у меня есть Яр. А значит, снова встал бы вопрос о смерти княжича Гуриели, а возможно и смерти самого князя Гуриели.

С другой стороны, мне нужно избегать скандалов и вообще сидеть дома. Если Шавик его команда явятся ко мне домой с намерением меня убить, то мы с Тарасом и моим новым карабином устроим им тут такой тарарам, что опять же без полиции не обойдёшься. И тогда опять встанут все перечисленные мной ранее вопросы.

Получалось, что нужно отправляться к бандитам самому и решать вопрос на месте. В гаражах и шума никто не заметит... Смогу ли я обезвредить примерно десять человек, один из которых, неизвестно в какой степени, владеет Яром? Голова отказывалась так быстро соображать...

— Матвей Михайлович, — перебил ход моих мыслей Экин, — у нас мало времени, нам нужно прямо сейчас что-то решать!

— «Нам?» — удивился я. — Почему «нам»?

— Раз уж я решил жить честно, то и вам должен помочь, — ответил Экин. — Вы мне новую жизнь дали, Матвей Михайлович.

Этого я не ожидал от бывшего бандита, ныне курьера, Экина.

— Тарас! — позвал я.

— Не задай вопросов, времени мало, — сказал я, когда на лестнице показался шурящийся от света дядька, которого мой окрик вырвал из дремоты. — Нужно будет тебе, мне и вот этому молодому человеку по имени Экин, сейчас отправиться и перебить примерно десять человек бандитов с улицы Пиратского.

— Интересно, барин, — присвистнул Тарас, — так я может лучше один тогда отправлюсь, тогда у меня и то больше шансов будет, чем если я ещё с вами двумя буду нянчиться...

Я строго посмотрел на него.

— Матвей Михайлович, простите дурака старого, — потупился он. — Надо, значит, надо. Только не нравится мне всё это. Надо бы вашему батюшке сказать.

— Нет, Тарас, — возразил я. — Никому ничего говорить нельзя.

— А ежели с вами случиться чего? — ответил дядька. — Матвей Михайлович, ну как мы втроём десять человек одолеем? Экин этот ваш, у него Яр-то хоть есть?

— Нет, — ответил тот.

— Экин, подожди на улице, — сказал я курьеру.

Когда Экин вышел я тихо сказал дядьке:

— Тарас, сейчас ничего не говори, просто наблюдай.

Я аккуратно, чтобы не истратить много, приподнял Тараса Яром. Точнее, попытался приподнять. Как только он ощутил прикосновение силы, то сразу оттолкнул его своим Яром.

— Матвей Михайлович, тут кто-то есть! — громко прошептал он. — Стойте у меня за спиной!

И действительно, он стал озираться по сторонам, стараясь прикрыть меня своим телом. Он подумал, что кто-то находится в доме и использует на нём Яр.

— Тарас, — по-прежнему тихо обратился к нему я.

— Барин, тс-с! — бесцеремонно цыкнул на меня дядька, — тут кто-то есть! Ваш карабин у меня в комнате, сейчас мы туда пройдем бочком...

— Тарас, это был я, — прошептал я, чтобы не услышал Экин. — Это я пытался приподнять тебя Яром.

Дядька медленно повернулся и уставился на меня во все глаза, не веря своим ушам.

— Тихо! — шикнул на него я, опасаясь, что он сейчас начнёт громко восторгаться.

— Баариин! — шёпотом воскликнул, иначе этот возглас не назовёшь, дядька. — Радость-то какая! И давно?

От переизбытка чувств Тарас меня стиснул меня в объятиях. Он часто носил меня на руках, когда я был ребёнком, но с тех пор я немного отвык от его прикосновений.

— С воскресенья, — ответил я, будучи обнимаемым Тарасом, — всё-всё, будет тебе.

Дядька меня отпустил и радостно посмотрел на меня.

— Всё не так просто, — продолжил я, — Яр у меня появляется нестабильно, и я не понимаю по какому принципу. Сейчас у меня больше половины резервуара, но я не знаю, вернётся ли он, если я его потрачу.

— Но ведь с воскресенья вас проверяли и Яра у вас не было! — сказал Тарас почти в полный голос.

— Тихо ты! — шикнул я. — Экин не знает о моей ситуации. Пусть думает, что у меня Яр есть всегда. А Яр у меня не могли определить, потому что по стечению разных обстоятельств, в те моменты у меня его не было. Но сейчас у нас нет времени на мои объяснения.

— А что за бандиты, о чём вообще речь, Матвей Михайлович? — спросил, чуть успокоившись, дядька.

— Если вкратце, это те бандиты, которые меня побили тогда на Пиратского, — ответил я. — Только теперь с ними есть ещё и тот, у кого есть Яр.

— Так их же арестовали во время рейда, — не понял Тарас.

— Я же сказал: «если вкратце», — строго сказал я, — на подробный рассказ нет времени.

Я открыл дверь на улицу и позвал Экина.

— Что ты умеешь? — спросил я.

— Немного драться, — пожал плечами тот.

Тарас фыркнул:

— Это нам не поможет никак.

— А стрелять умеешь? — снова обратился я к Экину.

— Нет, — ответил тот.

— Да уж, — скептически произнёс дядька. — Дадим тебе карабин, будешь просто стрелять, стараясь попасть по ним, а там, как получится. Кстати, есть ли у них огнестрельное оружие?

— Я не знаю, — ответил Экин. — Вообще, вряд ли. Когда на Пиратке всем рулил Фануччи, он плётки, в смысле, огнестрел, запрещал, а сейчас им взять негде, на легальное денег нет, а нелегального после рейда не найти.

— Что-то мне подсказывает, что усач Фануччи запрещал оружие, чтобы у местных граждан было меньше соблазна выстрелить ему в спину, а не для того, чтобы меньше преступников были вооружены смертоносными инструментами, — сказал я.

Тарас переводил взгляд с меня на Экина, не понимая, о чём мы говорим.

— В общем, возможно, у кого-то из них будет пистолет, — резюмировал я. — Будем исходить из этого.

— Матвей Михайлович, — обратился ко мне дядька, — вы защиту держать сможете?

— Смогу, — ответил я.

— Есть время в оружейный заехать? — спросил Тарас. — Щас бы ещё пару таких же карабинов взяли.

Я посмотрел на Экина.

— Нет, — ответил тот, — времени нет совсем. Нужно ехать прямо сейчас.

— Тогда едем, — решил я, — поедем на моей, Тарас, она мощнее, вдруг потребуется скорость.

Я поднялся к себе наверх и надел свой беговой костюм. Подумав, взял и защиту, налокотники, наколенники и шлем. Не для себя, поскольку мы с Тарасом будем использовать Яр, а для Экина. Когда я спустился на задний двор, они уже стояли у моего «ЗИЛа».

— Тарас, помоги Экину надеть, — я подал дядьке защиту. Сам он был одет в какой-то прочный костюм, для рыбалки, что ли. Что-то такое.

Вдвоём они нацепили на Экина защиту, и мы уселись в автомобиль, бросив на заднее сиденье мой автоматический карабин, второй рожок, и все, какие были, патроны к нему. Экин покопался в своём телефоне, и затем вывел местоположение гаражей на карту, отображаемую на встроенном в панель машины планшете. Ехать получалось около сорока минут, учитывая, что было поздно и дороги были пустые.

Тарас сел за руль. Экина мы посадили на переднее пассажирское сиденье: я не доверял ему настолько, чтобы оставлять его у нас за спинами. Быть может и зря, ведь этот человек только что сам предложил мне участие в разборке с бандитами, зная, что нас будет трое, а их десять или около того.

— Значит, действовать будем так, Матвей Михайлович, — говорил Тарас, везя нас по ночному Константинополю. — Первым в помещение залетаю я, и отбрасываю их волной. Шавик, скорее всего, успеет среагировать. Поэтому тут же, сразу за мной, залетаете вы, и бьёте кулаком Яра по тому, кто останется стоять. Класс у него какой, Экин?

— В смысле, «класс»? — не понял курьер.

— Ну резервуар какой? — уточнил я. — Много Яра у него?

— Не знаю, — ответил Экин.

— Ты его в деле видел когда-нибудь? В бою? — спросил Тарас.

— Нет, — сказал Экин, — но с Фануччи он боялся связываться.

— У Фануччи был малый резервуар, точно, — сказал я.

— Да кто такой этот ваш Фануччи? — не выдержал дядька.

— Все вопросы потом, Тарас, — снова сказал я, — я тебе столько всего расскажу, хоть книгу пиши. Одним словом, резервуар у Шавика малый.

— Как скажете, Матвей Михайлович, — мрачно согласился дядька, — в общем, я отбрасываю всех, того, кто не отбросится, вы бьёте со всей силы. Класс я ваш знаю, большой. Силу рассчитаете, чтобы не вышло как в детстве?

Это он имел в виду, что я не истрочу слишком большое количество Яра за один приём, что спровоцирует в моём организме яровой шторм и отправит меня в яровую кому.

— Да, нормально рассчитаю, — ответил я.

— А что было в детстве? — влез Экин.

— Неважно, — пресёк его любопытство Тарас и, покачав головой, обратился ко мне: — Смотрите, Матвей Михайлович, — дело серьёзное, можем все трое сгинуть. Если есть возможность, лучше отказаться, с батюшкой посоветоваться или с князем.

— Да нет у нас времени, Тарас, — начал втолковывать ему я. — Шавик и его бандиты собираются выехать из гаражей, чтобы отправиться в город и напасть на нас с минуты на минуту! Некогда нам советовать.

— Как скажете, барин, — повторил дядька, недовольно на меня покосившись.

Я понимал его тревогу. Тарас несёт ответственность за мою жизнь перед моим отцом, к тому же и сам может погибнуть. Да и просто по-человечески обо мне заботится. А сейчас барин безо всяких объяснений тащит его на перестрелку, непонятном с кем и непонятно почему. И это при том, что и я, как господин, несу за слугу ответственность и должен его

оберегать, а не втягивать в авантюры, где мы нападаем на превосходящего числом противника.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Атаковать, и часто атаковать успешно, когда нас мало, вообще русским свойственно. Я с детства и намертво запомнил фразу:

«Другим неискоренимым недостатком русского метода ведения боя является назначение численно меньших частей против превосходящего противника» — сообщалось в документе под названием «Секретная докладная записка Германского Большого Генерального Штаба» за тысяча девятьсот тринадцатый год.

Крайне воинственные и искушенные в военном ремесле немцы в своей собственной, предназначенной для внутреннего использования, секретной инструкции сообщают, что русских нужно опасаться даже тогда, когда их меньше, потому что есть у русских такой «неискоренимый недостаток» — атаковать превосходящего числом противника.

Эту фразу, как и весь остальной текст записки, я услышал, когда гостил в доме моего дяди Николая Мартынова, отца моего кузена Валерия. Пока я жил у них, я посещал те же занятия, что и Валерий. Уроки истории и работы с документами вела специально для этого приезжавшая хорошая знакомая старого князя, сотрудница Русского государственного военного архива по имени Вера Михайловна Михалева.

— Если даже смелость в атаке меньшим количеством, это недостаток, — говорила нам Вера Михайловна, — то подумайте, как велики тогда достоинства?

И мы с Валерием, десятилетние княжичи, отчаянно сопели, думая, какие же достоинства могут быть выше такой смелости? Я помню, как Валерий, сидящий рядом, пытался сморщить лоб, подражая взрослым, чтобы лучше думалось, и как сам я, в полном замешательстве, смотрел на немецкие буквы этой записки, которую Вера Михайловна принесла из архива специально, чтобы показать нам. Конечно, мы читали её в переводе, но всегда полезно увидеть документ вживую.

Мы выехали за пределы города и уже некоторое время двигались по пустой трассе в сторону места назначения, когда мы увидели две машины, двигавшиеся нам на встречу. Они поравнялись с нами и свет наших фар ненадолго выхватил силуэты автомобилей из тьмы тропической ночи.

— Это они! — закричал Экин. — Мы опоздали! Они уже выехали!

— Тарас! — закричал и я. — Разворачивайся! За ними, скорее!

Тарас сбавил скорость и, резко вывернув руль, пустил машину в управляемый занос, таким образом развернув её. Мы начали преследование.

— Экин, бери автомат, — сказал я курьеру, — когда поравняемся с ними, стреляй по обеим машинам!

— Матвей Михайлович, — вмешался Тарас. — Давайте лучше я буду стрелять, а вы за руль. Я лучше стреляю.

— А как я за рулём окажусь на ходу, да на такой скорости? — не понял я.

— Так я остановлю, — ответил дядька.

— Но тогда они далеко уедут же, пока мы меняемся, — возразил я.

— Да нет, — махнул рукой Тарас, — у нас сильнее двигатель нашего.

Я принял решение:

— Тогда я — за руль, ты — на моё место назад. Давай!

Тарас остановился, и мы молниеносно выскочили из машины с тем, чтобы мгновение спустя снова оказаться в ней, но уже на других местах. Я пристегнул ремень и вжал педаль в

пол. Бандиты ехали быстро, но не слишком, погони они не ожидали. Поэтому через пять минут движения на скорости около двухсот километров в час, мы снова увидели перед собой огни их задней машины.

— Матвей Михалович, — сказал Тарас. — Сначала обгоняете их слегка, я начинаю стрелять сначала по передней машине, потом скорость сбавляете, и я стреляю по задней.

— Понял, — кивнул я. — Когда обе машины остановятся, отдаёшь автомат Экину, он прикрывает нас огнём, а мы используем Яр. Экин, понял?

— Понял, ваше благородие, — ответил курьер.

— Это точно они, Экин? — спросил я. — Ты понимаешь, что будет, если мы расстреляем просто случайных людей?

— Точно-точно, я видел обе эти машины раньше, — уверенно ответил тот.

— Ох, не нравится мне всё это, — проворчал Тарас.

— Экин, пристегнись, мало ли что, — распорядился я.

Я поравнялся с передней машиной. Тарас опустил стекло в окне со своей стороны и открыл огонь по машинам. Кажется, он попал в водителя, потому что машина слетела с трассы. Как и договаривались, я сбавил скорость, чтобы не уезжать далеко от задней машины. Тарас начал расстреливать и её. Она завиляла по трассе.

Вдруг я почувствовал удар в районе правого переднего колеса, наш автомобиль потащило в сторону. Я почувствовал, как колеса отрываются от земли, и мы начинаем переворачиваться. Больше всего я испугался за Тараса, который не был пристёгнут и высовывался в окно, чтобы вести огонь. В последнюю долю секунды Яром я вытолкнул Тараса из машины через окно, как раз перед тем, как сторона, с которой он только что высовывался, ударила об асфальт.

Машина сделала оборот и снова встала на колеса. Я отстегнул ремень и выскочил на улицу. Рядом приземлился Тарас:

— Барин, целы? — спросил он.

— Цел, ты как? — ответил я, дергая дверь со стороны, где сидел Экин.

— Цел, спасибо вам, век не забуду, что подстраховали, да ещё и в такой ситуации, — ответил дядька, помогая мне тянуть дверь. — Это они Яром нам колесо выбили.

— Ага, — кивнул я, — надо было мне так с ними сделать, жаль, что я не догадался.

Дверь не поддавалась, и я дёрнул её Яром, сорвав, как золотинку с банки растворимого кофе. Мы увидели Экина. То, что я велел ему пристегнуться, возможно, спасло ему жизнь. Он помотал головой и выкарабкался из машины.

— Руки-ноги целы? — спросил я.

— Ага, — кивнул Экин.

Тарас сунул ему карабин.

— Расстреливай всех, кроме нас, — сказал он курьеру.

В сторону нас бежали люди из второй машины бандитов. Было темно, но, судя по силуэтам, у кого-то из них были биты, а у других наверняка были ножи.

Я крикнул:

— Я — направо! Тарас, ты — налево!

Мы разлетелись в разные стороны. Внизу и позади раздались выстрелы, это Экин встретил бегущих к нему бандитов.

Я сформировал защиту вокруг себя и полетел ко первой машине, той, что после выстрелов Тараса ушла с трассы. Она тихо горела синим огнём. От неё к трассе бежали

бандиты. Выделить из них Шавика не представлялось возможным. Решение пришло само собой. Я подлетел к горящей машине и взял Яром горящий бензин из бензобака. Я полетел вслед подбегающим к трассе бандитам, по воздуху в ночной темноте за мной тянулась яркая пламенная струя. Красивое, должно быть, издали было зрелище.

Догнав бандитов, я густо обмотал их горячей струёй. Послышались страшные вопли. Из горящего кольца лишь один силуэт выбежал невредимым. Это и был Шавик, сформировавший вокруг себя защиту из Яра. Только я собрался что-нибудь предпринять по отношению к нему, как горящие бандиты стали подниматься в воздух и лететь в моём направлении. Значит, Шавик увидел меня и решил забросать своими же подельниками.

Я приземлился. Мы находились возле второй машины. Я заметил, как от одного из горящих бандитов отделился огонёк и полетел в сторону автомобиля. В последний момент я отскочил гигантским прыжком. Взрывная волна подхватила меня в воздухе, и я, слегка корректируя траекторию Яром, приземлился. Уши заложило. Шавик взорвал машину, надеясь, что взрыв зацепит меня.

Правда, в следующее же мгновение я понял, что он взорвал машину ещё и для того, чтобы лучше видеть меня в свете пламени. Понял я и для чего ему это было нужно: по моей защите застучали пули. У Шавика был и Яр, и пистолет.

Судьба сообщников Шавика, очевидно, совсем не волновала. Я тоже не знал, как обстоят дела у Тараса и Экина в деле противоборства с остальными бандитами, поскольку всё моё внимание было приковано к их предводителю.

— Ты кто такой? — крикнул Шавик. Его акцент был таким же как у Экина.

— Матвей Мартынов! — ответил я.

— Что тебе нужно, Матвей Мартынов? — спросил Шавик.

— Как будто ты не знаешь! — усмехнулся я и, сформировав позади него небольшую стенку из Яра, бросил в него горящую машину. Он, однако, вместо того чтобы отступить назад и упереться в мою стенку, оказавшись в ловушке, прыгнул вперёд, нырнув под летящим автомобилем. Я ожидал, что он атакует Яром в ответ, и действительно: по моим щитам что-то стукнуло. Но и только. Я не ожидал, что атака будет такой слабой, и лишь выставил зря дополнительный щит.

Разозлённый бессмысленной тратой Яра, я попытался набросить на его голову вакуумный пузырь, как я поступил с покойным князем Гуриели. Шавик легко ускользнул, причём Яра использовал он совсем немного, лишь чутка помогая себе увернуться.

«Вот оно что!» — подумал я. — «Шавик умело использует свой небольшой резервуар, почти не тратя Яр, но заставляя меня тратить много сил. Он хочет меня измотать!»

Конечно, хорошо, что я разгадал его тактику, но, что с ней делать, как противостоять, было не совсем понятно. От прямых атак Шавику пока удавалось увернуться. Я почувствовал небольшой удар в мою защиту сзади. Отскочив на пару шагов в сторону, я обернулся и увидел лежащий на земле небольшой кусок металла. Шавик собирается дёргать меня маленькими, почти ничего не стоящими для него атаками, провоцируя на крупные траты Яра. Ведь я не знаю, какой будет следующая атака, сильной или слабой, и, следовательно, всегда должен использовать полноценную защиту.

В голове промелькнула сцена дуэли между Валерием Мартыновым и графом Григорием Озёрским. Как у Валерия всё быстро и просто получилось! Наверное, так же бы получилось и у меня, если бы я был таким же тренированным с детства воином, как и Валерий. Но я был

стюардом Мартыновым, у которого опыта владения Яром было меньше, чем даже у моего противника Шавика, который, хоть и не учился с частными инструкторами, зато хотя бы владел своим резервуаром всю жизнь и, должно быть, немало его использовал в боевых столкновениях.

Он стоял в метрах пяти от и держал меня на прицеле пистолета.

— Сдавайся, — сказал я ему. — Сейчас мои люди покончат с твоей шантрапой, и ты останешься один против троих.

Шавик молчал. Я плохо видел в темноте, но, наверное, у него были такие же, как у Экина или Фануччи, сросшиеся брови и чёрные глаза, в которых сейчас отражался свет горящего автомобиля. Какая-нибудь восторженная дура, вроде графини Анастасии Воронцовой, нашла бы это очень красивым и поэтичным.

— Если ты сдашься, ты выживешь, Шавик, — продолжал я. Я решил надавить на его самовлюблённое эго, на его жажду власти, любой власти: — Да, ты отправишься на каторгу, но там ты сможешь стать авторитетом среди заключённых. Целый лагерь, который подчинён тебе, разве не этого ты хочешь?

Вообще, я мог оставить его в живых, хотя для меня это означало бы разного рода неприятности в виде объяснения того, почему я скрывал свой Яр и как погиб Гуриели. Но, если он сдастся добровольно, то почему бы и нет.

— Шавик, — вкрадчиво произнёс я, — отдай мне пистолет, сними свои защиты, и мы позвоним в полицию.

Ствол пистолета Шавика начал опускаться. Вдруг он резко повернулся и несколько раз выстрелил в темноту, и сразу после этого высоко, метра на два, подпрыгнул вверх с помощью Яра, скрывшись с глаз.

Со стороны, в которую он стрелял, послышались ответные выстрелы из карабина. Скорее всего, Экин старался незаметно подкрасться, а Шавик это учуял. Теперь сдача Шавика перестала быть возможным вариантом.

Из темноты по моей защите ударила пуля, создавая нагрузку на щит и ещё немного тратя мой Яр. Я взлетел, скрываясь в спасительной темноте. Пока я не израсходовал свой резервуар, а до этого было ещё очень далеко, Шавик не представлял для меня опасности. Но и мне до сих пор не удавалось достать его своими атаками.

Я подлетел к Экину и вовремя: я успел накинуть на него щит, за долю секунды до того, как из темноты в него выстрелил Шавик. Логично, ведь у Экина нет Яра, а значит, Шавику достаточно несложно сделать из ситуации с тремя противниками, ситуацию с двумя, убив Экина.

Экин вздрогнул и выпустил три выстрела в темноту. Автомат сухо щёлкнул, показывая, что закончились патроны. Экин вставил второй рожок, но в этот самый момент из ниоткуда выпрыгнул Шавик и, вырвав у него карабин, снова скрылся во мгле. По щиту, который я набросил на Экина, ударили несколько пуль. Кинетическая энергия и скорострельность у автомата намного выше, чем у пистолета, поэтому мой Яр, используемый мной для защиты себя и Экина, тратился заметно серьёзнее.

Ситуация осложнялась ещё и тем, что у Шавика не было причин оставаться здесь, посреди ночной трассы за городом, чтобы воевать одному с тремя противниками в темноте. Гораздо более комфортным для него вариантом было бы просто сбежать. Но все три наших машины были выведены из строя, значит, он мог двигаться только бегом или с помощью Яра, который ему нужно было сохранять для поединка с нами.

Я снова зацепил горящее топливо из ближайшей машины и, взлетая, потянул его за собой, чтобы осветить как можно большую поверхность. Оглянувшись по сторонам, я увидел Шавика, наводящего автомат на Тараса. Рисковать жизнью дядьки, в надежде, что у него остался Яр, я не мог, поэтому я набросил щит и на него.

Чтобы не потратить весь свой Яр, держа защиту на себе, Экине и Тарасе, я временно снял щит с курьера. В следующий миг Шавик дал по Тарасу очередь из карабина почти в упор. Яра у меня сразу заметно поубавилось. Зато Тарас остался цел и бросился на Шавика. Откуда-то выскочил выживший бандит и пришёл на помощь к главарю. Ещё один бандит из тех, что остались целы, сцепился внизу Экином.

Как бы я не ценил добровольную помощь бывшего уличного гангстера Экина, я всё же вынужден был оставить его самостоятельно справляться с навалившимися на него трудностями: мне нужно было выручать Тараса. Ничего не поделаешь, выбор очевиден: ведь Тарас меня ещё на руках нянчил.

Я опустил пламя обратно на горящую машину, поскольку не мог позволить себе разбрасываться жидким огнём: я мог попасть в Тараса или Экина. Подлетев поближе к Шавику, я выпустил в него несколько тонких и острых осколков Яра. Предводитель бандитов обладал отличным чутьём, судя по тому, что и в этот раз он успел отскочить. Тарас остался наедине с другим бандитом, а Шавик переключился на меня. Я полагаю, что он осознал, что сбежать не получается, потому что на этот раз он откровенно ринулся в бой.

Казалось бы я, всё ещё имея намного больше Яра, чем он, должен был бы просто смять, размазать Шавика, обрушив на него всю мощь. Но попробуй обрушить всю мощь на того, кто постоянно мельтешит и уворачивается, ловко сочетая физическую подготовку и точечное, только там, где это необходимо, применение Яра, заставляя тебя лишь тратить попусту силы.

Так и продолжалось наше противостояние: он бросал в меня мелкие куски металла, колот Яром, достреливал рожок автомата, постоянно нагружая мою защиту, сам же ускользал от моих попыток захватить его петлёй Яра взять под колпак. Об обычных ударах Яром я даже не говорю — он уходил от них легко, будто в танце.

Это выводило меня из себя и, в конце концов, я решил забросать его дождём из разнообразных мелких атак, которые, по моим ожиданиям, должны были покрыть большую площадь. Я ожидал, что от них нельзя будет увернуться, как нельзя увернуться от ливня. От ливня можно будет только закрыться зонтом, поэтому и Шавику придётся основательно потратить Яр на то, чтобы создать действующую защиту. Я сформировал множество мелких крючочков, которые должны были цеплять Шавика со всех сторон за одежду и кожу, чтобы тянуть его к земле.

И снова оказалось большее, чем у меня количество боевого опыта у бандита. Разгадав моё намерение, он не стал ставить защиту по всему телу. Вместо этого, он прикрыл только лицо, и ударил меня, сосредоточенного на атаке, а не на защите, острой и прочной, как стальное копьё, иглой Яра.

Я, не ожидавший этого, не успел среагировать и выставить усиленную защиту. Я почувствовал сильный удар в грудь и упал, отброшенный на пару метров. Послышался яростный крик Шавика, которого зацепили мои крючки. Я сейчас же попытался потянуть за них, чтобы притянуть его ко мне, но оглушённый ударом, чувствуя страшную боль в груди, я не смог сосредоточиться в полной мере и сдвинуть бандита с места. Он почувствовал мою попытку и отсёк нити Яра, идущие от этих крючков ко мне.

Я снова почувствовал выстрелы по моей защите. Он выпустил в меня оставшиеся в его пистолете патроны. От боли меня почти парализовало, мои руки и ноги едва меня слушались. Мне пришлось использовать Яр, чтобы поднять себя с земли.

Удар такой силы должен был дорого обойтись Шавику, едва ли у него в резервуаре оставалось много Яра. Он подошёл ко мне, доставая нож. Обычный бандитский нож. Я удивился, даже несмотря на то, что плохо соображал от удара и боли. На нож у меня защиты хватит за глаза.

Оказалось, я недооценил бандитской хитрости Шавика. Он выбрал точку возле моего горла и стал сверлить её тоненьким, не толще миллиметра, буриком из Яра. Я не мог ослабить защиту всего остального тела, потому что он сразу бы ударил туда ножом, и, следовательно, я не мог увеличить защиту там, где он сверлил мой Яр, добираясь до моего

горла.

Я видел его совсем близко. Выглядел Шавик примерно так, каким я и ожидал его увидеть. Брюнет лет двадцати пяти — тридцати, с густой щетиной и темными глазами. Одежда на нём была разорвана, вся кожа, кроме головы, была покрыта рваными ранками от моих крючков.

Я перестал держать себя Яром и снова упал на спину. Шавик уселся сверху, продолжая сверлить мою защиту, чтобы добраться до горла. Руку с ножом он держал наготове, чтобы ударить меня в тело, если я заберу часть защиты для того, чтобы обезопасить горло.

Но теперь я лежал на спине, значит, спину мне прикрывал твёрдый асфальт. Я совсем убрал защиту сзади, резко схватил Яром руку Шавика в районе кисти. Ту руку, которой он держал нож. Теперь ему нужно было решить: продолжать ли давить Яром, пытаясь добраться до моего горла, при этом рискуя получить в собственное горло собственный же нож или перестать атаковать и сосредоточиться на защите.

Я, контролируя свою защиту, медленно повёл руку Шавика, державшую нож, к его глазу. Положение дел получалось следующее. Если он перестанет давить мне на горло, то, получится, что я держу его за руку и, в любом случае, могу убить его, управляя его собственным кулаком, сжимающим нож. Если он не перестанет давить мне на горло, я сделаю то же самое, но чуть медленнее, так как буду сосредоточен на защите.

Даже если он перестанет сверлить мне горло и использует весь свой оставшийся Яр для того, чтобы попытаться освободить свою руку, у него ничего не получится: Яра у меня много, я намного сильнее. Думаю, Шавик понимал это так же, как и я.

Поэтому он совершил действие, которого я никак не ожидал, но которое, поразмыслив, в последствии признал вполне логичным. Вместо того, чтобы тратить силы на безуспешные попытки разжать мой захват, он просто истратил остаток своего Яра на то, чтобы отсечь себе в локте ту руку, которую я держал. Заорав от боли, он отпрыгнул во тьму. Я попытался вскочить, но резкая боль в груди мне помешала.

Тогда я поднял себя в воздух Яром и, чтобы не возиться, подцепляя топливо, поднял в воздух горящую часть ближайшей машины. Ту часть, в которой был бензобак с горящим бензином. Я увидел всё ещё дерущихся с бандитами Тараса и Экина, а также сбегающего с трассы в поле Шавика. Наверное, он зажал себе сосуды последними каплями своего Яра, чтобы остановить кровотечение в руке.

Больше сил на погоню у меня уже не было и я просто сбросил на него горящий кусок машины, которым подсвечивал себе обзор. Яра у Шавика больше не было, да и он, наверное, с трудом сохранял себя в сознании от боли, поэтому он увернуться он даже не попытался, вероятно, до последнего момента не замечая угрозы. Я вернулся к Тарасу и увидел, что он сидит рядом с поверженным бандитом и держится за живот.

— Тарас, ты в порядке? — спросил я, зависнув рядом с ним в воздухе.

— Ножом в живот получил, барин, — хрипло ответил тот, — но жить, наверное, буду.

— Я сейчас вернусь! Экину только помогу, — быстро сказал я дядьке.

Я подлетел к Экину, сплётшемуся на земле с бандитом в смертельной борьбе, так, что нельзя было отличить, кто из них кто. Я, сильно уставший от драки с Шавиком, просто поднял их обоих в воздух, развёл в стороны и, внимательно посмотрев, где Экин, а где бандит, свернул последнему шею.

— Спасибо, ваше благородие, — выдохнул Экин, когда я опустил его на землю.

— Цел? — спросил я.

— Вроде бы, да, — пожал плечами курьер.

Я вернулся к Тарасу.

— Тебя надо к врачу, — сказал я.

— Да, Матвей Михайлович, — согласился Тарас, — невредно было бы.

— Ваше благородие, — сказал подошедший Экин, — это ещё не всё.

— Что значит «не всё»? — удивился я. — Это Шавик был и его люди?

— Да, — кивнул курьер, — но с ними не было ещё одного человека, советника Шавика, который помогал ему планировать его дела. Он тоже про вас знает и участвовал в разработке покушения на вас. После Шавика он может собрать новую команду.

Я прислушался к своему состоянию. Яра у меня было примерно на четверть резервуара. На серьёзную драку не хватит, особенно если учесть, что от этой уже всё болит. Нужно ещё доставить Тараса к доктору. Причём придётся нести его по воздуху: моя машина явно не на ходу после аварии.

— А где он, этот советник? — поинтересовался я.

— Если его не было с ними, значит, он скорее всего на своей лодке. Она пришвартована там же, у причала, — ответил Экин.

— А Яр у него есть? — спросил я.

— Нет, — ответил Экин.

Я задумался, хотя времени на размышления у меня было мало. Нужно было как можно быстрее доставить Тараса на лечение к какому-нибудь врачу. Нужно было как можно быстрее покончить с этим советником Шавика, который, по словам Экина, должен сейчас находиться на своей лодке. Таким образом, Тараса нужно было доставлять в одну сторону, в Константинополь, а советник находился в противоположной, на лодочной.

Также было непонятно, что делать с моей машиной. Сжечь? Новый «ЗИЛ» я не могу позволить себе купить на свои деньги так легко, как купил новый смартфон. Как объяснить отцу или деду, куда пропала моя машина? Уехать на нём не получится из-за полученных при аварии повреждений, а эвакуатор я на место побоища вызвать не могу по причине того, что у полиции появится много вопросов.

Поднять машину Яром в воздух ненадолго — это одно. Утащить её до укромного места в городе — совсем другое. Даже если у меня хватит на это сил, то я истрочу на это весь оставшийся у меня Яр, который может пригодиться для того, чтобы разобраться с этим советником, который, в свою очередь, наверняка окажется вооружён.

К тому же, полёты частным лицам с грузом весом более ста килограммов запрещены законом. А если запрещены, значит, кто-то как-то эти полёты отслеживает. Следовательно, если я буду переносить машину по воздуху, это опять может меня привести ко встрече со бдительными сотрудниками полиции.

Я, пешком, согнувшись от боли в груди, подошёл к своему «ЗИЛу». Внешне он был в ужасном состоянии, это было очевидно даже в темноте. Все стёкла были покрыты мелкой стекой трещин, по всему корпусу автомобиля было огромное количество вмятин. Наверняка прекрасная краска, ещё час назад так красиво отражавшая окружающий мир, теперь перестала быть видна из-за царапин. Впрочем, это были лишь косметические повреждения. Правое переднее колесо стояло перпендикулярно земле. Именно сюда ударил Яр Шавик, когда мы начали стрелять по машинам. Я просунул руку в салон и нажал кнопку включения двигателя. Тишина.

— Тарас, — обратился я к дядьке, вернувшись к нему, — а в твоём пикапе есть чем

зацепить «ЗИЛ» на буксир?

— Да, есть, — кивнул тот. — Только кто нам сюда его привезёт?

Действительно, кто? Кому бы я мог доверить такое щекотливое дело, как забрать мою разбитую машину с места побоища, где лежит человек десять мертвецов? Фрейлине Елизавете Георгиевне, пожалуй, мог бы легко. Но они сами сейчас по уши в проблемах в связи с тем, что к ним в дом ворвался князь Гуриели и живым уже не вышел. К тому же, заставлять княжну решать мои проблемы мне казалось неправильным, если не неприличным.

«Думай, Матвей, думай» — стучало в моей голове. — «Кому, кроме Тараса и Лизы, ты ещё нужен в этой жизни настолько, чтобы стать соучастником массового убийства, помогая тебе выйти сухим из воды, чтобы ты мог отправиться убивать следующего гангстера?»

Мой кузен Валерий Мартынов был в каземате после дуэли. Да и к тому же, он бы стал настаивать на том, чтобы связаться с полицией. В отличие от той же фрейлины Амагуни, кстати. Неужели у меня больше нет близких людей?

Ответ пришёл неожиданно. Я вытащил из нагрудного кармана «Нокиа». Удивительно, но на нём не было ни царапинки. Вид поцарапанного экрана новой «ладошки» может ранить сильнее, чем сто Шавиков. Я быстро нашёл номер в журнале вызовов.

Как начать разговор, содержащий подобную просьбу? Ничего выдающегося мне в голову не пришло, поэтому я начал как обычно:

— Привет, это Матвей. Ну вот и хорошо, что номер определился. Не спишь? Отлично. Слушай, тебе нужно кое-что для меня сделать. Это серьёзно. На заднем дворе моего дома стоит пикап Тараса. Помнишь такого? Прекрасно. Тарас, ключи в машине? — я повернулся к дядьке. Тот кивнул, — брелок будет в машине, двигатель с кнопки заводится. Знаешь такие? Здорово. В общем, прыгай в неё и езжай из Константинополя по Суворовскому шоссе прямо и прямо. Увидишь, зачем. Потом всё объясню. Сделаешь? Спасибо тебе.

Я сбросил вызов.

— Экин, — обратился я к курьеру, — далеко ещё до лодочной?

— На машине минут десять было бы, — ответил тот.

«Значит, долечу я ещё быстрее» — решил я, позабыв, что придётся тащить ещё и Экина, без которого я не найду нужную мне лодку, на которой скрывается советник. — «Но как доставить Тараса к доктору?»

Пикап Тараса с моим «ЗИЛом» на прицепе быстро ехать не сможет. Получается, нужно доставлять дядьку на лечение другим способом.

— Матвей Михайлович, — обратился ко мне он, — вы за меня не беспокойтесь, я вместе с машиной уеду.

— Какой машиной, Тарас? — возмутился я. — С ума ты сошёл, что ли? Мы с тобой не врачи, мы не знаем, вдруг тянуть нельзя?

— Нишго, — безмятежно, насколько позволяло его положение, протянул дядька, — я нормально себя чувствую.

— Тарас, — строго сказал я, — замолчи. Нормально себя чувствует он, посмотрите-ка!

Не хватало ещё, чтобы он помер, боясь доставить мне лишнее беспокойство! Тянуть дальше было некуда. Я посмотрел в Паутине адрес доктора Чешского. После этого, я подошёл к Тарасу и, подключив Яр, поднял его на руки.

— Матвей Михайлович... — запротестовал было он.

— Молчать, Тарас, — отрезал я. — Экин, жди тут.

— Ваше благородие, время... — попытался возразить курьер. Что-то зачастили они княжичу перечить. Я повторил, — Экин, жди тут.

Экономя Яр, я решил не лететь, а перемещаться большими прыжками, но вскоре выяснил, что выходит даже медленнее, чем дождаться пикапа Тараса и поехать на нём с «ЗИЛом» на буксире.

Поэтому, наплевав на последствия, я взлетел. По воздуху я добрался до дома, в котором принимал пациентов и жил доктор Чешский минут за двадцать.

Я мягко посадил Тараса на крыльцо и сказал ему:

— Подробности сам, понимаешь, не рассказывай. Соври, что-нибудь, ограбить на улице пытались тебя, дескать, или ничего не объясняй, всё равно, он обязан тебе оказать помощь.

Я позвонил в звонок в форме пилули и снова взмыл в небо. Яра оставалось прямо-таки на доньшке. Без Тараса летел я гораздо быстрее, и через десять минут увидел в темноте догорающие слабым огнём остовы автомобилей бандитов. Я приземлился и окликнул Экина.

— Я здесь, Матвей Михайлович, — вышел он из тьмы.

— Ну что, Экин, пока меня не было никто не проезжал по трассе? — поинтересовался я.

— Нет, — сказал Экин.

— Думаешь, этот советник ещё там? — спросил я.

— Думаю, да, — ответил тот.

— Отлично, — кивнул я. — Сейчас поставим мою машину на прицеп и отправимся за его головой.

— Ваше благородие, — уговаривающим тоном сказала курьер, — побыстрее бы.

— Что «побыстрее», Экин? — ответил я. — Я брошу здесь машину, тогда весь город будет знать, что это я тут всех положил. Зачем мне это надо, ты подумал?

Экин промолчал.

— Вот именно, — сказал я. — Пойдём, нужно найти мой карабин и рожки от него.

Пока мы искали автомат и оба магазина и закидывали их в салон моего «ЗИЛа», вдали показались фары. Экин дернул меня за рукав моего бегового костюма и утянул в темноту, на обочину. Автомобиль сбавил скорость и медленно приблизился к горящим обломкам гангстерских машин. Это был пикап Тараса.

Я выскочил на трассу и замахал руками, обращая на себя внимание. Боль в груди уже почти полностью отступила, спасибо Яру за ускоренную регенерацию. Машина остановилась, водительская дверь распахнулась.

— Что тут произошло, Матвей?! — воскликнула, белозубо улыбаясь, Лена Бенесова.

— Нет времени объяснять, — я взял её за плечи, развернул и затолкал обратно за руль. — Подъезжай задом к вон той машине.

Вдвоём мы с Экином живо поставили мой «ЗИЛ» на жёсткий прицеп к пикапу и накрыли брезентом, который лежал в кузове автомобиля Тараса. Я подошёл к Лене, с любопытством смотрящей по сторонам.

— Это что, трупы? — спросила она, показывая пальчиком в сторону нескольких лежащих на асфальте бандитов.

— Нет, они просто лежат, отдыхают, — ответил я. Затем я взял её за лицо и посмотрел в глаза, — об этом нельзя знать никому. Это секрет. Поняла?

Она два раза кивнула.

— Отвези эту машину обратно ко мне на задний двор и оставь там, — сказал я. — Я встречу с тобой, когда закончу дела.

Она поцеловала меня, засунув в рот мне чуть ли не весь свой язык. Я сразу почувствовал сексуальное напряжение. Лена оторвалась от поцелуя и посмотрела на меня сверкающими глазами.

— Тебе придётся серьёзно заплатить мне за эту услугу, — прошептала она. — А раз ты слуга, и денег у тебя нет, то я возьму натурой, — она слегка прикусила мне губу.

— Хорошо, Лена, — кивнул я. — Слушай внимательно: поедешь в сторону, противоположную городу, выйдешь на Потёмкинское кольцо и заедешь в Константинополь со стороны Ушаковской арки, поняла?

— Поняла, — сказала она с хрипотцой, — Матвей, расстегни ширинку.

— Лена, мне некогда! — возмутился я. — Да мы и не одни.

— Да он и не увидит, — отмахнулась Лена, приоткрывая дверь и свешиваясь из машины на уровень моего пояса, — я чуть-чуть.

«Ну вот что мне с ней делать?» — подумал я и подчинился.

— Ну что, довольна? — секунд через пятнадцать спросил я.

— Ага, — деловито ответила она, возвращаясь за руль и вытирая губы тыльной стороной ладони. — Так, до Потёмкинского и через Ушаковскую арку в Константинополь?

— Да, — ответил я, — всё, поезжай.

Когда пикап Тараса с моей машиной на прицепе начал движение я обратился к Экину:

— Лодочная эта в каком направлении именно?

— Там, — курьер показал рукой.

— Отлично, — ответил я, и, обняв его за подмышки, взвился в воздух.

За время пока мы возились здесь, у меня, как всегда совершенно для меня неожиданно, немного восстановился Яр. Теперь мой огромный резервуар снова был полон где-то на четверть. Лететь предстояло совсем небольшое расстояние, поэтому на схватку должно было ещё остаться прилично.

Вскоре мы увидели вдали огни лодочно-гаражной станции, где мы изначально собирались накрыть Шавика и его людей.

— Ваше благородие, — прошептал Экин, — спустите пониже, не узнаю ничего.

Я снизил высоту и скорость полёта.

— Вот та лодка, там свет горит, — курьер показал пальцем. — А вот гараж, где они должны были быть.

Лодкой, на которую указал Экин, оказалась неплохая на вид крейсерская яхта. Конечно, у моего отца и, тем более, у деда, яхты намного роскошнее, но это было и так понятно. В окне каюты действительно горел свет.

Мы мягко приземлились на яхту.

— Я пойду первым, — шепнул я.

Экин кивнул.

Я создал из Яра некоторое подобие воздушного гребня, который должен был бы отвести в сторону пули, если советник Шавика начнёт стрелять. Очень тихо и медленно мы подкрались ко двери в каюту. Я вдохнул и резко распахнул её.

На мягком диване, идущем вокруг стола с трёх сторон, сидел какой-то человек с усталым лицом и серыми волосами. Он поднял на меня удивлённые глаза. Я без разговоров, используя Яр, прижал его руки к его же груди и сжал ему горло. Он не издал ни звука, не в силах даже захрипеть.

— Экин, это точно он? — спросил я курьера.

— Да, ваше благородие, — ответил тот и, подскочив к задыхающемуся мужчине, замахнулся ножом, целясь в сердце. Подобная кровожадность Экина мне показалась несколько излишней.

К нашему удивлению, его нож отскочил от груди этого человека, как от камня. Экин с удивлением оглянулся на меня.

— Я не блокировал, Экин, — сказал я.

Курьер посмотрел куда-то мне за плечо.

— Добрый вечер, Ваше Сиятельство, — раздался голос у меня за спиной. — Это я заблокировал удар Экина. Прошу, перестаньте душить этого человека, он ещё послужит нашей родине.

Я, не переставая душить стремительно синеющего мужчину, оглянулся.

У двери стоял никто иной как неприметный господин, дознаватель по случаю смерти княжича Гуриели. Удивительное дело, я сразу узнал его, когда увидел, но ни за что не вспомнил бы его лица, если бы меня попросили его описать.

Рука Экина вывернулась будто бы сама собой. Это тусклый человек, агент императора, применил Яр. Курьер вскрикнул от боли и выронил нож. Я отпустил человека с серыми волосами. Тот сполз на пол и закашлялся.

— Что тут происходит? — спросил я.

— Присядьте, Матвей Михайлович, — бесцветным голосом сказал тусклый господин. — Разговор предстоит долгий.

Я снял защиту от пуль и присел в полном недоумении. Неприметный господин, агент Его Величества — и вдруг заодно с советником мелкого бандита Шавика? Какое-то безумие.

— Прошу меня извинить, Ваше Сиятельство, — сказал мне дознаватель. — Сначала я отпущу моих подчинённых.

Экин стоял, как вкопанный, очевидно, не зная, что делать. Истинную причину его замешательства я узнал несколько позже. Тогда же я подумал, что он не понимает, кто такой этот тусклый человек, и почему он называет сероволосого советника Шавика и, главное, самого Экина, своими подчинёнными.

Советник как раз прокашлялся и медленно поднялся с пола.

— Плохо курируешь! — сказал ему неприметный господин, обратившись по фамилии. — Что твои кадры себе позволяют!

— Виноват! — ответил тот.

— Решай вопрос, — строго сказал ему агент Его Величества, показав глазами на Экина. — А теперь пошли вон отсюда, оба.

Сероволосый господин вышел за дверь, грубо потянув за собой курьера. Впрочем, в том, что он на самом деле курьер, я начал серьёзно сомневаться.

— Обращаться ко мне пока можете Сташков, без регалий и званий, — сказал тусклый человек.

— Что происходит, Сташков? — снова спросил я.

— Как вам известно, я выполняю особые поручения Его Величества, — ответил тот. — Глупо было бы полагать, что это означает, что каждое моё задание Государь отдаёт мне лично. Скорее, он указывает мне направление, в котором я уже разбираюсь сам, так, как мне будет угодно.

— Какое это имеет отношение ко мне? — не понял я.

Сташков продолжил говорить дальше, игнорируя мой вопрос:

— Более того, часто я сам решаю, какие проблемы касаются моей компетенции и разбираюсь с этими проблемами по своему усмотрению, не беспокоя Его Величество.

— Знаете, если вы ещё раз проигнорируете мой вопрос, я, пожалуй, дам вам пощёчину, — предупредил я.

Тогда он вызовет меня на дуэль, и я либо его убью, либо умру, попытаюсь. Заодно и за пытку попробую расквитаться.

— Что? Пощёчину? Забавно, — Сташков кисло улыбнулся. — Хорошо, перейдём к вашему вопросу. Преждевременная кончина молодого Гуриели не давала мне покоя. Смерть в Парящем Дворце Его Императорского Величества! Скандал! В деле замешаны юнк фрейлина Аматауни и стюард Мартынов, которые после этого уединяются в другом кабинете.

Тусклый человек помолчал пару секунд и продолжил:

— Казалось бы, всё понятно, стюард вступился за фрейлину, которая, кстати, сама туда пошла с Гуриели, не рассчитал силы и убил соперника. А если бы погибли вы, Матвей Михайлович, как вы думаете, она бы уединилась с Гуриели, а ваш труп потом выбросило бы

море?

— Ну всё, Сташков! — я вскочил, чтобы ударить его по лицу. Кто он такой, чтобы так рассуждать об Елизавете Георгиевне? Конечно, он не знал того, что она рассказала мне, но это нельзя называть оправданием его словам.

— Сидите, княжич! — шикнул на меня тот. Я почувствовал, как огромная сила прижимает меня к сиденью.

Что, решил Яром померяться? На этот раз мне есть, что тебе противопоставить. Я ответил Яром на Яр, начав давить в противоположную сторону.

— Тьфу ты, — равнодушно выругался Сташков, — вы не даёте мне договорить, заставляете нас обоих попусту тратить силы. А, между тем, это очень важно. Что вас так задело? Мои слова об Амадуни? Ерунда какая! Ну, прошу прощения, забираю свои слова назад, был неправ. Довольны?

— Пожалуй, на данный момент, да, — произнёс я сквозь зубы.

— Тогда продолжаем, — сказал Сташков. Я почувствовал, что давление Яром прекратилось. — Итак, на первый взгляд всё казалось очевидным, но как стюард Мартынов мог заинтересовать прекрасную княжну и убить лютого княжича, если стюард потерял весь свой Яр в детстве и, как он сам себя называет, пустышка? Курите?

Он пододвинул мне лежащий на столе портсигар. Я отрицательно покачал головой.

— Нет? Я тоже, — кивнул он. — Отчаянный Гуриели погиб от ярового шторма, перегрузив свой резервуар. Кто мог выставить такую защиту — пустышка стюард или хрупкая девушка? Никто из них. По их версии, княжич что-то показывал им с помощью Яра и вдруг свалился замертво. Что он показывал, при этом не сообщается.

— Тогда я испытал вас, Матвей Михайлович. Этот метод я разработал сам. И я уверен, что никто не может удержаться от использования Яра для защиты тогда, когда я этот метод применяю, — продолжил рассказ Сташков. — И всё же, вы сидите передо мной. Человек, который, согласно моей проверке, не имеет Яра. Однако вы только что показали завидную даже для князей мощь. Мне очень интересно, как это возможно.

— Я полагаю, вам нужно сначала закончить свой рассказ, чтобы я понимал, почему вообще должен с вами разговаривать, Сташков, — ответил я со внешним равнодушием. На самом же деле, я был взволнован, ведь дело могло дойти до Его Величества.

— Вы правы, стюард, — согласился неприметный Сташков. — Я сделал мысленную пометку о вас, но из списка подозреваемых вычеркнул. Ведь Яра у вас нет, посчитал я. Вполне возможно, что Гуриели действительно убился сам собой. Всякое в жизни бывает, да и я не ясновидящий. Я взял на карандаш и род Амадуни, у которых с Гуриели старая вражда. Если они причастны к смерти во дворце, я рано или поздно об этом узнаю. После этого я сосредоточился на других направлениях своей деятельности.

— Меня не интересуют ваши шпионские штучки, — презрительно сказал я. — Мне плевать, в чьём грязном белье вы копались и кого ещё пытали. Давайте придерживаться нашей с вами темы.

— Само собой, Матвей Михайлович, — Сташков снова позволил себе слабо улыбнуться, — не думаете же вы, что я расскажу вам что-то лишнее, что вас не касается? Конечно же, нет. Для таких людей, как я, умение держать язык за зубами — вопрос профессионализма. Впрочем, это умение полезно для всех вообще.

— Тут я согласен, — кивнул я. — Те, кто сначала говорят, а потом думают, если думают вообще, позорят в первую очередь самих себя, а во вторую — самое понятие разумного

человека.

— Неплохо сказано, Матвей Михайлович, — равнодушно отметил Сташков, — кто знает, может быть, к концу разговора найдём и другие точки согласия?

— Сомневаюсь, Сташков, — ответил я. Какое у меня может быть согласие с подлецом? Тот ничего не ответил и продолжил:

— Однако, к делу. Я вернулся к своей ежедневной рутине, почти позабыв о вас, Аматуни и Гуриели. Почти, потому что я планировал вернуться к вашему делу позднее, когда и если всплывут новые подробности. Тут как раз в районе Пиратского убили местного криминального царька, моего давнего осведомителя, кстати.

— Да, я читал об этом в Паутине, — сказал я, притворяясь, что не имею никакого отношения к смерти усача Фануччи. — Кажется, его звали Фибоначчи или что-то такое. Так вы говорите, он был вашим агентом, сдавал своих дружков?

— Сдавал, да ещё как, но делал он для меня, то есть, в конечном счёте, для императора, не только это. Например, запрещал под страхом смерти преступникам носить огнестрельное оружие, чем сильно обезопасил район, — сказал Сташков. — Доходами от незаконных операций он тоже делился. Это было взаимовыгодное сотрудничество.

— Вы же чиновник на государственной службе! — возмутился я. — И говорите о сотрудничестве с каким-то гангстером, о каких-то преступных доходах!

— Поймите, Матвей Михайлович, — ответил тусклый господин. — Экономике нашего государства, да и любого государства, нужны деньги. Всегда и любые. Фануччи обеспечивал отсутствие хаоса на улице Пиратского и много давал экономике. Много для одного человека, разумеется. Естественно, полиция действовала отдельно от меня и, рано или поздно, в своё время, за ним и за всеми остальными пришло бы правосудие. Но я считал моей задачей поставить и этот преступный район на пользу государству, пока это не произошло.

— Ну и логика, — оставалось только вздохнуть мне.

— А главное, Матвей Михайлович, — продолжил Сташков, — вы можете не ломать комедию, коверкая имя покойного. Я знаю о вашем участии в его смерти и смертях двух его соратников. А также, о вашем участии в судьбе нашего друга Экина.

— Вот как? — сказал я, только чтобы что-то сказать.

— Да. И это нас возвращает к нашему делу. Когда Фануччи был убит кем-то из недоброжелателей, Экин после того, как вы столь благородно дали ему второй шанс стать честным человеком, наведаясь в квартиру покойного. Когда он туда вломился, сработала бесшумная сигнализация, оповестившая об этом моих людей, — продолжил рассказ Сташков. — Они задержали ничего не понимающего Экина, который и рассказал им о том, что Фануччи больше не с нами. А также о том, что началось всё с неудачной попытки ограбления какого-то юного дворянчика.

— И, по-вашему, выходит, что это был я? — попытался я произнести как можно более иронично.

— Естественно. Я знал, что после смерти Фануччи район погрузится в хаос, нужно было как можно быстрее поставить кого-нибудь во главе преступного мира этого места, — ответил агент Его Величества.

Я фыркнул.

— Вам, государеву человеку, нужно было поставить кого-то во главе преступного мира. Вы себя слышите? — горько сказал я.

— Поймите, стюард, — сказал он. — Борьба с преступностью — это задача полиции.

Мои задачи более изящные и иногда требуют не совсем честных методов. Я должен избегать хаоса, чтобы большинство честных граждан могло спать спокойно. Я с радостью отдал бы Фануччи в руки закона, но пока закон не пришёл к Фануччи и его подчинённым, моя задача — минимизировать вред, который они наносят обществу, а ещё лучше, заставить их приносить пользу.

— Понятно, понятно, — махнул я рукой, — так, почему вы думаете, что это был я?

— После того, как мне передали данную Экином информацию, мои люди завербовали его, сделали нашим агентом. Стукачом, попросту говоря. — сказал Сташков. — Мой человек, его куратор, вы, кстати, его только что видели, отпустил Экина, велел отчитываться раз в неделю.

Я удивился:

— Человек, которого я душил — куратор Экина?

— Да, именно так, — кивнул неприметный господин.

— Почему же он не использовал Яра, когда к нему ворвался незнакомый человек, и не начал его душить? — поинтересовался я.

— Потому что у него нет Яра, — пожал плечами Сташков. — В моей организации приносятся разные люди. Правда, после того как его пытался убить Экин, встаёт вопрос о профессиональной пригодности этого агента, но это уже моя проблема, как руководителя. Вас, Матвей Михайлович, она не касается. Кстати, вы не «незнакомый человек», он прекрасно вас знает.

— Интересно, — произнёс я.

— Я вернусь к рассказу. Под влиянием ли ваших слов или по причине отсутствия криминального заработка, но Экин на самом деле устроился на работу курьером. — сказал тусклый человек. — Каково же было моё удивление, когда его куратор сообщил мне, что, доставляя посылку некоему Матвею Михайловичу Мартынову, внуку князя Юрия Мартынова, Экин опознал в адресате того, кто заварил всю эту кашу на улице Пиратского, непреднамеренно подведя Фануччи под нож.

Я резюмировал:

— Таким образом вы сделали вывод о том, что дворянин, которого пытался ограбить Фануччи для поддержания своего авторитета и Матвей Мартынов, — это один и тот же человек, — основываясь на словах Экина?

— Да. И что меня особенно заинтересовало, так это то, что Экин утверждал, что дворянин активно использовал Яра, — ответил Сташков. — И это при том, что я своими глазами видел, что Яра у вас нет совсем. Будь у вас хоть капля, вы бы попытались ей воспользоваться, чтобы избежать пытки.

— А зачем вы мне рассказываете всю эту длинную предысторию? Не для того же, чтобы удовлетворить моё любопытство? — спросил я.

— О, конечно же, нет. Вы всё узнаете, когда придёт время. Я снова присмотрелся к вашей персоне. Вокруг неё в последнее время было много суеты. То вы лупите прутом несчастного словоблуда, то в доме князя Амагуни, с дочерью которого вы так сблизились, происходит настоящая бойня, то вдруг вы секундант на дуэли со смертельным исходом. Дуэли! — презрительно произнёс он. — Два идиота, дерутся как бараны из-за какой-нибудь чепухи! Только бараны умнее, потому что реже убивают друг друга!

— Что ж, видимо, смысл дуэлей понятен только тем, у кого есть честь, — пожал плечами я.

У меня была своя чёткая и аргументированная позиция по этому вопросу, которую я высказывал в разговоре с Валерием Мартыновым, поэтому восклицания филёра, в смысле шпиона, мерзавца и шантажиста, подглядывающего в окна и замочные скважины, меня только забавляли.

— Ах, да, честь. Конечно. Ну, уж простите, Бог не дал, — с сарказмом сказал Сташков. — В общем, в полицейских отчётах, к которым у меня есть доступ, упоминалось, что во время того, когда градоначальник Меньшиков распорядился провести зачистку района от преступных элементов, некий человек в маске ворвался в квартиру, где планировали отсидеться некоторые из этих самых преступных элементов, и выкинул одного из них из окна. По их словам, они неплохо побили его, прежде чем их арестовал полицейский офицер.

— Скажете, и это тоже был я? — поднял бровь.

— Скажу, Матвей Михайлович. Я был почти уверен в этом. И, чтобы убедиться, я отправил к вам Экина, с историей о том, что Шавик, ныне покойный, я полагаю, собирается вас убить для укрепления своего авторитета, а также для того, чтобы отомстить за попавших под арест товарищей, — сказал он.

Я похолодел. Сташков посмотрел на меня долгим взглядом и так же равнодушно продолжил:

— Да. Скажу вам по секрету: изначально я планировал поставить во главе района Шавика. У него, как и у покинувшего нас Фануччи, был Яр, он был одержим жаждой власти больше, чем жаждой денег, у него была своя небольшая группировка и всё же он не смог бы встать у руля без нашей помощи. Но у нас было маловато влияния на него. То есть угроза ареста или смерти — это не всегда лучшая мотивация для плодотворного сотрудничества.

— Меня не интересуют подробности ваших подлых манипуляций, — произнёс я с презрением, через губу.

— Разумеется. Я решил: если моя догадка верна, то, скрывший каким-то образом наличие у себя Яра не только от меня, но даже и от собственных родителей, отказавшийся от выгодной женитьбы и карьеры только ради того, чтобы по какой-то причине скрывать свой Яр, стюард Мартынов не обратится в полицию, нет. Такой стюард Мартынов сам отправится убивать тех, кто хочет убить его!

Сташков опять улыбнулся уголками тонких бесцветных губ. И продолжил:

— И, если он в этом преуспеет, то вместо Шавика, который погибнет, я проведу на вершину криминальной иерархии Экина. Да, это будет чуть сложнее, но зато я буду иметь в своём кармане целого княжича Мартынова!

— А зачем вам в кармане целый княжич Мартынов, позвольте полюбопытствовать? — с иронией поинтересовался я.

— А затем, Матвей Михайлович, что ваше сословие, дворяне, особенно аристократия, графы да князья, терпеть нас, тайных агентов, не могут. «Шпики», «филёры» называете вы нас. Презираете за вынюхивание, за подглядывание, — ответил Сташков и продолжил:

— Чтобы аристократ с нами работал, нужно его на чём-нибудь подловить. На изменах, на нечестной карточной игре, на постыдных сексуальных пристрастиях. Кто попадает на такой крючок? Безответственные трусливые ничтожества, которых даже свои не уважают и ничего им не рассказывают. Бесполезные агенты. Таким, как они, пришлось бы позволить по указке Экина убить куратора, чтобы потом шантажировать их убийством слуги государева.

— А я, это, значит, другое дело? — спросил я.

— Именно так. Если бы вы убили куратора, то не стали бы жить с кровью невинного на своих руках. Сдались бы полиции или руки на себя наложили. Поэтому и не позволил, — ответил Сташков.

«Готов пожертвовать подчинённым из собственной организации, чтобы поймать на крючок дворянина» — поразился я. Вслух же задал вопрос, занимавший меня с того момента, как Экин и куратор ушли:

— А почему Экину нужна была моя помощь, чтобы убить куратора, почему он так торопился его убить, что тыкал ножом вместо того, чтобы подождать пока я его задушу?

Тусклый господин снова шевельнул уголками губ, обозначив подобие улыбки, и ответил:

— Экин не ожидал, что здесь буду я. Его куратор велел Экину привести сюда Матвея Мартынова, когда вы покончите с Шавиком и его группировкой. Экин думал, что куратор будет один и считал, что этот человек — единственный, кто знает о том, что Экин работает на нас. Он просто решил убить своего куратора вашими руками и занять криминальный Олимп самостоятельно. Может быть, даже думал, что сможет и дальше обманом использовать вас для устрашения противников. Небось, мечтал, как будет хвастаться, что у него связи с князьями.

Он хмыкнул:

— Схема, которая одновременно демонстрирует, что у Экина есть лидерские качества, которые позволят ему стоять во главе преступных операций района Пиратского, и то, что он достаточно глуп и самонадеян, чтобы быть уязвимым без нашей поддержки.

— То есть, вы по-прежнему делаете на него ставку, как на главу преступного мира в районе Пиратского. После того, как он попытался убить непосредственного начальника? — уточнил я.

— Ясное дело, делаю ставку. Что же удивительного в том, что преступник ведёт себя как преступник? Он увидел свой шанс в ликвидации группировки Шавика вашими руками и попытался его использовать. Контроль Экина — это головная боль его куратора. Если этот куратор не справится, я назначу другого, — пожал плечами Сташков.

— Давайте вернёмся ко мне, — предложил я.

— Да, к вам. Вы попались не на любви к слишком юным мальчикам и не на воровстве из казны, чтобы покрыть карточные долги. Тут целая кровавая баня, да не одна, — тусклый господин казался почти воодушевлённым. — Я ещё покопаюсь, уверен, что и в деле со старшим Гуриели без вас не обошлось. Хотя, после того, как он ворвался в дом к Амагуни, не удивлюсь, если они и сами его убили...

Сташков помолчал несколько секунд, задумавшись.

— Вы, Матвей Михайлович, — моё самое ценное приобретение. Скрывать ото всех такой объём Яра, такую мощь. И ведь окружающие знают вас как человека благородного и бесстрашного, а главное, честного, — продолжил он. — Стюард Парящего Дворца Его Величества, вы имеете доступ, который другим моим агентам и не снился. Как много вы сможете сделать для нашего Отечества под моим руководством.

— Какой доступ у стюарда? — удивился я.

— Колоссальный, Матвей Михайлович, — твёрдо ответил Сташков. — Просто вы ещё не умеете смотреть на вещи с точки зрения моей профессии. Вы ходите по всему дворцу, вы слышите столько разговоров, можете заходить как в помещения для слуг, так и в помещения для благородных.

— Вы же человек Его Величества, разве у вас нет и так доступа в любые места, куда вы считаете по долгу службы заглянуть? Даже в те места, куда приличный человек заглядывать ни за что не станет? — спросил я.

— Я действительно могу получить доступ во многие места, — согласился тусклый господин, — но все будут знать, что сейчас придёт агент Его Величества, а значит, будут напряжены и подготовлены. К тому же, дворяне меня пускают не охотно и разговаривают со мной лишь тогда, когда нет возможности от этого отказаться.

— А стюард? — спросил я.

— А юного стюарда господа стесняться не будут, — ответил Сташков, — Стюард, он свой, дворянин, княжич, при нём можно и выпить, и пошутить, и о делах иной раз обмолвиться.

— И вы, мелкий, ничтожный шантажист, думаете, что я у вас в кармане? — с насмешкой спросил я.

— Именно так, Матвей Михайлович. Посудите сами. Вы утаили обстоятельства смерти княжича Гуриели, убили двух человек и стали косвенной причиной смерти третьего. Да, вероятно, во всех случаях вы защищались, но это должна установить полиция, от которой вы всё время скрывались. Про секундантство и выходку с журналистом я вообще молчу, — тусклый господин постучал пальцем по лежащему на столе портсигару. — Потом вы выбрасываете из с балкона ещё одного бандита, который выживает только по случайности. И, наконец, вы, с двумя сообщниками, вашим слугой Тарасом и уличным бандитом Экином, убиваете десять человек посреди загородной трассы. Да, они известные бандиты, но и они граждане Империи, их тоже защищает закон. Учитывая то, что вы скрываете свой Яр, всё перечисленное выглядит не просто подозрительно, а откровенно преступно.

— И что же? — презрительно спросил я. — Я должен испугаться правосудия и опозориться, спасая свою шкуру, как какой-нибудь декабрист?

— Декабристов, кстати, использовали умные люди в своих целях, — задумчиво произнёс глава шпионов. — Да, Их Величество Николай Павлович были умным человеком.

— Это точно, — подтвердил я. — Но я не декабрист. Хотите отдать меня под суд — извольте.

— Нет, Матвей Михайлович, под судом вы мне не нужны. Посмотрите на наше с вами положение дел с другой стороны: Отечество нуждается не только в честных прекраснородушных юношах, готовых погибнуть в борьбе с непобедимым злом, — устало вздохнул Сташков, — Отечеству нуждается и в тех, кто готов замарать руки, делая всё возможное, чтобы, пока не появилась возможность истребить зло, оно направлялось в то русло, в котором причинит меньше вреда.

— Между злом, которое причинит много вреда и злом, которое причинит мало вреда, я предпочту не выбирать вовсе, — ответил я фразой из какой-то книжки. В тот момент я действительно так считал.

— А разве вы уже не выбрали, Матвей Михайлович? — спросил шпик. — Почему вы не сообщили в полицию о всех смертях, что произошли вокруг вас в последнее время? Не потому ли, что выбрали меньшее из зол? Рассудили небось так: «княжич к даме приставал, а эти вообще бандиты. Зачем же мне, хорошему честному человеку, из-за них с полицией объясняться, тайну свою раскрывать».

Тут Сташков был полностью прав. В процессе происходящего мои выборы казались честными, оправданными и естественными. Сейчас же, оглядываясь назад на всё произошедшее, я понял, что уже сделал выбор в пользу меньшего зла.

— Я не предал ничьего доверия, не раскрыл ничьей тайны, Сташков, — ответил я. — Этого вы меня делать не заставите.

— Так я и не собираюсь, Матвей Михайлович! — почти воскликнул шпион. — Просто будете рассказывать мне что видели, что слышали за последнее время. Особенно во дворце. Специально залезать в чьи-то спальни в поисках шкатулок с любовными письмами, или что вы там себе навоображали, я вас заставлять не буду.

Я промолчал.

— Поймите, стюард, — как маленькому ребёнку объяснял мне Сташков. — Ведь аристократия всегда будет бороться за власть, сами знаете. Стоит кому-нибудь обнаружить уязвимость Его Величества, как они обязательно ей воспользуются, чтобы посадить на трон своего родственника или удобного себе человека. Разве не наша с вами задача — защищать порядок в Империи всеми возможными способами?

«Если все постоянно будут использовать уязвимости действующего императора, то страну захлестнёт хаос и никакого развития не будет, а только бесконечная междоусобица» — подумал я. Возразить шпиону было нечего.

— Да, — растерянно кивнул я. — Действительно, это задача всякого честного гражданина.

— Значит, если для этого нужно подслушать разговор заговорщиков, людей, которые по определению действуют подло, то необходимо его подслушать и сообщить тому, кто уполномочен с такими угрозами разбираться, то есть, мне? — мягко спросил Сташков.

— Может быть это на самом деле необходимо, Сташков, — не вполне уверенно ответил я. — Но мне, как дворянину, противна сама картина того, как я прячусь за занавеской и подслушиваю кого-то!

Главный константинопольский шпик ответил:

— Это в вас говорят ваша честность, юность и, самое главное, то, что вас ваши же

родственники всю вашу жизнь считали бесполезным и в тонкости аристократической жизни не посвящали. Иначе вы бы знали, что при дворе ничем, кроме интриг, подслушивания и шантажа дворяне не занимаются.

Мне вспомнились многочисленные смуты и дворцовые перевороты Российской империи. Князя Юрия Мартынова, моего деда, я легко мог представить плетушим интриги в стиле Нарышкиных и Мнишеков.

— Что ж, тогда я рад, что меня держали в неведении, — резко сказал я.

— В любом случае, пришло время вам увидеть вещи такими, какими они являются, — сказал Сташков.

— И что? — грустно спросил я. — Мне вы тоже собираетесь назначить куратора?

— Вам? — как будто даже удивился агент. — Боже упаси, Матвей Михайлович, мои люди — сплошь бастарды или босяки, которых я подобрал в местах самых отвратительных. Таких людей нельзя поставить курировать княжича.

— А как же тогда? — спросил я.

— С вами буду работать лично я, — ответил Сташков. — Буду вас холить и лелеять, как котеечку.

— Что вы можете мне дать? — поразился я. — Или вы забыли, кто я, а кто вы? Вас Его Величество в любой момент может сбросить как мелкую карту, чтобы уважить какого-нибудь столбового дворянина вроде моего деда. О вас и строчки нигде не останутся, а мой род и Романовых помнит простыми дворянами, причём не далеко не самыми влиятельными.

— Само собой, Матвей Михайлович, — согласился Сташков, — но, пока я полезен Его Величеству, пока я знаю о ваших тайнах и пока мы оба хотим послужить Короне и русским людям, придётся вам меня терпеть, а порой, уж простите, слушаться.

— Вы жалкий человек, Сташков, — с отвращением сказал я. — Готовы терпеть любые оскорбления, отказываться от своих слов, лишь бы достичь ваших гаденьких целей.

— Что поделать, Матвей Михайлович, — слегка развёл руками шпион, — профессия обязывает.

— Нет, Сташков, — отрицательно покачал головой я, — тут не профессия, тут склад характера такой нужен.

— Да, — кивнул тот, — без этого никуда. Моя личность идеально подходит моему роду занятий. Но сейчас мы говорим о вас, стюард.

— Моя личность не подходит вашему роду занятий, — сказал я.

— Да, с вами мне предстоит ещё поработать, но большого выбора у вас нет, Матвей Михайлович, — сказал шпион. — Если бы вы хотели сдать, если бы рассматривали такой вариант, как реальный, то вы не совершили бы цепочку выборов, которые привели вас за этот столик на этой скромной яхте.

Он был прав. Всё началось с того, что моя сладкая фрейлина умоляла меня сохранить её честь, скрывая то, что на неё напал княжич Гуриели. Потом я просто решил чуть-чуть попридержать информацию о своём Яре. И вот, я сам не заметил, как сижу с кучей убитых своими руками людей за спиной и судачу с главным шпином Константинополя о своей гипотетической карьере осведомителя.

«Маленькая ложь рождает больш... Тьфу, не то!» — всплыла было в голове какая-то избитая фраза. Я плохо помнил всякие клише и трюизмы. И слава Богу.

— Маленькая ложь за собой большую ведёт, Матвей Михайлович, — сказал Сташков. — Я постоянно сталкиваюсь с этим. Такова специфика моей деятельности.

«Может быть, убить его прямо сейчас?» — подумал я. — «Расквитаюсь за пытку. А потом сдамся в полицию и будь, что будет...»

— Мне не нужно, чтобы вы соглашались сейчас же, стюард, — обратился ко мне шпик. — Строго говоря, вы уже согласились, только ещё сами этого не поняли.

«Все, кого я убил, сами начинали атаку на меня или на людей, которых я хотел защитить. Даже если дадут десять лет — в двадцать восемь я снова буду свободным человеком с чистой совестью, — размышлял я. — Я всё ещё буду дворянином, возможно с Яром, внуком Юрия Мартынова... Вся жизнь впереди...»

— Интересно, фрейлина пожелает меня дожидаться?.. — задумавшись пробормотал я себе под нос.

— Простите, Матвей Михайлович, не расслышал? — переспросил Сташков.

Я поднял на него глаза, вспомнив о его существовании.

— Ничего, Сташков, ничего, — ответил я.

И не меняя положения, ударил его тонкой стрелой Яра, целясь в основание затылка. Мой удар встретил почти непреодолимое сопротивление. Сташков, несмотря на всю его уверенность в том, что ему удалось убедить меня сотрудничать с ним, всё это время не терял бдительности.

— Матвей Михайлович, — безэмоционально произнёс шпик, — ну вот зачем вы это? Я думал, это пройденный этап. Вам меня не одолеть. И потом, посмотрите, что вы делаете, пытаетесь убить агента Его Величества.

— Не волнуйтесь, Сташков, — процедил я сквозь зубы, — я сдамся в полицию сразу после этого и понесу справедливое наказание, которое мне назначит суд.

Мы сидели за столом, друг на против друга, в тех же самых позах, в которых разговаривали минуту назад. С той лишь разницей, что между нами происходила смертельная борьба, ведущаяся с помощью Яра.

— Сдадитесь? — повторил за мной Сташков. — Да уж, никогда не стоит недооценивать глупую приверженность дворян понятиям чести.

Я прибавил усилия. Шпик тоже.

— Вам не сломить мою защиту, Матвей Михайлович, — сказал шпик. — Мне легче защищаться, чем вам атаковать.

Я не удостоил его ответом. Просто приложил ещё больше усилий. Он тоже увеличил сопротивление. Я нажал ещё сильнее и почувствовал себя на месте княжича Гуриели, погибшего, пытаясь пробить мою защиту. Я понял, что вполне возможно, я сейчас применю больше усилия, чем смогу пережить, и погибну от ярового шторма.

«Что ж, это будет неплохим исходом», — решил я и надавил ещё сильнее на защиту шпиона.

Впервые я увидел на его лице эмоции. Ими были удивление и страх.

— Стюард, вы погибнете сами, пытаясь убить меня! — воскликнул он. На его лбу от напряжения вздулись вены. Я понял, что он держится из последних сил. Проблема была в том, что, по моим ощущениям, малейшее увеличение напряжения с моей стороны погубит меня самого.

— Прощайте, Сташков, — с трудом произнёс я и освободил весь свой оставшийся Яр.

Я почувствовал огромную нагрузку на весь организм, что-то внутри меня сжалось почти до состояния чёрной дыры. По крайней мере, ощущалось это так. Раздался страшный грохот, и стало темно.

Я остался в сознании, мой резервуар был пуст. То, что я поначалу принял за кромешную темноту оказалось обычной безлунной средиземноморской ночью. По сторонам от меня загорелось несколько огней. У видел Сташкова, по-прежнему сидящего передо мной и тяжело дышащего.

По бокам от него стояли какие-то мужчины, которые держали большие яркие фонари. Крыши у яхты больше не было. Страшный грохот, который я услышал, видимо, был звуком того, как она отрывалась.

— Ну что, Матвей... Мих... Михайлович, — прохрипел Сташков. — Довольны?

Я молчал.

— Неужели вы думали, что я рискну остаться с вами наедине, без подстраховки, зная о том, какие вещи вы творили? — произнёс он, отдышавшись. — На палубе яхты всё это время ждали моего сигнала мои люди. Как видите, даже вашу мощь можно сдержать усилиями трёх человек.

Я ничего не ответил. Я был раздавлен. Я не смог его убить. У меня больше не было Яра И я не погиб от ярового шторма.

— Почему я не умер? — спросил я.

— Не знаю, Матвей Михайлович, — пожал плечами главный шпион. — У меня был наготове и врач, специализирующийся на яровых комах. Но, как видите, он не понадобился. У нас будет много времени во всём этом разобраться, когда мы будем вместе работать.

Я молчал.

— На этом я позволю себе откланяться, Ваше Сиятельство, — сказал Сташков. — Обдумайте наш разговор. Я с вами свяжусь.

Он поднялся из-за стола, и все трое, Сташков и его помощники, взмыли в воздух, растворившись в тёмном небе.

Потерянный, опустошённый, я сидел за столом на изуродованной яхте. Сколько я так просидел, слушая слабые всплески волн, мне неизвестно. Зазвонил телефон. Всё так же глядя перед собой, я медленно вытащил «Нокиа» из нагрудного кармана. Даже не посмотрев, кто мне звонит, я сразу ответил хриплым голосом:

— Слушаю?

— Стюард, — услышал я голос камергёра Парящего Дворца Его Величества, моего непосредственного начальника, — только что пришло распоряжение: Их Высочествам угодно отправиться в путешествие на поезде по Транссибу. Мы едем в Японию.

Начался ливень.

Больше книг на сайте - Knigoed.net